

Ш 1

Т 120

В. Д. ТАБАНАКОВА

АВТОРСКИЙ ТЕРМИН: ЗНАЮ, ИНТЕРПРЕТИРУЮ, ПЕРЕВОЖУ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ФГБОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

В. Д. ТАБАНАКОВА

АВТОРСКИЙ ТЕРМИН:
ЗНАЮ, ИНТЕРПРЕТИРУЮ, ПЕРЕВОЖУ

Монография

Тюмень



Издательство

Тюменского государственного университета

2013

УДК 81
ББК Ш105.32
Т120

В. Д. Табанакова. АВТОРСКИЙ ТЕРМИН: ЗНАЮ, ИНТЕРПРЕТИРУЮ, ПЕРЕВОЖУ: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2013. 208 с.

В монографии делается попытка ввести новую трактовку дискурсивной функции термина – авторский термин. Понятие «авторский термин» расширяется до авторского концепта, до авторского отношения, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. Перевод мы рассматриваем как процесс понимания, который осуществляется на трех уровнях: образное мышление, категоризация, концептуализация, и на трех этапах: восприятие, интерпретация, перевод.

В модель перевода авторского термина может вписаться как студент, так и преподаватель, как практикующий переводчик, так и переводчик-любитель–переводчик «сам себе», как профессионал, владеющий какой-либо терминологией, так и пользующийся преимущественно общелитературным языком. Данная модель — «знаю, интерпретирую, перевожу» может оказаться полезной именно потому, что в ней заложены те лингвистические знания о термине-слове, термине-знаке, термине-системе, которые обеспечат его адекватный перевод в специальном тексте.

Рецензенты: *Н. Н. Лыкова*, доцент, д-р филол. наук,
зав. кафедрой французской филологии
Тюменского государственного университета
Л. М. Алексеева, профессор, д-р филол. наук,
зав. кафедрой английской филологии факультета
современных иностранных языков и литератур
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ISBN 978-5-400-00864-1

© ФГБОУ ВПО Тюменский государственный университет. 2013
© В. Д. Табанакова, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ИМЕЕТ ЛИНГВИСТИКА К СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗНАНИЯМ?	9
§1. С чего начинается лингвистика?	9
§2. Каким образом взаимодействуют язык и специальное знание?	17
§3. Что лингвисты знают о терминосистеме и как они ее моделируют?	28
Глава 2. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ТЕРМИНЕ?	39
§1. Что стоит за термином-словом?	39
§2. Есть ли душа у термина?	53
§3. Что стоит за термином-знаком?	66
§4. Термин — это номинация или предикация?	74
Глава 3. ЧТО ТАКОЕ ТЕРМИН В ДИСКУРСЕ?	81
§1. Как сочетается логическое и образное в научном дискурсе?	82
§2. Как мы моделируем научное знание в учебных целях? ...	86
§3. Что такое термин в лексикографическом дискурсе? ...	111
Глава 4. АВТОРСКИЙ ТЕРМИН: ПОНИМАЮ, ИНТЕРПРЕТИРУЮ, ПЕРЕВОЖУ	141
§1. Какие фоновые знания о термине-слове нам пригодятся?	144
§2. Как мы понимаем и как интерпретируем?	156

§3. С чего начинается перевод термина?	168
§4. Каким образом мы воспринимаем, интерпретируем и переводим авторский термин?	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	197
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	201

ПРЕДИСЛОВИЕ

Импульсом к написанию этой книги послужила серия лекций «Академия», читаемых крупными учеными на канале ТВ «Культура». С большим интересом слушая лекции по неведомым мне проблемам физики, кибернетики, генетики, математики, химии, микробиологии, нанотехнологий, я размышляла о том, каким образом и насколько глубоко, имея лингвистическое профессиональное образование, я понимаю очень сложные научные термины. К лекциям добавились очень интересные документальные научные зарубежные сериалы на русском и английском языках, такие как «Сквозь кротовую нору с Морганом Фрименом», и возникло желание исследовать и описать лингвистический опыт «понимания» научного термина. В основу исследования процесса понимания легли два предположения:

1. Метафорическая и логическая природа термина позволяет смоделировать определенный уровень понимания научного термина для слушателя, или читателя, имеющего разное профессиональное образование.

2. Понимание иностранного термина в научном дискурсе в первую очередь обеспечивается лингвистическим знанием — знанием семантики термина и умением пользоваться словарями. Другими словами, понимание термина в иноязычном тексте оформляется его переводом.

Таким образом, процесс понимания термина в научном дискурсе рассматривается как поэтапный мыслительный процесс, опирающийся на лингвистические и экстралингвистические знания о термине, терминологии и терминосистеме. Моделируя процесс перевода термина, мы предлагаем последовательно пройти все этапы понимания: восприятия, интерпретации и собственно перевода.

Логика, имплицитированная в названии монографии «Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу» основывается на том, что перевод

термина мы рассматриваем как достаточно сложный ментальный процесс, который начинается с лингвистического знания. Используя терминологию А. Греймаса, мы можем сказать, что базовая модальность *желание* «перевести» базируется на модальности *знание* [Греймас, 2004].

В монографии делается попытка ввести новую трактовку дискурсивной функции термина — **авторский термин**. Понятие «авторский термин» расширяется до авторского концепта, до авторского отношения, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. Это не значит, что все термины в тексте будут авторскими. Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект, новый, свой собственный индивидуальный подход к предмету исследования. Он выстраивает свою логико-понятийную систему.

Выражение «авторский термин» в чем-то перекликается с понятием «авторский замысел», но не в литературоведческом и не в стилистическом смысле, а в семиотическом плане. Авторский замысел в этом смысле является «замыслом речи» по выражению Н. И. Жинкина. Он рассматривает замысел речи как психолингвистическое понятие, которое теоретически вытекает из понятий о структуре языка, интеллекта, значения текста [Жинкин, 1998: 168]. Проецируя идею замысла речи автора на процесс вычленения авторского термина, мы можем ограничить понятие «авторский термин» результатом контекстуального семантического и логико-понятийного анализа языковых форм декодирования в специальном тексте.

В предлагаемом названии монографии «Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу» свернуты пять тем, пять вопросов, пять научных проблем:

1. Какое отношение имеет лингвистика к специальным знаниям?
2. Что такое термин?
3. Что такое авторский термин?
4. Как мы понимаем и интерпретируем термин?
5. Как мы его переводим на другой язык?

Вопросительная форма предлагаемой проблематики, также как и разделов книги в оглавлении выбрана не случайно. Формулируя

какое-либо утверждение в виде вопроса, мы, тем самым, допускаем неоднозначность ответов, предлагаем рассмотреть что-то с разных сторон и приглашаем к размышлению и продолжению научного исследования. Остановимся на каждом из пяти вопросов.

1. Язык как знаковая система и знание как структурированная специальная информация взаимодействуют по законам языка как форма и содержание. Посредником в этом взаимодействии выступает термин, который совмещает в себе лингвистическое и специальное знание. Лингвисты, лингвисты-переводчики, лингвисты-терминологи, лингвисты-лексикографы обеспечивают это взаимодействие, разрабатывая средства и способы представления специального знания. Комплексный лингвистический анализ терминологии и логико-понятийный анализ терминосистемы позволяет моделировать научное знание и описывать его в разных прикладных целях.

2. В отечественном терминоведении накоплен богатейший исследовательский материал по всем системным и функциональным аспектам термина-знака и термина-слова. Опираясь на результаты исследований термина лингвистами-терминологами и на результаты собственных исследований, делается попытка собрать и обобщить все то, что лингвисты знают о термине-функции, о термине-знаке и чем может воспользоваться любой, желающий его понять и перевести. Для этого потребовалось описать совместить его противоречивые начала — *образное и логическое, лингвистическую форму и экстралингвистическое содержание, номинативность и предикативность.*

3. Первая ассоциация, возникающая за сочетанием «авторский термин» — термин, закрепленный за именем его создателя, например, *закон Вавилова, закон ампера, закон авогадро* [Большая астрономическая энциклопедия, 2008]. При этом, закрепление это может отражаться в форме термина (как это произошло в трех приведенных выше терминах), а может и не отражаться, и мы узнаем об «авторстве» из текстов дополнительно. Так, термины *фон и фигура* предложены В. Ф. Новодрановой [Сборник научных трудов, 2010: 245]. Термин также может быть заявлен как коллективный авторский термин, например, *Inderterminacy* [Там же: 459]. Наконец, термин может и не быть заявлен как авторский но мы считаем его таковым, когда находим в авторском

тексте. Так, я могу условно для себя считать *сгусток смысла* (для обозначения понятия «термин») авторским термином С. Е. Никитиной [Никитина, 1987: 29], а термин «метафорическая терминологизации» я могу запомнить как термин Л. М. Алексеевой на том основании, что я его впервые увидела в заголовке ее работы [Алексеева, 1996].

Заметим, что при восприятии всех приведенных примеров авторских терминов, мы ориентируемся, прежде всего, на их лингвистическую, а значит мотивированную форму. Мы вряд ли сможем их определить, или даже просто отнести к какой-либо терминосистеме вне контекста, вне ситуации, вне дискурса. Именно дискурс позволяет «заглянуть в план содержания», определить значение термина и подобрать к нему переводной эквивалент. Поэтому, представляется интересным расширить это понятие. В авторском термине мы предлагаем увидеть такое специальное понятие, за которым стоит собственно авторское понимание и собственно авторская интерпретация.

Поиск ответов на 4-й и 5-й вопросы привел к необходимости обращения к ментальным процессам и ментальным категориям, таким как *восприятие, понимание, интерпретация, перевод*. Это, в свою очередь обусловило обращение к исследованиям в органически связанных с лингвистикой областях знаний — психологии, философии, формальной и содержательной логике, лингвокультурологии, герменевтике, логической семантике, нейролингвистике, методике преподавания языков, переводоведению. Такой интегрированный подход помог переосмыслить ситуацию *перевода термина в тексте*, сделать ее многоплановой и многоуровневой для переводчика. Переводчиком в данной ситуации может быть человек с разным уровнем владения языком, с разным уровнем и характером образования. В модель перевода авторского термина может вписаться как студент, так и преподаватель, как практикующий переводчик, так и переводчик-любитель, переводчик «сам себе», как профессионал, владеющий какой-либо терминологией, так и пользующийся преимущественно общелитературным языком. Данная модель — «знаю, интерпретирую, перевожу» может оказаться полезной именно потому, что в ней заложены те лингвистические знания о термине-слове, термине-знаке, термине-системе, которые обеспечат его адекватный перевод в специальном тексте.

КАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ИМЕЕТ ЛИНГВИСТИКА К СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗНАНИЯМ?

§1. С чего начинается лингвистика?

Лингвистика, как и всякая другая наука, начинается с получения высшего (сегодня — трехступенчатого университетского) образования.

Остановимся на тезисе: *«лингвистическое образование обеспечивает качественно новый уровень владения языком как знаковой системой»*. И это не случайно. Время через смену потребностей образовательного рынка диктует содержание лингвистического образования.

Несколько риторических вопросов по теме:

- Зачем теория языка, если цель свободно говорить на языке?
- Можно ли выучить язык по специальным интенсивным программам в индивидуальном порядке?
- Можно ли овладеть иностранным языком в интерактивном групповом режиме без лингвистической подготовки?
- Зачем идут студенты других факультетов и вузов на специальный факультет на параллельное трехгодичное интенсивное обучение с полным циклом теоретических дисциплин?
- Зачем идут на второе, лингвистическое образование, если можно пожить за границей и активизировать практику языка за 2-3 месяца?

За этими «простенькими», на первый взгляд, вопросами стоит сегодняшнее понимание языка как многофункциональной знаковой системы.

Язык — это структура

Язык — это система знаков

Язык — это средство общения

Язык — это средство мышления

Язык — это средство познания мира

Язык — это культура.

Небольшой экскурс в историю вопроса. В нашей стране долгое время лингвистическое образование отсутствовало, а лингвистика не обозначалась как специальность. В дипломах институтских, университетских, кандидатских и докторских вписывалась обобщающая квалификация *филолог*. Это объясняется тем, что статус науки лингвистика приобретала постепенно, преодолевая искусственно создаваемые препятствия, такие, например, как политические «игры в лженауку». В 70-х годах, с преобразованием педагогических институтов в университеты, в дипломы выпускников к слову *филолог* добавили *преподаватель иностранного языка и литературы*. В 1997 году появляется первое поколение стандартов по направлению «Лингвистика и межкультурная коммуникация». В 2000 году, на рубеже веков, Министерство образования Российской Федерации вводит второе поколение стандартов по лингвистическим специальностям, а позднее — третье.

Интересно, что лингвистическая составляющая всегда присутствовала в образовательных программах подготовки специалистов по иностранным языкам, но лингвистическая подготовка в вузах осуществлялась не сама по себе, а в tandem с преподаванием иностранных языков и постепенно становилась фундаментом в преподавании языка, что закрепилось в термине лингводидактика. Нужно отметить, что отечественная школа методики преподавания иностранных языков второй половины XX века считалась и действительно являлась сильнейшей. При этом лингвистика как специальность долгое время оставалась «за кадром».

Примечательно, что в процессе реструктуризации системы гуманитарного образования с большим трудом разводились понятия «лингвист» и «филолог». Объяснить это, по-видимому, можно тем, что лингвистике приходилось время от времени отстаивать свой статус. Между тем, еще в сороковых годах прошлого века все акценты в этом вопросе были расставлены Л. Блумфильдом, который разграничил разные задачи, стоящие перед филологами и лингвистами. Он очень

точно сформулировал предмет исследования для лингвиста как «речь, ее форму и что за ней стоит, и какие факторы определяют использование этой формы» [Блумфильд, 1999: 37].

Смена квалификации *иностранные языки* на квалификацию *лингвист* носит закономерный характер, и обусловлена с одной стороны основными направлениями и тенденциями развития современной лингвистики, с другой — условиями успешной межкультурной, межкузыковой и межнаучной коммуникации и постоянно развивающимися информационными технологиями. Этапы развития лингвистики как науки могут быть охарактеризованы как смена научных парадигм: *дескриптивная, структурная, коммуникативная, когнитивная*. Во 2-й половине XX века лингвистика как всякая другая наука, прокладывая себе путь в производство, развивалась как прикладная наука. В этой связи закономерно появляются такие прикладные отрасли лингвистики как *общее и прикладное терминоведение, общая и специальная лексикография (терминография), в том числе и электронная, теория и практика перевода (в том числе компьютерного), корпусная лингвистика, лингвистическое обеспечение автоматизированных поисковых систем, математическая лингвистика, лингвосомиотика, автоматическая обработка естественного языка*. Все эти направления закладывались в рамках специальности «структурная, прикладная и математическая лингвистика» (так она называлась в 50-60-х годах XX века). Нужно отметить, что по этой специальности в масштабах страны готовились «штучные» специалисты: в ЛГУ, МГУ группы набирались по 12-14 человек. Сегодня эти направления во многом определяют уровень лингвистического образования как фундамента в овладении международными языками и информационными технологиями.

Чем больше и глубже знания о языке, тем успешнее и эффективнее мы используем язык во всех его функциях. Но самое востребованное сегодня свойство языка — это его информационная емкость, т. е. его способность хранить, обрабатывать, оформлять, интерпретировать, передавать информацию.

А сейчас посмотрим на лингвистику как систему научных знаний, то есть терминосистему. В самом общем виде терминосистему можно

представить как некую категориальную «сетку», которую можно наложить на любые и на все термины определенной области знания.

Опыт разработки и чтения курса «Введение в специальность» для студентов-переводчиков в 3-м семестре показал, что «ввести» в специальность — значит заложить базовые лингвистические понятия таким образом, чтобы сформировать каркас, фундамент минимальных исходных лингвистических знаний. На этот каркас в последующие годы обучения будут наращиваться знания разных разделов лингвистики, закрепленных согласно программе в общих курсах теории языка: *история английского языка, лексикология, теоретическая грамматика, стилистика, общее языкознание*. И в дисциплинах специализации по таким направлениям как: *теория и практика перевода, лексическая семантика, общая и специальная лексикография, лингвистика текста, методы лингвистического исследования*.

Задача отбора и организации лингвистического понятийного аппарата решалась в несколько этапов.

На первом этапе определились интегрирующие с лингвистикой области специального знания, терминология которых проникла в современную лингвистику. К ним относятся — *математика, философия (логика), теория коммуникации, информатика, семиотика, физика и физиология, социология, психология, этнография, культурология*.

Интеграция этих наук с языкознанием оформилась в соответствующей отрасли современной лингвистики:

- нейролингвистика
- математическая лингвистика
- экспериментальная фонетика
- вычислительная лингвистика
- лингвокультурология
- психоллингвистика
- этнолингвистика
- социоллингвистика
- когнитивная лингвистика
- семиоллингвистика

Интегрированные лингвистические знания наглядно представлены на рисунке 1 следующей страницы.



На втором этапе были собраны основные термины и понятия, которые органично вошли в лингвистическую терминологию и активно используются в современных лингвистических исследованиях.

МАТЕМАТИКА

- | | |
|-----------------|------------------------|
| • Множество | • Функция |
| • Вероятность | • Алгоритм .. |
| • Предикат | • Модель (конструкция) |
| • Пропозиция | • Трансформация |
| • Изоморфизм | • Субституция |
| • Квантор | • Исчисление |
| • Пресуппозиция | • Граф |
| • Конъюнкция | • Программа |
| • Дизъюнкция | |

ЛОГИКА

- Абстрагирование
- Аксиома
- Анализ
- Аналогия
- Аргументация
- Вывод
- Гипотеза
- Дедукция
- Деление
- Дефиниция (определение)
- Дизъюнкция
- Доказательство
- Допущение
- Законы (логики)
- Смысл
- Имена (знаки предметов познания)
- Индукция
- Импликация
- Интерпретация
- Исчисление
- Классификация
- Конъюнкция
- Модальность (суждения)
- Модус
- Обоснование
- Опровержение
- Отношение
- Отрицание
- Ошибка
- Подтверждение
- Понятие
- Предложение
- Предикат
- Правило (вывода)
- Признак
- Принцип
- Рассуждение
- Релевантность
- Синтез
- Силлогизм
- Смысл
- Суждение
- Теория
- Термин
- Умозаключение
- Формализация
- Функция
- Эквивалентность
- Язык

СЕМИОТИКА

- Семантика
- Синтактика
- Десигнат
- Денотат
- Референт
- Коннотат
- Знаковая система
- Модусы значения
- Прагматика
- Знак
- Поэтика
- Предикат
- Субъект
- Объект
- Высказывание (пропозиция)
- Семантические примитивы

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

1. Модели коммуникации:
 - социологические
 - психологические
 - семиотические
2. Виды коммуникации:
 - визуальный
 - вербальный
 - художественный
3. Средства массовой коммуникации (mass media)
 - кино
 - телевидение
 - литература
4. Коммуникация в сфере PR (public relations)
5. Международная коммуникация (теория переговоров):
 - аргументация
 - имидж
 - пропаганда
 - миф
 - реклама
 - психоанализ

ИНФОРМАТИКА

- Информационно поисковая система (ИПС);
- Информационно-поисковый язык, (словарь);
- ИПС ручного типа;
- Автоматизированная ИПС;
- Поисковый образ документа;
- Компрессия свертка, реферирование;
- Аннотирование текста.

На третьем этапе встала необходимость выявить базовые категориальные понятия, которые могут выполнить классификационную и систематизирующую функции в процессе моделирования лингвистического знания. В результате логико-понятийного (категориального)

анализа лингвистической терминосистемы удалось выделить 8 универсальных базовых категорий:

1. Единица:
 - Языка (*фонема, морфема, фразама...*);
 - Речи (*аллофон, алломорф...*).
2. Форма:
 - Речевая: (троп, эпифора, диафора ...);
 - Грамматическая (вида, числа, залога, временная ...).
3. Категория:
 - Семантическая (модальность, синонимия, антонимия ...);
 - Грамматическая (род, число, падеж ...);
 - Речи (инвариант ...).
4. Значение:
 - Лексическое: (денотат, коннотат ...);
 - Грамматическое (род, число, падеж ...).
5. Структура:
 - Морфологическая;
 - Словообразовательная;
 - Синтаксическая;
 - Семантическая и др.
6. Функция:
 - Смысловая;
 - Стилистическая;
 - Синтаксическая и др.
7. Система:
 - Язык
 - Грамматика
 - Речь
 - Семантика и др.
8. Метод:
 - Морфемный анализ;
 - Семантическое поле;
 - Семный анализ;
 - Сопоставительный анализ и др.

В результате формируется каркас — базовая понятийная сетка лингвистической терминосистемы, с которой можно соотнести любой лингвистический термин и тем самым включить его в систему понятий, в систему знаний.

Таким образом, мы убедились в том, что лингвистика, вобравшая в себя понятийный аппарат самых разных точных и естественных наук, начинается с фундаментального университетского образования, которое обеспечивает сегодня достаточно высокий уровень владения новыми информационными технологиями. А лингвистическое знание начинается с овладения лингвистической терминологией, а значит — понятийным аппаратом современной лингвистики, за которым стоит терминосистема.

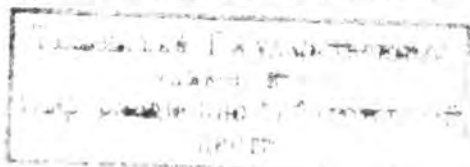
§2. Каким образом взаимодействуют язык и специальное знание?

Оттолкнемся от понимания гносеологической функции языка, которая в свою очередь включает в себя сразу две функции: дискурсивную и кумулятивную. Язык, таким образом, реализует одновременно две совершенно разные способности:

- 1) отражать информацию;
- 2) отображать ментальные процессы.

Нас интересует, каким образом языковая форма отражает и отображает знания. Для этого мы сначала обратимся к поэтапному развитию лингвистической терминологической деятельности в нашей стране и смене парадигм в терминоведении и терминографии, и попытаемся проследить экологическую обусловленность лингвистической интерпретации способов представления знаний.

Развитие современного общества всегда связывалось с решением энергетических и информационных вопросов. Наука и техника занималась решением энергетических задач. Поиск новых энергетических ресурсов привел к расширению информационной деятельности. Переработка потоков информации в органах управления и хозяйствования потребовал автоматизации информационных процессов, разработки информационных технологий. Расширились контакты лингвистики с



техникой, поскольку обязательным объектом всех информационных задач является естественный язык, который со второй половины XX в. пополняется в основном за счет терминологии. Интеграция гуманитарных и технических наук ведет к тому, что лингвистические знания приобретают особую значимость. Так в 50-х годах начинается лингвистическая терминологическая деятельность у нас в стране. И нужно отметить, что первыми терминологами становятся специалисты в области науки и техники Д. С. Лоте, Э. К. Дрезен, С. А. Чаплыгин, А. М. Терпигорев, В. С. Кулебакин, Я. А. Климовицкий. Из 3-х видов лингвистической терминологической деятельности (научно-технический перевод, научно-техническая лексикография, упорядочение научно-технической терминологии) ведущим направлением в середине 60-70 гг. XX века у нас в стране стала научно-техническая стандартизация.

В середине прошлого века государственная структура СССР позволяла создать разветвленную систему гостов и стандартов и соответственно государственных структур и организаций занимающихся разработкой терминологий. Возглавлялась эта деятельность в Центрах научно-технической информации разных уровней. На сегодняшний день научно-исследовательская работа по стандартизации и унификации государством не поддерживается. ЦНТИ разных уровней упраздняются, и разработка терминологических гостов перестает быть научно-исследовательской проблемой государственного масштаба. С появлением и развитием рыночной экономики язык рынка наполнился постоянно расширяющейся и стихийно формирующейся, не поддающейся упорядочению и стандартизации номенклатурой продуктов и предметов. Огромный пласт языка в номинативном аспекте стал функционировать и управляться по законам рынка — спрос определяет предложение.

Одновременно с работами по унификации, нормализации и стандартизации терминологий развивается терминоведение как лингвистическая наука и к концу XX в. у нас складывается достаточно представительная школа лингвистов-терминологов — А. С. Герд, В. М. Лейчик, Б. Н. Головин, С. Д. Шеллов, Л. М. Алексеева, С. В. Гринев, З. И. Комарова и многие другие.

Востребованная роль лингвистов достаточно ярко прослеживается во всех прикладных направлениях терминологической деятельности. Особенно успешно лингвисты-прикладники заявили себя в разработке информационно-поисковых языков. И на сегодняшний день, несмотря на сильную компьютерную поддержку и техническое обеспечение первичная обработка информации, например, в библиотечном деле всегда предусматривает обработку естественного языка и прежде всего специального языка науки и техники — терминов.

Взаимообусловленность, взаимодействие и взаиморегулирование языка как знаковой системы и знаний как специальной научной структурированной информации достаточно наглядно можно проследить на поэтапном развитии **теории термина и моделировании терминологий и терминосистем** в прикладных целях.

Теория термина создавалась последовательно со всеми лингвистическими парадигмами: структурной, функциональной, когнитивной, дискурсивной. Начиналась она с проблемы определения термина. Осмысление термина как двуединой сущности, которая в плане выражения функционирует как языковая единица лексического уровня, а в плане содержания отражает фрагмент специального и научного знания, породило за полувековой период многообразие определений понятия «термин»:

Термин — это слово, специальное слово, специальное понятие, специальный объект словесный комплекс языковой, особый знак, функция, член терминологической системы, единство знака и понятия, лингвоментальный знак культуры, специальная единица науки. Во всех этих родо-видовых определениях, так или иначе, прослеживается единство языковой формы и специального научного содержания.

Но, не будем забывать, что знаковая форма термина вариативна. Термин-знак наряду со словом может быть представлен также символом, формулой, аббревиатурой, дефиницией, схемой, рисунком. Другими словами, понятие «терминология» можно расширить до совокупности различных знаковых систем и отнести сюда систему естественных знаков, образные знаки, знаковые системы записи, коды. При этом каждому типу знаковой системы, как пишет Г. А. Дианова,

будет соответствовать свой базисный знак. «Естественным знаком будет соответствовать материальный предмет, образным системам — образ, языковой системе — слово, системам записи — знак записи, кодовым системам — символ» [Дианова, 2010: 33]. Подчеркнем, что в нашем исследовании именно многообразие знаковой формы термина обусловило привлечение не только лингвистических методов описания терминов и терминологий.

Здесь нужно отметить, что форма и содержание вступают в определенные противоречия, поскольку термин как «двуликий Янус» открывает сразу две двери, два входа — в языковую систему и систему знаний. Он подчиняется законам разных систем. Термин как знак специального понятия всегда стремится к точности, однозначности систематичности, дефинированности. В то время как термин-слово, функционируя в речи, обретает многозначность, обрастает специальными антонимами и синонимами по форме. Такое взаимодействие формы и содержания в силу внутренних законов языка как живой саморегулирующейся системы требует от лингвистов и специалистов объединения усилий по упорядочению и гармонизации терминологий с тем, чтобы приводить в соответствие **терминологии** как стихийно складывающиеся совокупности терминов с **терминосистемами** как понятийными системами, создаваемыми и выстраиваемыми человеком.

Если подходить к терминологии как к языку для специальных целей, то на первый план в терминологических исследованиях выходит функциональный, что в полной мере подтверждает 2-й и 3-й постулаты интеграционизма: все знаки порождаются коммуникативными ситуациями и не существует знаков, которые были бы автономными, свободными от контекста [Белозерова, 2010].

Специфика порождения термина-знака заключается в том, что термин — это всегда вторичная номинация. Сначала специалисты экспериментально выходят на специальное понятие, затем придумывают знак для его обозначения, т. е. в отличие от слова создается человеком, отсюда возникает необходимость и возможность унификации и стандартизации языковой формы термина. Терминологическая номинация, как правило, метафорична, а термин по природе своей

мотивирован. Второй постулат проецируется на способность термина отображать не просто одно существующее понятие, но систему понятий. Через деформацию одного термина всегда можно выйти на всю терминосистему.

Таким образом, ближе всего язык «подходит» к знаниям в исследованиях по общему и прикладному терминоведению. Остановимся на прикладной области терминоведения — **терминографии**.

Следуя заявленному тезису, лингвистическое описание терминологической лексики позволяет моделировать систему понятий, стоящих за терминами — терминосистему. Самым востребованным для специалистов лингвистическим описанием терминологии является терминологический словарь, а то, что концептуально заложено в словаре, по сути, является моделью терминосферы, а сам словарь мы в полной мере можем считать способом представления этих знаний. Здесь нужно отметить, что необходимость участия лингвистов в разработке специальных научных и технических словарей не всегда признавалась в практике терминографии. При этом словари, составленные специалистами без предварительного лингвистического и логико-понятийного анализа, отличаются низкой информативностью [Табанаква, 1987] и, следовательно, не в полной мере выполняют центральную для терминологического словаря функцию — систематизирующую.

Взгляд лингвистов на специальную, терминологическую лексику и на специальные словари, безусловно, отличается от взгляда специалистов. **Лингвисты** смотрят на терминологию как на знаковую лингвистическую систему, за которой стоит система специальных понятий, и рассматривают проблему упорядочения терминологии с точки зрения приведения двух систем в определенное соответствие. Лингвистический подход в описании любой терминосистемы, основывается на том, что лингвисты знают законы, по которым образуются и функционируют слова-термины в языке и речи. **Лингвисты-терминологи** знают, каким образом формируется морфологическая, грамматическая, словообразовательная и семантическая структура слова-термина, а также особенности его функционирования в разных

речевых регистрах, в разных типах текста, в разных коммуникативных ситуациях. Именно они разрабатывают и описывают семантику языка науки. Например, блестящее исследование семантики языка науки описано в книге Серафимы Евгеньевны Никитиной «Семантический анализ языка науки» [Никитина, 1987]. **Лингвисты-лексикографы** владеют арсеналом словарного описания общей и специальной лексики, а именно: принципами и критериями отбора специальной лексики в словарь; эффективными способами организации лексики в словаре, системой средств семантизации (раскрытия значения) слова-термина в словаре; способами отражения терминологических системных связей в словаре; типологическим анализом словарей.

Итак, термин — знак по природе своей двойственен: по форме он лексическая единица со всеми ее существенными и отличительными признаками, а по содержанию он принципиально отличается от неспециального слова, как минимум, тремя параметрами — понятийностью, дефинитивностью и системностью:

- термин обозначает специальное понятие. За ним стоит не образ, не предмет, не чувство, не эмоция, а понятие (мысль о предмете). Понятие потому и специально, что оно живет среди других таких же специальных понятий определенной области знания.
- дефинитивность термина проявляется в том, что наряду со значком словом специальное понятие выражается в форме дефиниции, которая закрепляется за термином и взаимозаменяема с ним. Поэтому, когда мы объясняем какой-либо термин, мы успешно раскрываем его значение через определение понятия и описание предмета, названного этим термином.
- термин системен в том смысле, что за ним стоит не одно специальное понятие, а целая система понятий. Именно через место, занимаемое термином в терминосистеме, мы понимаем и определяем содержание самого термина. Эти характеристики являются существенными и отличительными признаками термина-знака, позволяющими разграничить термины от обычных слов общелитературного языка, а также от терминов других областей знания.

Именно эти семантические параметры закладываются в терминологический словарь, а их отражение в словаре специальными лексикографическими средствами вскрывает терминосистему и тем самым структурирует специальные знания. Для иллюстрации обратимся к описанию экологического термина в словаре и попробуем проследить, насколько современный экологический термин «терминологичен», а именно, насколько он понятен, дефинирован и системен. Именно эти три характеристики помогут нам вычлениить базовую научную экологическую терминологию.

Возможность наглядно продемонстрировать понятийную структуру экологической терминосистемы нам дает дефиниционный анализ словаря-справочника «Экология и охрана природы» (ЭОП) [Снакин, 2000: 384].

Понятийный анализ 174 родовидовых определений данного словаря помог проследить, чем выражается родовое понятие определяемого термина.

Оказалось, что экологические термины могут определяться через:

- термины той же терминосистемы,
- термины других терминосистем,
- межнаучные термины,
- общенаучные термины,
- категориальные понятия,
- технические термины,
- общие, неспециальные понятия.

Обобщая полученные данные анализа дефиниций однословного экологического термина, мы выявили, что 174 родовых понятий выражаются:

1. Термином той же терминосистемы, в которую входит определяемый термин, то есть экологическим термином (22); **2. Термином других терминосистем**: биологии, химии, геологии, географии, юриспруденции, ботаники, физики, философии, медицины (33); **3. Межнаучным термином**, который используется в двух и более естественных науках: *поглощение, образование, уничтожение, разрушение, единица, обмен, режим, воздействие* и др. (54); **4. Обще-**

научным термином, который используется практически во всех науках: *дисциплина, учебник* (2); **5. Категориальными понятиями**: процесс, свойство, совокупность, вещество, состояние, пространство, отношения, способ, комплекс, количество, величина и т. д. (47); **6. Техническим термином** (2); **7. Общим неспециальным, неклассифицирующим понятием**: *приспособление, перевод, потеря, мероприятие, составление* и т. д. (14).

Если эти типы родовых понятий представить в порядке частоты их использования, то на первом месте окажутся **межнаучные термины** (их более 30%), на втором — **категориальные понятия** (их 27%), на третьем — **термины других терминосистем** (их около 19%). **Термины той же терминосистемы** составляют всего около 12%.

Такое распределение разных по терминологичности родовых понятий, с одной стороны говорит об интегрировании общенаучной и специальной лексики. С другой стороны, дает возможность наглядно продемонстрировать понятийную структуру терминосистемы. Кроме того, соотношение выделенных групп понятий показывает степень отражения системности анализируемого термина. В данном случае понятийная структура в дефинициях экологического термина представляет собой еще не сформировавшуюся систему междисциплинарных понятий, в которой собственно экологические понятия составляют лишь немногим более 10%.

Можно также заметить, что в 10% дефиниций данного словаря родовой признак выражен общим, неспециальным понятием, или вообще не выражен. Такие дефиниции говорят о «слабой» системности экологического термина, или о низкой степени отражения системности термина в данном словаре. В связи с этим, пользователям терминологических словарей можно посоветовать определять степень системности словаря заранее, обращаясь к его предисловию, где в идеале должна быть представлена и обоснована концепция словаря в целом.

Таким образом, мы условно можем выделить два уровня отражения системности в терминологическом словаре:

1. Словари со слабым отражением системности. Системные отношения в том или ином объеме заложены в словарь имплицитно, но не вскрыты.

2. Системные словари, построенные на предварительном, полном логико-понятийном анализе со вскрытыми понятийными отношениями, эксплицитно представленными соответствующими лексикографическими средствами семантизации.

До сих пор речь шла об одноязычных терминологических словарях толкового типа. Очевидно, что создатели переводных специальных словарей также не могут обойтись без предварительного понятийного анализа терминосистемы. Для того, чтобы перевести термин на другой язык, то есть найти иноязычный знак для обозначения специального понятия, нужно, прежде всего, определить содержание специального понятия. Понятийный анализ особенно необходим в таких случаях, когда в языке, на который переводится термин, отсутствует специальный знак-эквивалент, а также в случаях многозначности и омонимичности переводимого термина. Часто для того, чтобы выбрать один из нескольких переводных эквивалентов, нужен категориальный анализ для определения категориального понятия, стоящего за каждым из этих эквивалентов. Категориальное понятие может выполнять роль родового понятия и использоваться в качестве переводного эквивалента, т. е. переводные терминологические словари, как и одноязычные, разрабатываются на основе логико-понятийного анализа терминосистемы.

Лингвистическая разработка терминологии в переводном словаре требует комплексного сопоставительного исследования двух терминологий и терминосистем. Примером такого исследования может стать концептуальный, словообразовательный, грамматический, лексико-семантический анализ тематической группы экологических терминов «Воздух». Данная тематическая группа представлена в тезаурусе General Environmental Multilingual Thesaurus [URL, 2004] в виде двух алфавитных списков терминов, по 232 в каждом:

- | | |
|---------------------------------|-----------------|
| 1. автомобильные выхлопы | 1. acid rain |
| 2. азот | 2. aeration |
| 3. аммиак | 3. aerobiology |
| 4. анализ отходящего газа | 4. aerosol |
| 5. аппарат респираторной защиты | 5. afterburning |

6. асбест
7. асбестоцемент
8. атмосфера
9. атмосферная инверсия
10. атмосферная частица
11. атмосферные осадки
12. атмосферный аэрозоль
13. атмосферный выброс
14. атмосферный озон
- ... 232.

6. air
7. air movement
8. air pollutant
9. air pollution
10. air quality
11. air quality control
12. air quality management
13. air quality monitoring
14. air temperature
- ... 232.

Нужно заметить, что в данных списках не отражена ни система терминов, ни система понятий. Чтобы увидеть систему терминологическую (терминологию как систему знаков, придуманных по правилам языка), нам понадобится провести лингвистический анализ этих терминов: **словообразовательный, грамматический, лексикосемантический.**

Так, **словообразовательный** морфологический анализ английских терминов тематической группы «воздух» показывает, что из 232 терминов 25 — простые (одноморфемные слова); 15 — дериваты (образованные префиксальными и суффиксальными морфемами); 190 — сложные слова, образованные основами. При этом оформление сложных терминов различно:

а) одним словом, например, *fallout, NOEL, thunderstorm*; **б) двухсловным терминологическим сочетанием**: *sulphur-dioxide, wet process, unleaded petrol*; **в) трехсловным терминологическим сочетанием**: *volatile organic compound, waste heat charge*; **г) четырехсловным**: *motor vehicle exhaust gas* и т. д.

Грамматический анализ этих же терминов раскроет нам грамматическую структуру словообразовательных моделей. Так, большая часть экологических русских и английских терминов построена из номинативных основ: N+N, N+N+N, N+N+N+N. Следующая по распространенности идет модель адъективная (с прилагательным компонентом). Глубже проникая в словообразовательную морфологическую структуру экологического термина, мы обнаружим, что они состоят

из определенных для данной области знания морфем, таких как *eco-, atom, geo-, eu-, -etum, epi-, ae-* и т. п. Эти морфемы выполняют роль строительного материала и, зная их значение, выходим на содержательные признаки понятия.

Лексико-семантический анализ покажет, какой семантический перенос признаков использован в образовании термина из обычного слова. Например, метафора *cooling tower, air movement*, метонимия *gas mixture, four stroke engine, indoor air pollution, dry cleaning*. Нужно подчеркнуть, что метафорическая и метонимическая (которая обычно преобладает у специальной лексики) природа номинации помогают нам подойти к значению термина. Форма таких терминов является «прозрачной», и мы их называем мотивированными.

Семантический анализ дает возможность проследить мотивированность языковой формы термина, узнать, почему то или иное специальное понятие названо именно этим словом или словосочетанием. Так, нам легко догадаться о значении таких мотивированных терминов как *выброс пыли, выброс попутно выработанного тепла, влажность атмосферы* и т. д., потому что в их форме сохраняется прямое общее значение слов.

Можно заметить, что мы всегда опираемся на **мотивированность формы** иноязычного термина, которая определяет интернациональный характер специальной лексики. Так, подавляющая часть английской и русской экологической терминологии носит интернациональный характер, поскольку ее форма восходит к латыни. Степень мотивированности термина непосредственно влияет на процесс подбора иноязычного эквивалента при переводе: 1) полная мотивированность: *atmosphere — атмосфера*; 2) частичная мотивированность: *glaze — ледяная корка, гололед*; 3) ложная мотивированность: *oceanic climate — морской климат*; 4) отсутствие мотивированности: *low flow — минимальный речной сток*. Здесь нужно особо выделить «непонятные» немотивированные английские термины, которые переводятся дословно, побуквенно, т. е. их перевод носит формальный характер: *silt — ил, hydrologic balance — гидрологический баланс, infiltration — инфильтрация*.

В заключение мы можем кратко обобщить сказанное в следующих утверждениях:

1. Язык как знаковая система и знание как структурированная специальная информация взаимодействуют по законам языка как форма и содержание.
2. Посредником в этом взаимодействии выступает термин, который совмещает в себе лингвистическое и специальное знание.
3. Лингвисты, лингвисты-переводчики, лингвисты-терминологи, лингвисты-лексикографы обеспечивают это взаимодействие, разрабатывая средства и способы представления специального знания.
4. Комплексный лингвистический анализ терминологии позволяет моделировать научное знание и описывать его в разных прикладных целях.

§3. Что лингвисты знают о терминосистеме и как они ее моделируют?

В терминоведении разводятся два понятия:

- 1) **терминология** (под которой понимается совокупность слов и словосочетаний, используемых для обозначения специальных понятий),
- 2) **терминосистема** (как система специальных понятий определенной области знания).

Мы не должны забывать, что разделение на терминологию и терминосистему достаточно условно. Это также условно, как разделение языка на язык и речь, разделение языковой единицы на языковую форму и содержание. Мы часто используем слово «язык» в значении «речь», а слово «терминология» в значении «терминосистема». Так, когда мы говорим, что русский язык велик и могуч, мы имеем в виду речь. А когда изучаем экологическую, экономическую, юридическую, химическую терминологию, то имеем в виду, что мы изучаем эти науки, эти терминосистемы. Условное разделение терминологии на термины и терминосистему придумали лингвисты, поскольку они, прежде всего, исследуют языковую форму, а знание содержательной стороны термина-знака для них ограничено. Вместе с тем, они могут

войти в терминосистему через дефиницию термина. Специалисты же, как правило, не задумываются о лингвистической форме, и термины воспринимают в объеме и содержании специальных понятий. Они знают, что за каждым термином стоят другие специальные понятия, фрагмент системы понятий. Задача для лингвистов заключается в разработке способов и методов анализа и описания терминологии и терминосистемы. Таким образом, лингвисты занимаются лингвистическим моделированием терминологий и терминосистем¹.

Терминология является своего рода результатом развития терминосистемы, которая, по мере формирования, закрепляется в какой-либо языковой форме. Терминология всегда вторична по отношению к терминосистеме, поскольку специальное понятие всегда первично по отношению к знаку его называемому. Сформировавшаяся в процессе развития терминосистемы терминология становится частью литературного языка как лексика, образованная существующими в языке способами словообразования, поэтому вполне естественно, что терминология, как специальная лексика, становится предметом лингвистического исследования.

Сложность разработки терминологий лингвистами заключается в том, что в понятие терминологии включены и сами термины-слова и терминосистема, стоящая за ними. В то же время методы лингвистического анализа ограничены в своих возможностях описывать семантику термина. Такие отличительные признаки термина как системность и понятийность требуют привлечения нелингвистических методов.

Напомним, что термины-знаки, так же как и обычные слова, имеют план выражения, т. е. определенную лингвистическую форму, и план содержания — объем и содержание специального понятия. Следовательно, любой термин мы, лингвисты, можем анализировать, прежде всего, как лингвистическую, лексическую единицу с точки зрения ее фонетической, графической, морфологической, словообразовательной

¹ Познакомиться с некоторыми результатами лингвистических исследований терминологий и терминосистем Вы можете в коллективной монографии «Лингвистическое моделирование», изданной в ТюмГУ в 2009 г.

структуры и можем также представить ее содержание через описание существенных и отличительных признаков понятия, стоящего за термином-знаком. Таким образом, лингвистический анализ позволяет описать терминологию как совокупность терминов-слов. Именно лингвистическое описание значения термина мы находим в обычном толковом алфавитном словаре, где специальное терминологическое значение слова кратко определено в его семантической структуре как лексико-семантический вариант. Лексический анализ не устанавливает и не может установить отношений между словами-терминами. Для того, чтобы проанализировать терминосистему, нам необходимо проанализировать внутрисистемные понятийные отношения, и мы обращаемся к логико-понятийному анализу.

Понятийная, а значит логическая, природа термина требует обращения к категориям формальной логики, таким как *понятие, типы понятий, типы отношений между понятиями, дефиниция, классификация*. Среди типов понятий особое место занимают так называемые категориальные понятия (категории). Термином *категории* обозначаются наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания. К основным категориальным понятиям относятся такие субстанции, как *время, пространство, материя, движение, качество, количество, причина, процесс, следствие, форма, содержание, возможность, действительность, сущность, явление*. В формальной логике есть несколько классификаций категориальных или концептуальных понятий (некоторые из которых будут рассмотрены ниже). Начинаются они обычно с десяти категорий Аристотеля — *субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание*. Заканчиваются тремя общепринятыми универсальными категориями²:

- *субстанция (предмет, вещь),*
- *свойство (качество, характеристика),*
- *отношение.*

² Подробнее на логических понятийных категориях мы остановимся в главе «Что мы знаем о термине?»

И вот, мы переходим к категориальному анализу как способу моделирования терминосистемы.

Категориальный анализ начинается с родовидового определения, т. е. подведения специального понятия под более широкое родовое понятие, которое может обобщать и группировать частные видовые понятия в классы и группы, классы и категории.

Термин — это *знак*, слово — *лексическая единица*, язык — *знаковая система*, подорожник — *растение*, аэробы — *организмы*, гидрофиты — *растения*, абиогенез — *теория*.

Если мы более внимательно посмотрим на перечисленные родовые понятия, то заметим, что они могут быть разной степени удаленности (обобщения) от определяемого понятия. Термин — это и *единица*, и *лексическая единица*, и *слово*, и *специальное слово*. Подорожник это и *растение* и *организм*. Любой термин может быть подведен под непосредственное родовое понятие или под более широкое. И таких «ступенек» может быть несколько: *подорожник большой* → *подорожник* → *семейство подорожниковых* → *порядок норичниковых* → *класс двудольных* → *отдел цветковых* → *подцарство высших растений* → *царство растений* → *автотрофные организмы* → *организмы*.

Максимально широкие специальные понятия для терминов какой-либо области составят «верхушку» терминосистемы. Для терминов *слово*, *термин*, *суффикс* — это *единица*, для терминов *аэробы*, *подорожник*, *гидрофиты* — это *организмы*. Если мы соберем все верхушки, то получим **базовые категориальные понятия** той или иной области знания.

Так, например, дефиниционный логико-понятийный анализ дефиниций 3980 русских и 5960 английских экологических терминов позволил выделить несколько сотен категориальных понятий далее сгруппированных в поля, построенные на основе иерархических отношений между их элементами. [Ковязина, 2006]. В результате категориального анализа экологической терминологии получено 18 понятийных полей в английском языке: 1) *matter*, 2) *process*, 3) *space*, 4) *measurement*, 5) *science*, 6) *quality/property*, 7) *state/condition*, 8) *bioecology*, 9) *autoecology*, 10) *atmosphere*, 11) *hydrosphere*,

12) *lithosphere*, 13) *pedosphere*, 14) *agriculture*, 15) *climatology and meteorology*, 16) *forestry*, 17) *environmental economics*, 18) *environmental protection* и 19) понятийных полей в русском языке: 1) **вещества**, 2) **процесс**, 3) **пространство**, 4) **величины**, 5) **наука**, 6) **общество**, 7) **признак**, 8) **состояние**, 9) биозология, 10) аутоэкология, 11) атмосфера, 12) гидросфера, 13) литосфера, 14) педосфера, 15) сельское хозяйство, 16) климатология и метеорология, 17) лесное хозяйство, 18) защита окружающей среды, 19) экономика окружающей среды.

Здесь следует остановиться подробнее на двух видах категориальных понятий: специальных и общих, универсальных. Например, из приведенных 18 английских и 19 русских экологических понятий первые 7 в английском языке и первые 8 в русском языке являются универсальными (общенаучными) категориями (в списках они выделены жирным шрифтом). Остальные (напечатанные обычным шрифтом) являются узкоспециальными, характерными для данной области знания.

Нужно отметить, что обычно мы наблюдаем наличие как общих, так и специфических базовых понятий в одной терминосистеме. Поскольку цельная картина мира, весь понятийный универсум в свое время был искусственно поделен на терминосистемы разных наук и дисциплин, то ничего удивительного нет в том, что во всех научных терминологиях для определения терминов используются общие понятийные категории, такие как *структура*, *процесс*, *свойства*, *метод*, *параметр*, *субстанция* и т. д. Так, например, сопоставление категориального анализа экологической и лингвистической терминологий показывает, что наборы категорий двух, казалось бы, таких разных и обычно противопоставляемых терминосистем как естественнонаучная (экологическая) и гуманитарная (лингвистическая) легко соотносятся.

Общеэкологические

категории

СУБСТАНЦИЯ

СТРУКТУРА

ХАРАКТЕРИСТИКА

ПРОЦЕСС

↔

↔

↔

↔

Общелингвистические

категории

ЕДИНИЦА

СТРУКТУРА

ФОРМА

ОТНОШЕНИЕ

Таким образом, специальные категориальные понятия являются иерархическими вершинами терминосистемы. Общие, универсальные, категориальные понятия выполняют интегрирующие функции, устанавливают межнаучные и междисциплинарные связи и подчеркивают одновременно специфические для каждой терминосистемы концептуальные объекты.

А теперь остановимся на возможностях категориального анализа для решения прикладных задач в терминографии.

Теория лексикографии выработала к сегодняшнему дню принципы разработки терминологических словарей. основополагающим является обязательный предварительный логико-понятийный анализ терминологии, которая формирует лексический массив словаря. Цель логико-понятийного анализа — смоделировать терминосистему. Одним из этапов логико-понятийного анализа является категориальный анализ. Категориальное моделирование дает возможность решать такие лексикографические проблемы как отбор терминов в словарь, формирование базовой терминологии, а также, установление переводных словарных соответствий.

Современные терминологические словари в зависимости от их типологических параметров и функций предлагают разные модели словника — тематическую, полевою, гнездовую т. д. Все типологические модели в основном определяют способ организации и семантизации уже как-то ограниченного словника. Они не нацелены на выработку принципов ограничения количественного и качественного состава входных единиц. И они, как правило, не отвечают на вопрос «Какие именно темы, поля, группы и подгруппы составляют ту или иную терминосистему?». Вероятно, причиной того, что они не ограничивают терминологический массив «сверху», является их функциональная направленность. Они призваны описывать терминосистему, а не задавать ее.

В основе предлагаемой модели лежат не специальные понятия, а универсальные понятийные категории, такие как *субстанция, свойства, качество, процесс, структура* и т. д., что дает возможность

задать верхние границы и определить объем терминосистемы как совокупности определенного количества категорий с последующим ее наполнением подкатегориями-терминами разных уровней по родовидовому принципу деления.

Иллюстрацией может служить категориальное моделирование обще экологической терминологии. Как показал логико-понятийный категориальный анализ, в ее основе лежат четыре общих понятийных категории: *субстанция, структура, характеристика, процесс* и все составляющие обще экологической терминосистемы, а именно атмосфера, гидросфера, биосфера, литосфера, вписываются в эту категориальную сетку³.

Ниже приводится категориальная структура русской общеэкологической терминологии подсистемы атмосфера. Термины сгруппированы по четырем общим неспециальным категориям, а они, в свою очередь конкретизируются через специальные общие понятия. Так, например, в подсистеме атмосфера *субстанция* сужается до *воздуха*, *характеристика* — до *воздушной массы*, *процесс* до *климата*, *структура* — до *атмосферы* (см. рис. 5 а и 5 б).

Наполнение каждой категории конкретными терминами может варьироваться в зависимости от прикладных целей. Так, накладывая эту сетку на определенный массив терминов, мы задаем понятийный состав для каждой категории с целью формирования объема и структуры конкретной терминологии. Например, на рис. 6 показано распределение в рамках данной категориальной сетки английской терминологии подсистемы ATMOSPHERE, взятой из словаря A Dictionary of Ecology, 1998.

³ Подробнее с результатами исследований в данном направлении можно познакомиться в работах В. Д. Табанаковой, М. А. Ковязиной «Моделирование английской и русской экологической терминологии в учебных целях» (2007) и М. А. Ковязиной «Понятийная система современной экологии в отраслевом словаре конца XX века (на материале английского и русского языков)» (2006).

АТМОСФЕРА

СУБСТАНЦИЯ

ВОЗДУХ

Сухой воздух
 Газовый состав
 Кислород
 Азот
 Углекислый газ
 Молекулярный кислород
 Атомарный кислород
 Озон
 Молекулярный азот
 Аргон
 Гелий
 Водород
 Водяной пар
 Вулканическая пыль
 Тонкий пепел
 Почвенная пыль
 Космическая пыль
 Аэрозоли
 Сернистый газ
 Оксид углерода
 Сероводород

СТРУКТУРА

АТМОСФЕРА

Альтобиосфера
 Парабииосфера
 Тропосфера
 Тропобиосфера
 Облака
 Подстилающая поверхность
 Приземный слой
 Слой трения
 Тропопауза
 Стратосфера
 Стратопауза
 Озоносфера
 Мезосфера
 Мезопауза
 Термосфера
 Турбосфера
 Ионосфера
 Экзосфера
 Радиационный пояс

Рис. 5а. Категориальная модель подсистемы «АТМОСФЕРА»

АТМОСФЕРА

ХАРАКТЕРИСТИКА

ВОЗДУШНЫЕ МАССЫ

Давление воздуха
 Плотность воздуха
 Температура воздуха
 Влажность воздуха
 Туман
 Облака
 Электрическое поле
 Барические системы
 Циклон
 Антициклон
 Фронт
 Полярный фронт
 Арктический фронт

ПРОЦЕСС

КЛИМАТ

Конвекция
 Стратификация
 Инверсия температуры
 Инверсия приземная
 Циркуляция воздушных масс
 Ветер
 Местный ветер
 Бризы
 Горно-долинные ветры
 Ледниковые ветры
 Фен
 Бора
 Шквалы

Рис. 5б. Категориальная модель подсистемы «АТМОСФЕРА»

ATMOSPHERE

<u>SUBSTANCE</u>	<u>STRUCTURE</u>
air (mass) (9)	atmospheric structure (16)
Antarctic air	atmospheric 'window'
Arctic air	convective cell
maritime air	exosphere
polar air	free atmosphere
saturated air	heterosphere
soil air	homosphere
thermal	ionosphere
tropical air	mesopause
warm sector	mesosphere
	stratosphere
	thermosphere
	tropopause
	troposphere
	layer
	boundary layer
	ozone layer
<u>CHARACTERISTICS</u>	<u>PROCESS (15)</u>
atmospheric condition (16)	atmospheric boil
buoyancy	atmospheric circulation
humidity	breeze
absolute humidity	land and sea breezes
relative humidity	sea breeze
specific humidity	direct circulation
instability	general circulation
conditional instability	meridional circulation
convective instability	jet stream
potential instability	polar-front jet stream
inversion	subtropical jet stream
radiation inversion	lee waves
surface inversion	rossby waves
temperature inversion	shimmer (atmospheric boil)
trade-wind inversion	swell
stability	
supersaturation	

Рис. 6. Категориальная модель подсистемы «ATMOSPHERE»

Важно подчеркнуть, что формирование словника *двухязычного* терминологического словаря предполагает разработку двух терминологий как двух самостоятельных терминосистем. Отсюда и наполнение русской и английской моделей будет различным. Мы это видим в выше приведенных таблицах.

Таким образом, категориальное моделирование научной терминологии одновременно решает две задачи:

— ограничивает, задает объем, сетку терминологического массива «сверху» с последующим необходимым наполнением;

— выстраивает понятийную иерархию по принципу от общего к частному.

Еще одной терминологической проблемой, где необходим понятийный и в том числе категориальный анализ, является разработка *переводного* словаря, когда основным принципом является автономное независимое моделирование терминосистем разных языков. Отметим, что словарные разноязычные соответствия научных терминов не являются «переводными» (в прямом значении этого слова), а вырабатываются как понятийные соответствия. Наглядной иллюстрацией необходимости сопоставительного понятийного и категориального анализа нам послужит тот же самый фрагмент русского и английского тематического указателя «воздух» в тезаурусе экологических терминов GEMET [URL, 2004]:

- | | |
|---------------------------------|----------------------------|
| 2. автомобильные выхлопы | 2. acid rain |
| 3. азот | 3. aeration |
| 4. аммиак | 4. aerobiology |
| 5. анализ отходящего газа | 5. aerosol |
| 6. аппарат респираторной защиты | 6. afterburning |
| 7. асбест | 7. air |
| 8. асбестоцемент | 8. air movement |
| 9. атмосфера | 9. air pollutant |
| 10. атмосферная инверсия | 10. air pollution |
| 11. атмосферная частица | 11. air quality |
| 12. атмосферные осадки | 12. air quality control |
| 13. атмосферный аэрозоль | 13. air quality management |

14. атмосферный выброс
15. атмосферный озон
...232

14. **air quality monitoring**
15. **air temperature**
...232

И в том, и в другом списке, как мы видим, дается одинаковое количество терминов, что означает, что эти списки содержат одни и те же экологические понятия (*concepts*), которые обозначены по-разному в разных языках. Термины-знаки расположены по алфавиту и поэтому они могут, конечно же, не соотноситься по форме в разных языках, так как термины образуются по определенным моделям терминообразования, которые заложены в системе каждого языка и в системе терминологии как специальном подязыке. Чтобы расставить их как соответствующие друг другу английские и русские знаки, нам нужно будет их соотносить через одно общее понятие. В тематическом указателе «воздух» тезауруса GEMET мы сразу отмечаем прямое соответствие между английским *atmosphere* и русским *атмосфера*, *asbestos* — *асбест*, *asbestos cement* — *асбестоцемент*, потому что они прозрачны и совпадают по форме. Немного сложнее разобраться в соответствиях группы терминологических сочетаний с одним компонентом: *атмосферный* — *atmospheric*, когда русских терминов 6, а английских — 20. Это значит, что в одном языке 6 терминов построены по такой терминообразовательной модели, а в другом — 20, и чтобы найти для всех английских терминов русское соответствие нам нужно будет проанализировать понятия, обозначенные этими терминами, то есть перейти из системы терминов в систему понятий. Обязательным этапом понятийного анализа является категориальный анализ.

Таким образом, в данном разделе мы ограничились тремя примерами **применения категориального анализа как инструмента моделирования терминосистемы:**

- 1) с целью отбора терминов в словарь;
- 2) с целью формирования базовой терминологии;
- 3) с целью установления переводных словарных соответствий.

§1. Что стоит за термином-словом?

Когда мы идем от текста, от речи (письменной или устной), то мы в первую очередь видим и слышим термин как обычное слово, которое состоит из тех же звуков, букв и морфем, что и все остальные слова естественного языка. Это значит, что по своей лингвистической форме термин не отличается от слова. Именно поэтому подавляющее большинство определений термина используют в качестве родового понятия — *слово* или *словосочетание*. Для всех очевидно, что оформляются термин и слово единообразно.

Сегодня в терминоведении аксиоматическим стало положение о том, что в плане выражения термины ничем не отличаются от обычных слов и словосочетаний. Они отличаются в плане содержания. И это действительно так, но только в идеальном, теоретическом аспекте, когда мы сравниваем термин и слово как лингвистические, лексические единицы. Это обобщение работает ровно до того момента, пока мы не обращаемся к ним как единицам речи. И тогда перед нами стоит задача отделить термин от не термина или слово в специальном значении от неспециального слова. И с этой проблемы начинается практически любое лингвистическое исследование терминологии.

Граница «термин — не термин» просматривается достаточно легко, когда слова вне контекста одновременно закреплены за общим и специальным значением. Например, такие слова как *солнце*, *звезда*, *вода*, *воздух*, *кислота*, *человек*, *рынок* в своем ближайшем значении несут общеупотребительное, повседневное значение. Вместе с тем, они также имеют и специальное значение как астрономические, биологические, химические, экономические термины. «Имеют значение» — это значит, что за ними стоят специальные понятия. При этом не важно,

владеем ли мы в полном объеме содержанием специального понятия, его дефиницией, но важно то, что в специальное понятие мы ничего не можем привнести «неспециального», личного, образного, как мы это делаем с обычными словами. Как писал Б. Рассел: «Чем больше мы подходим к законченной абстрактности логики, тем меньшей становится неизбежная разница в значениях, которые люди связывают со словом» [Рассел, 2001: 16].

Но семантическая структура слова очень подвижна и изменчива. Новое значение, прежде чем закрепиться за словом как специальное проделывает длительный путь во времени и мы, используя все свои знания русского языка, часто затрудняемся разграничивать специальные и неспециальные значения. Куда мы, например, отнесем слова *мультик*, *мультипликационный фильм*, *анимационный фильм*? Согласитесь ли Вы с тем, что *мультик* с его уменьшительно-ласкательным суффиксом — это общеупотребительное слово, а *мультипликационный* и *анимационный фильм* — это терминологические словосочетания? Изменится ли наше восприятие этих слов, если мы их читаем, например, в следующем тексте: «Техника создания мультипликационного (анимационного фильма) достаточно сложна. Для того чтобы создать 15-минутный фильм необходимо воспроизвести приблизительно 45 тыс. изображений» [Большая книга изобретений, 2007]? И не присоединятся ли в этом тексте к терминам также слова «техника создания», которые вне контекста могут считаться общеупотребительными?

Ответы на эти вопросы могут быть разными, поскольку граница между формой слова и его содержанием очень подвижна и нам порой трудно в процессе восприятия остановиться только на форме, не принимая во внимание его значения. С другой стороны, само понятие лингвистической формы очень емкое и сама лингвистическая форма наполнена содержанием, что проявляется в обобщенном, закреплённом в языке за элементами этой формы значением вне контекста: *мульти*, *-ик*, *-ион*, *анима*, *-ция*.

Взаимообусловленность значения слова и его формы (обычно звуковой) в лингвистике называется мотивированностью. Надо ска-

зять, что теория мотивации — одна из самых интересных лингвистических теорий. Одновременно, это и очень сложная по исполнению лингвистическая проблема, поскольку предполагает проведение хронологического исследования и восстановление этимологии слова. Теория мотивации в отечественной лингвистике находится в стадии формирования. Достаточно отметить, что одно из первых монографических исследований с названием «Мотивология и ее аспекты» появилось только в 2007 году [Блинова, 2007].

Мотивированность термина имеет свою специфику. Ведь термин — это вторичная номинация и «делается» он фактически из морфологического «строительного материала» общелитературного языка. Поэтому все термины исходно можно считать мотивированными. Например, легко прочитывается «прозрачная» форма таких терминов как атом (не делимый), геология (наука о земле), водород (образующий воду). Но из такой формы мы берем лишь ее буквальное лексическое значение, в то время как специальное значение если и отражается в ней, то только в объеме отличительного признака понятия. Для того, чтобы узнать специальное значение термина в полном объеме, нам потребуется дефиниция. Таким образом, начинаем мы знакомство с термином-словом с его лингвистической формы, и первым шагом на пути к его пониманию будет сбор всех не специальных лексических значений морфем и слов его составляющих.

Но рано или поздно, нам нужно будет перейти на другую сторону языкового знака — на план его содержания и посмотреть, что же стоит за термином-словом, или что замещается термином-знаком. И здесь мы уже будем определять термин как *специальное слово, особый знак, специальное понятие, член терминологической системы, специальное знание* и т. п. Попробуем пройти к содержанию через понятие «особый знак». Для этого обратимся к структуре языкового знака и от нее в дальнейшем перейдем к структуре знака-термина.

К теории знака сегодня обращаются исследователи самых разных областей знаний, связанных с анализом человеческой деятельности, — логики, психологии, языкознания, антропологии, педагогики и др. Философы связывают теорию знака с проблемой моделирования

процессов познания и понимания. Теория знака, как и всякая другая теория, начинается с определения исходного понятия. Нужно заметить, что при наличии десятков определений знака, вопрос о том, что такое знак остается открытым. Даже самое общее понимание знака как материального чувственно-воспринимаемого предмета или явления, выступающего представителем другого предмета или явления, не дает возможности закрепить это слово за каким-то определенным образом, представлением или понятием. Поэтому теорию знака часто называют «проблемой знака». Проблема знака заключается, прежде всего, в сложности, неоднозначности, разноплановости, неопределенности его структуры.

К истокам этой проблемы подошел выдающийся мыслитель, философ и методолог XX века Георги Петрович Щедровицкий. Он показал, что состояние проблемы знака, с которым мы имеем дело сегодня, явилось результатом взаимодействия и пересечения нескольких различных линий, наметившихся с конца XIX и начала XX столетия:

1) Линия философско-психологического исследования знака, идущая от Г. Фреге и Э. Гуссерля через Вюрцбургскую школу психологии мышления к работе К. Бюлера «Теория языка».

2) Линия «формальной» трактовки знака, подготовленная работами школы Д. Пеано, ранними работами Б. Рассела, А. Уайтхеда и Л. Витгенштейна, получившая наиболее резкое выражение в логико-математических работах Д. Гильберта и затем развитая на более широком материале и с новыми моментами Венским кружком, Варшавско-Львовской школой и др.

3) Логико-психологическая трактовка знака у Ч. Морриса, пытавшегося синтезировать указанные выше направления.

4) Логико-философское направление, идущее от Дж. Мура, через позднего Л. Витгенштейна к современным представителям философии «лингвистического анализа».

5) Психологическое направление Л. С. Выготского, в котором знак рассматривался как средство (или «орудие»), включающееся в поведение индивида и перестраивающее его.

6) Линия структурно-лингвистического анализа знаковой функции, подготовленная работами Ф. де Соссюра и получившая наиболее резкое выражение у Л. Ельмслева и Х. Ульдалля.

7) Линия «содержательного» лингвистического исследования знака у В. Порцига и Л. Вайсгербера, для которых главным в проблеме было исследование «значения» [Щедровицкий, 1995: 516].

Он отмечает далее, что «уже сам факт обилия всех этих направлений говорит о том, что проблема знака еще очень далека от разрешения. И действительно, ни одной из перечисленных линий исследования не удалось построить сколько-нибудь удовлетворительной (т. е. непротиворечивой и достаточно полной) теории знака и вместе с тем обеспечить решение тех практических задач, которые сейчас стоят» [Там же, с. 517].

В традиционной формальной логике структура знака представляется как строгое отношение формы знака и его содержания. Формальная структура знака (в том числе и языкового) разработана на основе «принципа параллелизма содержания и формы», т. е. на основе предположения, что 1) каждому элементу знаковой формы языковых выражений соответствует строго определенный субстанциальный элемент содержания и 2) способ связи элементов содержания в точности соответствует способу связи элементов знаковой формы.

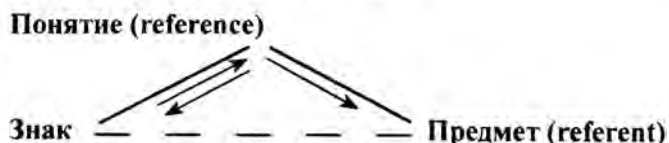
В лингвистике формальная структура знака накладывалась на единицы языка и тем самым создавались разные по полноте модели языковых знаков. Нас интересует, прежде всего, структура знака-слова. Семиотическая структура слова начинается обычно с дуальной структурной модели слова, впервые предложенной Фердинандом де Соссюром, где слово представлено через связь звукового оформления — *обозначающего* и того, с чем оно соотносится — *обозначаемого*: *signifier* — *signifie*.

В течение нескольких десятков лет дуальная модель расширялась и усложнялась. Во второй половине двадцатого века классической моделью семантической структуры слова стал семиотический треугольник, который в модификации Огдена и Ричардса выглядит как взаимодействие трех элементов:

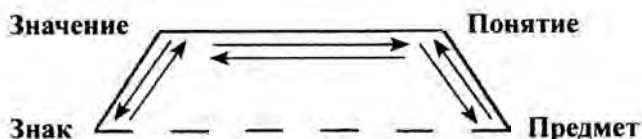


Семиотический треугольник, представленный в многочисленных учебных изданиях по лексикологии и лексической семантике, позволяет проследить процесс отображения в нашем сознании значения слова через соотношение знака (имени, ярлычка в его звуковой или буквенной форме) с понятием или представлением о каком-то кусочке действительности. Интересно, что сплошные линии, связывающие эти элементы в форме треугольника, позволяют «войти» в него через любую из точек, поскольку за каждой из них стоит своя реальность. Так, *знак*, как языковая форма принадлежит системе языка. *Понятие* — есть ментальная, мыслительная категория. *Референт* является фрагментом объективной действительности, то есть то, что мы относим к экстралингвистике. Таким образом, мы наглядно убеждаемся в том, что значение слова — это многомерная единица, а модель структуры значения представляет собой сложный и многоуровневый процесс познания.

Если мы продолжим рассматривать характер отношений между этими элементами на следующем ниже рисунке, то увидим, что знак и понятие связаны взаимобратной более тесной связью, чем понятие и предмет. Пунктирная линия в треугольнике показывает максимальную степень условности между предметом и знаком его называющим. Условность обозначения предметов словами легко просматривается в наличии разных слов для обозначения одного и того же предмета в разных языках: *стол*, *a table*, *der tisch*.



Треугольная модель семантической структуры слова может быть расширена, когда в семантическую структуру включается собственно лингвистическая категория — категория «значения», как это сделано, например, в «Трапеции К. Хегера». При этом характер отношений может измениться:



В обобщенном виде семантическая структура лингвистического знака достаточно емко и в то же время понятно изложена Ю. С. Степановым. Приведем цитату-описание отношений знака к понятию и референту, в котором он в том числе уточняет значения русских и английских терминов. «В слове внешний элемент — последовательность звуков или графических знаков, означающее — связан — в системе языка и в сознании его носителей — с двумя другими элементами: с одной стороны, с предметом действительности, т. е. с вещью, явлением, процессом, называемым *денотат*, *референт*, *экстенционал*; с другой стороны, с понятием или представлением об этом предмете, называемым (в разных теориях по-разному) *означающее*, *сигнификат*, *концепт*, *интенционал*. В современной лингвистике термины *референт*, *референция* (англ. *reference*) употребляются обычно как синонимы терминов первой группы, а термин *смысл* (англ. *sense*) — как синоним второй. Что касается слова *значение* (англ. *meaning*), то оно употребляется в обоих смыслах» [Степанов, 2002: 11].

Структурный, формально-логический подход не является единственным в теории знака. Г. П. Щедровицкий рассматривает сущность знака в рамках «деятельностного» подхода. В его понимании «знак есть образование вида:

$$\text{—————} \text{знаковая форма}$$

$$\text{связь-значение}$$

В этом образовании, по его мнению трудным для понимания кажется отождествление значения знака со связью между обозна-

чающим (знаковой формой) и обозначаемым (содержанием). Но эта трудность исчезает, как только мы примем во внимание, что всякий знак, если брать его по материалу, есть просто природное явление — звук, движение, графический значок, и в нем как таковом нет ничего от «субстанции» знака, ничего такого, что делало бы его знаком. Эти природные явления *становятся* знаками, включаясь в известных ситуациях в определенную деятельность человека, и *остаются* знаками, поскольку они вновь могут быть включены *в такую же, строго фиксированную, общественно-закрепленную деятельность*, т. е. поскольку они потенциально «остаются» внутри нее». Но тогда, пишет он далее, значение знака (собственно, и создающее его специфику как знака, создающее его «знаковое лицо») есть не что иное, как то, что возникает в результате определенной *деятельности*, определенного *способа использования* природных явлений, образующих материал знака, в определенных общественных ситуациях» [Щедровицкий, 1995: 3]. Ценность такой трактовки очевидна. Она дает возможность выйти за жесткую, однозначную структуру языкового знака в речи.

Продолжая дальше знакомиться с концепцией «языкового мышления» Г. П. Щедровицкого, мы находим у него оригинальную интерпретацию формальной структурной модели знака, а затем и его собственную теорию языкового знака. Предложенная Г. П. Щедровицким теория знака (в его терминологии «проблема» знака), безусловно, носила в XX веке новаторский характер. Она значительно дополнила и расширила все предшествующие модели и во многом определила развитие содержательной логики. Поскольку его структурная модель знака органично вплетена в его теорию, мы приведем цельный фрагмент из его исследования различий исходных понятий «формальной» и «содержательной» логик.

«В предшествующих теориях мышления были намечены два основных типа схем связи знаковой формы мышления с его содержанием: «линейная» и «треугольная».

Отличительной особенностью схем первого типа, при всем их разнообразии, является то, что связь знаковой формы с объективным содержанием устанавливается через посредство особых психических

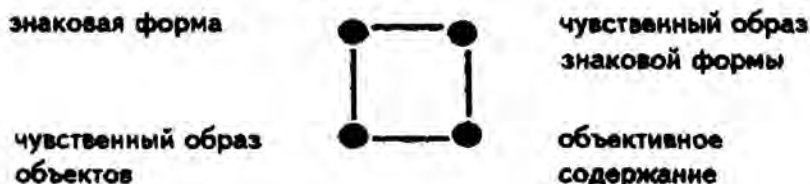
образований — чувственных образов или особых мыслительных образов (концептов, понятий и т. п.), которые собственно и выступают, по теории, как первые непосредственные значения знаков. Наглядно-символически эти схемы выглядят так:

объективное содержание — значение — знаковая форма

Отличительной особенностью схем второго типа является то, что там связи знаковой формы с объективным содержанием и со специфически психическими образованиями — значением — как бы существуют рядом («треугольник Огдена»). Наглядно-символически это выглядит так:



В противоположность всем этим теориям мы принимаем для изображения мышления схему «квадрата»:



Но при этом рассматриваем различные ее элементы (стороны) не как равноценные. Горизонтальные связи в этой схеме изображают связи, устанавливаемые по законам обычного чувственного отражения; это связи, во-первых, между объектами и их чувственными образами, во-вторых, между знаковыми формами (которые тоже суть объекты) и их чувственными образами. Правая вертикальная связь — между чувственными образами знаковой формы и объектов — носит *вторичный, зависимый* характер: это отражение в голове связей, установленных

вне головы (в левой части схемы). Таким образом, *главной и определяющей* связью в этой структуре оказывается левая вертикальная связь. Это *связь замещения* между объективным содержанием (не объектами!) и знаковой формой. Она устанавливается в ходе трудовой деятельности и первоначально является ее *побочным продуктом*, но затем установление подобной связи замещения становится специальной целью, а деятельность, решающая эту задачу, обособляется и становится специализированным видом трудовой деятельности — *познанием*. Именно эта связь замещения составляет суть и сердцевину всего процесса, изображаемого «квадратом», именно она несет в себе все *специфические* признаки мышления.

Поскольку правая вертикальная связь есть отражение левой, а горизонтальные связи есть лишь условия и средства перехода «слева направо», постольку мы можем разделить «квадрат» на ряд относительно независимых предметов исследования и выделить левую вертикальную связь в *особый предмет исследования*. Мы называем его «языковым мышлением. При исследовании предмета, изображаемого всем «квадратом», связь языкового мышления должна рассматриваться *первой* [Там же, с. 40-41]».

Пытаясь обобщить разные модели лингвистического знака, можно и дальше расширять семантическую структуру слова, добавляя туда разные структурные элементы, например, типы значений, такие как *денотат*, *десигнат*, *коннотат*. Но для описания семантики термина нам, скорее всего, достаточно будет оттолкнуться от четырех категорий — *знак*, *значение*, *понятие*, *референт*. Именно «оттолкнуться», так как план содержания термина принципиально отличается от плана содержания слова.

Начнем с того, что из четырех выше представленных категорий неизменной остается только одна — *знак*. Остальные элементы структуры подлежат переосмыслению и, следовательно, потребуют другого обозначения и введения других терминов для описания.

Прежде всего, в интерпретации семантики термина нам следует отказаться от термина *значение*, поскольку в семантике слова он закреплен за понятием *лексическое значение*, включающее денотативные

и коннотативные компоненты. А термин-знак по своей структуре, видимо, ближе к математическому знаку, чем к лингвистическому. У него также как и у математического знака, имя напрямую соотносится с понятием:



Таким образом, понятие в содержательной структуре термина-знака является определяющим. Нам, следовательно, необходимо выяснить — что стоит за словами *понятие* и *специальное понятие*. Для этого мы будем рассматривать и соотносить термины *понятие*, *концепт*, *объект* и *референт*, а английские аналоги — *object*, *notion*, *concept*, которые используются в терминоведческой литературе сегодня.

Начнем с уточнения русских терминов. Слова *понятие* и *концепт* в научном тексте синонимичны, когда используются как философские термины в значении «ментальная категория». И *понятие*, и *концепт* обозначают мысль о предмете. Но, слово *концепт* (от латинского *conceptus* — мысль, понятие) в современном русском языке быстро становится словом многозначным. Являясь заимствованием, оно наращивает свою семантическую структуру и приобретает разные специальные значения, обозначая разные понятия в разных областях знания — в математической логике, философии, культурологии, когнитивной лингвистике.

В словаре философских терминов слово *концепт* определяется достаточно широко: «формулировка, умственный образ, общая мысль,

понятие» [Словари ИНФО]. В логической семантике — как смысл имени. В культурологии это понятие носит абстрактный характер. Так, у Ю. С. Степанова мы находим такое описание слова *концепт*: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2004: 42]. Далее в этой же статье он разграничивает термины концепт, понятие и значение: «В понятии, как оно изучается в логике и философии, различают объем — класс предметов, который подходит под данное понятие, и содержание — совокупность общих и существенных признаков понятия, соответствующих этому классу. В математической логике (особенно в ее наиболее распространенной версии, принятой также и в настоящем Словаре, — в системе Г. Фреге и А. Черча) термином *концепт* называют лишь содержание понятия; таким образом, термин *концепт* становится синонимичным термину *смысл* [Степанов, 2004: 43].

Понятие *концепт* сегодня стал базовым понятием в когнитивной лингвистике и как всякое базовое научное понятие оно носит широкий, абстрактный характер. Так, в Кратком словаре когнитивных терминов концепт определяется как многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем [Кубрякова, 1997]. Такое понимание концепта можно было бы считать обобщающим и универсальным. Но, хотелось бы его отграничить от «научного концепта», чтобы подойти к семантике научного термина. Такое разграничение мы находим у Ю. Д. Апресяна, когда он пишет, что «взгляд на мир (способ концептуализации) наивен в том смысле, что он отличается от научной картины мира» [Апресян, 1995: 39].

Таким образом, термин «концепт» закрепился сегодня в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, логической семантике и не используется в лексической семантике и, следовательно, в семантике термина. Для описания семантической структуры слова мы используем термин «значение», а для описания семантической структуры термина мы используем — «понятие». Логическая категория «понятие» стала базовой в теории термина. И не удивительно, что практически

во всех определениях термина-знака термин соотносится со специальным понятием.

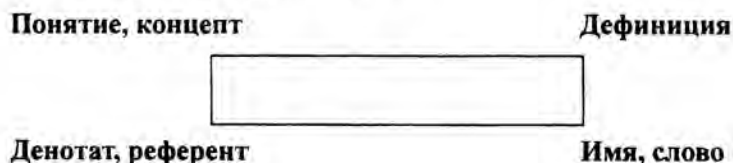
А сейчас, с учетом рассмотренных значений слов *понятие* и *концепт* и опираясь на семантическую структуру слова-знака, попробуем спроецировать ее на термин-знак. Тогда, следуя дуальной структуре слова-знака Ф. де Соссюра, мы скажем, что за термином (signifier), как за словесной формой стоит специальное понятие (signifie):



Если мы из двухэлементной структуры сделаем трехкомпонентную и расширим название каждого из элементов, то семантическая структура термина знака может быть представлена в виде треугольника, в котором термин служит знаком, именем, заместителем специального понятия, концепта о кусочке объективной действительности, т. е. о предмете, объекте, референте.



Мы можем также добавить к трем элементам структуры *дефиницию*, на том основании, что специальное понятие об объекте раскрывается в объеме дефиниции.



Наконец, проблематичным, но возможным будет включение в лингвосемиотическую модель термина энциклопедической информации — прагматического компонента.



В любом случае, центральным элементом семантической структуры термина-знака остается *понятие* (англ. *concept*).

Здесь следует остановиться на английских словах *object*, *notion*, *concept* и уточнить их функциональное значение как англоязычных аналогов русских терминов *понятие*, *концепт*, *референт*. Прежде всего, нужно вывести слово *notion* из этого терминологического ряда, поскольку оно является ложным переводным соответствием термина *понятие*. Дело в том, что они взаимопереводимы только как слова с общим, не терминологическим значением «понятие, представление о чем-либо», например, «не иметь понятия, не иметь никакого представления о чем-либо» переводится как «to have no notion of».

В английском языке для обозначения логической категории «понятие» используется слово *concept*. При этом семантика английского слова значительно отличается от русского слова «понятие» своей явной предикативностью. В английских толковых словарях оно трактуется как «an idea of how something, or how something should be done; and idea or mental image which corresponds to some distinct entity or class of entities, or to its essential features or determines the application of a term (especially a predicate) and thus plays a part in the use of reasons or language».

С учетом сказанного, все производные от термина *понятие* будут переводиться с помощью производных термина *concept*, например, «понятийный анализ» переводим как «conceptual analysis». В свою очередь, английские слова *object* и *concept* являются переводными соответствиями семиотических терминов референт и понятие. Таким образом, трехэлементная семантическая структура термина на английском языке будет представлена через *term*, *concept* и *object*.

В заключении, мы приходим к выводу о том, что за термином-словом стоит специальное понятие о предмете. Такая на первый взгляд простая и понятная структура. Но, ни для кого не секрет, что за термином стоит не просто единичное понятие, а целая система понятий, система вещей. Еще Бертран Рассел отмечал, что научный термин обобщает класс предметов и отражает отношения между ними [Рассел Б., 1957]. Раскрывать отношения между термином, понятием и предметом будем в рамках теории понятия. Но прежде чем перейти к категории «понятие», попытаемся взглянуть на термин как на когнитивную ментальную единицу.

§2. Есть ли душа у термина?

Гносеологическая функция языка сейчас во многом определяет основные направления, методику и методологию лингвистических исследований. Дискурсивный, дискурсивно-логический, лингвострановедческий, культурологический, когнитивный подходы разрабатывают свои методы и приемы семантического анализа и формируют новый понятийный аппарат: *дискурс, прагматика, концепт, концептосфера, картина мира*. Смена структурной научной парадигмы в лексической семантике на когнитивную затронула все современные отрасли лингвистики, в том числе и терминоведение. Функциональные исследования термина становятся все более востребованными. В этой связи появляется возможность расширить представление о термине-слове и взглянуть на него как явление более сложное по своей структуре, чем слово в специальном значении.

Учитывая, что термины — сознательно создаваемые людьми знаки, а потому — условные, вторичные, мотивированные, мы можем проследить, с чего начинался термин, как он функционирует сегодня, и что мы еще можем о нем узнать. Попробуем обратиться к прошлому, настоящему и будущему концепта «термин».

Появление многочисленных когнитивных сопоставительных исследований, анализирующих и описывающих такие всегда актуальные концепты как *жизнь, душа, любовь, пространство, время* и т. п., навело на мысль обратиться к термину как ментальной структуре и

посмотреть, из каких понятийных и культурологических компонентов зарождался и развивался концепт ТЕРМИН в разных языках и культурах.

Остановимся на понятии «концепт» и, не вдаваясь подробно в научную дискуссию о противоречивости определений еще только формирующегося в когнитивной лингвистике термина, представим свое понимание этого явления. Для того чтобы оперировать словарным материалом и лингвистическим инструментарием при анализе этого материала, возьмем за основу наиболее широкое понимание концепта как **лексемы**, за которой стоит вся совокупность вербализованных понятий, закрепленных в языке в процессе формирования ее лексико-семантических вариантов (ЛСВ) и назовем это ее **концептуальным фоном**. Таким образом, концепт можно представить как сложную структуру, элементами которой будут понятия и образы, закрепленные в семантической структуре слов, обозначающих эти образы и понятия. Важно заметить, что формирование концепта происходит в процессе развития и изменения языка, что включает и диахронический аспект лингвистического исследования, например, обращение к этимологии слов. Иллюстрацией выявления концептуального фона нам послужит семантический и понятийный анализ английской лексики BUTTERFLY,

В 11-ти английских толковых словарях мы обнаружили 9 понятий: **insect, colourful, wing, caterpillar, living for only a short time, slender body, clubbed\knobbed antennae, nectar, active in the daytime**. Из 5-ти энциклопедий к ним добавились 28 слов и выражений, многие из которых носят образный характер: **beauty (beauty of nature), bliss, collect, creativity, death, exquisite, fantastic patterns, fickleness, flit (v.), flower, fly, freedom, grace, hope (n.), joy, lightness, love (n.), striking, net, rebirth, religious beliefs, resurrection, shimmering, transfer pollen, transformation, triumph of the spirit and the soul over the physical prison, wantonness, watching**. И завершает наполнение концептуального фона (выделенные нами жирным шрифтом) слова, содержащиеся в приведенной ниже словарной статье, взятой из Историко-этимологического словаря М. М. Маковского (2000 г.):

BUTTERFLY *n.* «бабочка». По поверьям древних, **душа** человека после смерти могла перевоплощаться в насекомых. При этом значение «душа» обычно соотносилось со значением **«огонь, божественный огонь»**. В связи с этим первую часть *английского* слова butterfly «бабочка» можно соотнести с *и. -е.* корнем *bhu-t «душа», «огонь». Подобным же образом *русск.* 'бабочка' соотносится с *и. -е.* корнем *bhā- «гореть»; *лат.* papilio «бабочка» соотносится с *и. -е.* корнем *pel- «гореть; огонь» (редупликация); *ирл.* teine-dé «бабочка» буквально означает «божественный огонь» (*ирл.* tein «огонь» + dé «бог, божественный»), *литовск.* drugys означает одновременно и «бабочка» и «жар, лихорадка»; *греч.* ἡπόλος «бабочка» соотносится с *греч.* ἡπόλης «жар, лихорадка».

С другой стороны, в древности был распространен миф, согласно которому души умерших испытывает голод, который можно утолить только маслом или сметаной. В этой связи *английское* слово butterfly «бабочка» соотносится с *греч.* βουτύρον «масло» (*греч.* βοῦς «корова» + *греч.* τυρός «сыр», ср. *русск.* 'тюря': корова считалась **божественным животным**, воплощением божественной души). Подобным же образом и нем. Schmetterling «бабочка» соотносится с нем. Schmetten «сметана».

Таким образом, выделенные в тексте слова носят образный, мифологический характер и придают культурологическую окраску лексеме BUTTERFLY.

А сейчас обратимся к словарным описаниям русской лексемы **ТЕРМИН**. Начнем с 4-томного этимологического словаря М. Фасмера (1994), который датирует появление слова **термин** 1705 г. (через польский из латинского *terminus*) в значении **пограничный знак**. В этом значении вычленяется сема **граница**, которая указывается во всех словарях, отсылающих к латинскому слову как одно из его значений. Подчеркнем, при этом, что первое значение, закрепившееся за знаком в русском языке, является предметным, общим и ориентированным на пространственную категорию.

Позднее в 1882 году Владимир Даль в своем словаре толкует **термин** как *выражение, слово, речение* и добавляет, что *в каждой науке и ремесле свои термины, понятия и условные названия*. Отметим, что

(выделенные нами) слова *выражение, слово, речение* указывает как на языковой, так и предикативный характер термина знака, а слова *условные названия* — условный характер термина-имени. Мы видим, что уже в 19 веке термин единил и проявил ментальную, логическую и языковую, образную природу.

В Советском Энциклопедическом словаре (1980) в описании лексемы ТЕРМИН мы находим этимологическую справку, два значения и несколько производных:

ТЕРМИН от латинского **terminus** — предел, граница.

1 — слово или словосочетание, употребляемое с оттенком специального научного значения

2 — в современной логике употребляется как общее имя существительных языка логико-математических исчислений, выражающих при интерпретации элементы предметной области:

- a) пограничное состоянии между жизнью и смертью (**терминальный**);
- b) граница света и тени на поверхности Луны, планеты или спутника (**терминатор**);
- c) конечная стадия жизни (**терминальный**);
- d) конечный результат при выводе предложения в математической лингвистике (**терминальный**);
- e) конечное устройство вычислительной системы, предназначенное для ввода и вывода информации (**терминал**), например, дисплей.

Наличие нескольких значений говорит о том, что термин в русском языке начал функционировать как обычное слово, постепенно расширяя свою семантическую структуру. Характерно, что все производные значения носят специальный характер и реализуют две исходные понятийные семы — **предел, граница**. Кроме того, просматриваются дополнительные семы **свет, тень, жизнь, результат, информация**, которые мы воспринимаем и как образные. В данном лексикографическом описании ярко проявляются два начала термина:

- **ЛОГИЧЕСКОЕ** (ограничивающее, познавательное, понятийное)
- **ЯЗЫКОВОЕ** (образное, культурологически обусловленное).

Таким образом, концептуальный фон лексемы ТЕРМИН пополняется такими понятиями как **свет, тень, жизнь, ввод, вывод, результат, информация.**

Культурологический концептуальный фон термина расширяется также и за счет мифологического значения. В древнеримской мифологии слово «**Термин**» — бог-охранитель межей и пограничных межевых знаков, столбов, камней, которые считались священными. Мифологически переосмысленное значение — это всегда метафора, всегда образ. К выделенным выше семам образного характера — **свет, тень, жизнь,** добавляются семы — **бог, священный, знак, мерность.** Судьба этого слова-знака определилась в расширении его семантической парадигмы как обычного, разговорного слова.

Интересно, что в настоящем слово ТЕРМИН в русском языке живет только как специальное слово условное и не закрепилось в общелитературном языке в каком-либо образном значении. И, может быть, именно это во многом определило возникновение и бурное развитие отечественного терминоведения как лингвистической отрасли. Характерно, что в нашей стране первые терминологические исследования были направлены на стандартизацию и унификацию термина, который по своей природе и был призван «ограничивать» и «детерминировать» знания. В то время, как в немецком, английском и французском лексема ТЕРМИН, напротив, расширила свою семантическую и концептуальную структуру.

Так французское слово TERME в Новом французско-русском словаре (1997) имеет более 15 значений, из которых 8 не носят специальный характер. Наряду с базовыми понятийными семами **конец, предел, граница,** эти значения содержат такие дополнительные семы, как **путешествие, жизнь, срок, служба, роды, беременность, точность, выражение (язык), компромисс, выход, условия, отношения.** Следует подчеркнуть, что большинство значений, как специальных, так и общих, содержат категориальную сему «время». Концептуальная (понятийная структура) слова TERME расширена за счет следующих производных с их понятийными и культурологическими семами: *terminaison, terminal (adj)* — **выпускной класс,** *terminal (n),* —

городской вокзал, пункт нефтепродуктов, газораспределительная станция, абонентский пульт, *terminateur, terminus* — конечная станция, остановка, которые, как мы видим, в основном реализуют пространственную категориальную сему.

В английском языке можно найти более 20 специальных и общих значений слова TERM. Характерно, что исконное значение с семами *end, conclusion, termination* является на сегодняшний день устаревшими. В Новом Большом Англо-русском словаре под редакцией Ю.Д. Апресяна, (1999), помимо сем реализованных во французском языке, мы находим следующие: **период, продолжительность, власть, тюрьма, университетский семестр, времена года, каникулы**. Интересно, что почти все значения содержат сему **измерение времени**. Характерной особенностью английского языка является большее, по сравнению с другими языками количество многозначных производных с дополнительными культурологическими семами:

TERM(v) — **выражать, называть**; TERMER — 1) **лицо, прибывшее в Лондон в срок**, 2) **преступник**, 3) **официальное лицо**; TERMINAL — 1) **конечный слог, буква, слово**; 2) **экзамен**, 3) **орнаментальное украшение**; TERMINALIZATION; TERMINALLY; TERMINATE — 6 значений; TERMINATION — 8 значений; TERMINATIONAL — 2 значения; TERMINATORY — 2 значения; TERMINATIVE — 2 значения; TERMINUS — 5 значений; TERMLY; TERMLESS; TERMOR, TERM TIME; TERM WISE. Таким образом, концептуальный фон лексемы ТЕРМИН в английском языке наиболее широкий и культурологически обусловленный.

В немецком языке наряду со специальными значениями слово *termin* сформировалось как очень емкое широкоупотребительное выражение, обладающее коммуникативной, культурологически маркированной семантической структурой.

1. Termin (m) — а) **назначенное время**; б) **срок**, когда что-либо должно быть готово; в) само **событие** (разговор, переговоры, встреча, прием у врача), назначенное на определенное время.
2. Terminkalender (m) — тетрадь или блокнот где указываются Termine.

Культурные смыслы этих слов: **немецкая любовь к упорядочиванию событий во времени, четкому планированию, традиция расписывать время по часам, на несколько недель и месяцев вперед** содержатся во всех трех вышеперечисленных (**а, б, в**) семах. При этом денотативные значения реализуются через сочетание, комбинацию сем. Например:

- во фразе «Dieser Termin passt mir nicht» (или дата) мне не подходит) могут реализоваться семы **а** и **б** или обе семы одновременно;
- во фразе «einen Termin beim Arzt haben» — «время приема у врача» — семы **а** и **в**;
- во фразе «der festgelegte Termin» (установочный срок) — сразу три семы (**а, б, в**);
- во фразе «Ich habe in nächster Zeit viele Termine» (у меня в ближайшее время много назначенных встреч) — сема **в**.

Вернемся к русскому концепту ТЕРМИН. В ходе анализа словарных описаний лексемы ТЕРМИН мы убедились, что термин как языковой знак пытается совместить в себе два начала — логическое, понятийное и образное. И, несмотря на то, что сама лексема не закрепились в языке как общеупотребительное слово, «образность» термина проявляется в его функционировании в неспециальном тексте и, возможность наряду со своим специальным значением одновременно реализовать метафорическое, образное значение, выполняя тем самым определенную стилистическую функцию. Так, например, компьютерные термины эффектно обыгрываются в тексте сказки Alice in Microsoft Land [«Upgrade», № 15, 2001] приобретая следующие образные контекстуальные значения:

MICROSOFT — неизвестная страна, модель шляпы;

UNIX — неизвестная волшебная страна;

APPLICATION PROGRAM — составляющая человеческой сущности;

DEVICE DRIVER — что-то, что может помешать вере;

COMPUTER — посредник между богом и человеком;

SLASH CHARACTER — деталь ритуала.

Та же юмористическая функция компьютерного термина реализуется и в тексте пословиц: HOME IS WHERE YOU HANG YOUR @, YOU CAN'T TEACH A NEW MOUSE OLD CLICKS, IN GATES WE TRUST...

Еще одной иллюстрацией образности нам послужит символичность и многозначность терминов игры в нарды. Так, описательное определение термина «нардовая доска» начинается с раскрытия символического значения ее элементов:

Доска для игры уподоблялась небу, движение шашек по кругу символизировало ход звезд;

- каждая половина доски, состоящая из 12 отметок для фишек (лунок) — 12 месяцев в году;
- деление доски на 4 части (четверти) — времена года;
- 24 пункта означало 24 часа в сутках, а 30 шашек — число лунных и безлунных дней месяца.
- сумма очков на противоположных гранях кости — 7 — была равна числу планет, известных в то время.

После этого описания, содержащего как лингвистические признаки, так и экстралингвистические (культурологические), полнее становится само определение специального понятия *доска* как: специальная конструкция, чаще всего деревянная, для организации физического пространства, в котором происходит движение шашек во время игры. По конструкции нардовая доска схожа с доской для шахмат. Внутри нее хранятся шашки. Однако в отличие от шахматной доски, рабочим игровым пространством является внутренняя часть раскрытой доски, а не наружная.

Продолжая тему образности и метафоричности термина, невозможно пройти мимо астрономической терминологии, куда все названия звезд и созвездий пришли из греческой и египетской мифологии. И когда мы смотрим на небо, мы переходим на выдуманный язык фантастических образов. Так, на северном полушарии размещен «зоопарк» из созвездий *Лев, Рак, Козерог, Телец, Большая и Малая Медведица, Гончие Псы, Заяц, Волк* а на южном — «разобранный корабль». Интересно, что эти образы — совершенная иллюзия. Человек

соединяет звезды в контуры образов, так как он их видит с Земли. В то время как на самом деле, они находятся на разном расстоянии от Земли и движутся в разных направлениях друг от друга и «фигур» в космическом пространстве не образуют. И можем ли мы в таком случае считать их научными терминами, за которыми стоят реальные объекты и специальные понятия?

Самое удивительное, что вместе с образом за названием звезд и созвездий закреплены специальные понятия. Если мы откроем книгу Джеффри Корнелиуса «Звездное небо. Предания и новейшие знания о созвездиях, звездах и планетах», то увидим, как научная информация перемешивается с культурологической. Приведем фрагмент описания Солнца: «Солнечные циклы два символически параллельных ритма: суточный и сезонный. Суточный цикл особенно ярко проявляется в египетских мифах. Солнцу давались разные имена, и придавалось различное значение в зависимости от его положения на небе. Солнечный диск почитался под именем Атон; Хепри, жук-скарабей, был богом восходящего Солнца; когда оно достигало меридиана, то становилось богом-творцом Ра, а на закате и ночью — богом Атумом» [Корнелиус, 2000].

А если к этому описанию добавить, что для каждого латинского названия дается русское название и обозначение буквой греческого алфавита, то семантика астрономического (и астрологического) термина становится еще более образной и многослойной. Ведь к каждому названию ассоциативно подтягиваются его специальные и не специальные значения, например, значение каждой буквы греческого алфавита:

α	альфа	ν	ню
β	бета	ξ	кси
γ	гамма	ο	омикрон
δ	дельта	π	пи
ε	эпсилон	ρ	ро
ζ	дзета	σ	сигма
η	эта	τ	тау
θ	тэта	υ	ипсилон

ι	йота	φ	фи
κ	каппа	χ	хи
λ	лямбда	ψ	пси
μ	мю	ω	омега

Логическая составляющая концепта ТЕРМИН начинается с «понятийности». Понятийная природа термина — основной признак термина, отраженный во всех его определениях. Именно по этому признаку термин обычно противопоставляется общеупотребительному слову, семантическая структура которого наполняется образными значениями. На примерах дефиниций все тех же астрономических терминов мы можем отследить, как общеупотребительное слово превращается в термин. Любой из нас знает и как-то может определить или описать обычными словами такие понятия как *горизонт*, *зенит*, *зодиак*. Мы употребляем эти слова в повседневной жизни в общепринятом значении. Такое «не специальное» значение мы найдем в обычном толковом словаре русского языка:

- *Горизонт* — это линия кажущегося соприкосновения неба с земной или водной поверхностью.
- *Зенит* — это наивысшая точка над головой наблюдателя.
- *Зодиак* — 12 созвездий.

Но вот мы открываем специальный словарь и там находим определения и описания, содержащие массу специальных слов, каждое из которых требует своей дефиниции через другие специальные понятия:

Горизонт — круг, ниже которого наблюдения звезд с данной географической широты невозможны.

Зенит — точка небесной сферы прямо над головой.

Зодиак — видимый путь Солнца, Луны и планет, разделенный на 12 равных (по 30°) знаков. Ширина *пояса Зодиака* определяется максимальной широтой (отклонением от эклиптики в ту или другую сторону) — 6° Луны. Зодиаку отводилось и по 9° с каждой стороны (максимальная широта видимых простым глазом планет). Знаки Зодиака нужно отличать от зодиакальных созвездий, которые занимают неравные участки неба вдоль эклиптики.

Мы видим, что слово становится термином, когда его значения раскрывается и описывается через другие термины. Одно и то же слово, таким образом, может функционировать и как общелитературное и как термин, поскольку термины «делаются» из обычных слов. Но такое совпадение терминов и слов по форме (то, что в языке называется омонимией) происходит не всегда. Чаще терминологическое сочетание состоит из понятных слов, но без дефиниции невозможно раскрыть его значения. Например, термин «точка весеннего равноденствия»: *Точка весеннего равноденствия — начало Зодиака, где пересекаются эклиптика и небесный экватор. От этой точки отсчитываются все экваториальные и эклиптические координаты на небесной сфере.* Есть также термины, которые по своей форме «не прочитываются» как обычные слова и требуют дефиниции. К таким терминам относятся, например, такие, как *эклиптика, кульминация, надир, прецессия* и т. д.

Продолжим разговор о логической составляющей термина-знака, обусловленной его системностью. За термином, как мы знаем стоит не одно понятие, а система понятий, знание, теория, предикация. Предикация как функция языкового выражения присуща термину и заложена в его изначальном понимании как «речения, и высказывания» (по В. Далю), а позже как развитие логического термина в значении «основного элемента суждения или силлогизма»⁴.

Предикативность термина в тексте практически безгранична, поэтому для иллюстрации мы возьмем тексты заголовков, рассматривая заголовок как своего рода содержательно-смысловой сгусток текста. Проанализировав оглавления двух сборников по проблемам терминологии: «Стандартизация терминологии, новые методы и результаты исследования терминологии разных областей знания» — Москва: ВНИИКИ, 2002 и «Языки профессиональной коммуникации» — Челябинск: ЧелГУ, 2003, мы отобрали содержащие предикацию проблемные названия и по возможности свернули многословные фразы до вычле-

⁴ Подробнее логическая и предикативная природа термина будут рассмотрены в последующих разделах.

нения собственно предикации, например, «тезаурусно-сетевое моделирование в исследовании терминологии» → тезаурусно-сетевое моделирование; «когнитивный подход к исследованию терминологии» → когнитивный подход.

Полученный список терминологических предикаций был обобщен и упорядочен. В результате мы можем увидеть следующую картину терминоведения, картину научного знания:

Направления:

- стандартизация,
- унификация,
- когнитивное терминоведение.

Предмет исследования — термин:

- когнитивные аспекты термина,
- математика терминов,
- свободные терминологические сочетания,
- концепт в терминологии,
- гиперонимические отношения,
- требования к термину,
- валентность двусоставного термина,
- термин как единица научного знания,
- оценка терминологичности,
- ориентирующие свойства термина,
- фреймовый характер термина,
- фразеология и терминология.

Методы исследования:

- языковая категоризация,
- статистические методы,
- мультилингвистическая технология,
- категориальная модель термина,
- когнитивно-информационная модель,
- тезаурусно-сетевое моделирование.

Подходы:

- когнитивный подход,
- социолингвистический подход,

- когнитивно-дискурсивная концепция,
- исторический и эпистемологический аспект,
- когнитивно-коммуникативный аспект терминообразования.

Предмет исследования — терминсистема:

- система тождеств и противоположностей,
- построение семантики (в терминологии),
- терминология как система,
- семантическая организация терминологии.

Терминология как средство коммуникации:

- язык описания классификаций,
- научная картина мира,
- наука и терминология в процессе терминологизации,
- метаязык аргументалогии,
- язык научной коммуникации,
- язык для специальных целей.

А теперь попробуем развести эту картинку на две, соответствующие двуединой природе концепта ТЕРМИН:

ЛОГИЧЕСКАЯ	ЯЗЫКОВАЯ
Направления:	
• стандартизация, • унификация,	• когнитивное терминоведение.
Предмет исследования — термин:	
• математика терминов, • концепт в терминологии, • гиперонимические отношения, • требования к термину, • валентность двусоставного термина, • оценка терминологичности,	• когнитивные аспекты термина, • свободные терминологические сочетания, • термин как единица научного знания, • ориентирующие свойства термина, • фреймовый характер термина, • фразеология и терминология.
Методы исследования:	
• статистические методы, • тезаурусно-сетевое моделирование,	• языковая категоризация, • мультилингвистическая технология,

	• категориальная модель термина, • когнитивно-информационная модель.
Подходы:	
	• когнитивный подход, • социолингвистический подход, • когнитивно-дискурсивная концепция, • исторический и эпистемологический аспект, • когнитивно-коммуникативный аспект терминообразования
Предмет исследования — терминосистема:	
• система тождеств и противоположностей, • терминология как система,	• построение семантики (в терминологии), • семантическая организация терминологии.
Терминология как средство коммуникации:	
• язык описания классификаций, • наука и терминология в процессе терминологизации, • метаязык аргументологии,	• научная картина мира, • язык научной коммуникации, • язык для специальных целей.

Таким образом, мы видим, что большая часть предикаций (21 из 36) ориентирована на функциональное терминоведение, и в этом можно усмотреть стремление лингвистов восполнить пробел образного начала в концепте ТЕРМИН, который был, есть и будет живым, а значит постоянно меняющимся знаком языка и культуры.

§3. Что стоит за термином-знаком?

Пришло время подробнее остановиться на логической составляющей плана содержания термина — его «понятийности». Теория понятий принадлежит математической логике и посвящена проблемам формальных понятий и содержательных категорий. Теория

понятий обычно предлагает технологию определения, построения и преобразования формальных понятий. Вполне естественно, что подавляющее большинство статей, книг и даже учебников рассматривают понятие как категорию формальной логики и используют в основном математический язык описания. Поэтому, из учебников логики мы можем взять только общую информацию о понятии: **определение понятий, описание их типов, свойств, функций и отношений.**

Понятие как мыслительная единица очень многогранна и как всякая базовая единица не имеет универсального определения. К нему можно подойти с позиций формальной логики, и через призму структуры лингвистического знака. В лингвистике понятие часто трактуется как центральный компонент значения слова. Определение, которое одинаково широко используется и в логике, и в языкознании — это определение понятия как мысли, отражающей в обобщенной форме предметы и явления. Нас интересует понятие, прежде всего, как форма мышления и форма познания. В связи с этим, представляется уместным дать общую характеристику понятия как логической категории и затем проиллюстрировать его свойства на терминологическом материале.

Большинство учебников логики определяет понятие как мысль, форму мысли или мысленное образование, отражающее предметы и явления действительности. Процесс отражения представляет собой мысленное выделение классов предметов путем обобщения существенных и отличительных признаков этих предметов. Процесс формирования мысли о предмете — это всегда познавательный процесс. Поэтому понятие — это не только способ мышления, но и способ познания. «Понимание», таким образом, определяется следующими обязательными действиями: классифицирование явлений, их сравнение и обобщение. На основании того, какие признаки предметов обобщаются в понятии, выделяют две основные характеристики понятия: *содержание и объем*. Под содержанием понимается совокупность признаков, которые однозначно характеризуют обозначаемый класс предметов. Содержание понятия всегда легко увидеть в мотивированном слове, например, самолет, телогрейка, языкознание. Чтобы определить содержание понятия, нам нужно перечислить признаки.

характеризующие предмет. Эти признаки будут присущи всему классу, в который включается определяемый предмет. Так, чтобы определить содержание понятия «автомобиль», мы должны назвать те основные признаки, которые отличают автомобиль от других транспортных средств. Определение объема понятия предполагает учет всего множества предметов данного класса, например, всего множества автомобилей данного типа.

Содержание и объем понятия тесно взаимосвязаны. Когда мы имеем дело с каким-то понятием *X* и с классом понятий *Y*, то вполне очевидно, что *X* обладает всеми признаками, составляющими содержание этого понятия и наоборот. Если мы вернемся к слову *автомобиль*, то любой тип автомобиля будет обладать всеми признаками, составляющими содержание понятия *автомобиль*, объемом которого будут все типы автомобилей.

Термин «понятие» многозначен и многопланов. В логике понятие определяется как: *мысль о предмете, обобщение предметов, форма мысли; форма мышления; система знаний; концентрат знания; итог познания и средство дальнейшего познания; форма мыслительной деятельности; словесная форма воспроизведения предметов, явлений и отношений действительности в сознании; форма, на которой осуществляется процесс познания на уровне абстракции*.

Вопрос о видах понятий — это вопрос о способах мышления в процессе познания. С практической точки зрения в процессе работы с термином в тексте знание видов понятий обеспечивает понимание специальных понятий и утверждений и точность выражения мыслей, обеспечивает грамотный подбор переводных эквивалентов.

Понятия классифицируют на виды обычно по трем основаниям:

- по объему;
- по характеру признаков;
- по характеру предметов, обобщаемых в понятие.

Не останавливаясь на спорных вопросах относительно видов понятий и терминологических расхождениях в обозначениях тех или иных видов, назовем и прокомментируем лишь некоторые из них, которые вычленяются всеми логиками и те, на которые мы будем

опираться в последующем предпереводческом и логико-понятийном анализе слов.

Традиционно формальная логика различает следующие виды понятий:

- пустые — непустые
- единичные — общие
- родовые — видовые
- общие — универсальные
- положительные — отрицательные
- относительные — безотносительные
- конкретные — абстрактные
- собирательные — не собирательные

Из всех видов понятий для нас наиболее важными являются три пары: *родовые — видовые, единичные — общие, абстрактные — конкретные*. Выделение понятий меньшего объема (вид) и большего объема (род) имеет принципиальное значение для системы специальных понятий, для любой терминологии. В процессе понимания, как и в процессе порождения, опора идет именно на эти виды понятий. Соотнесение понятий по родовидовому признаку — это всегда первый шаг к классификации и систематизации понятий. Для уточнения терминов «единичные», «абстрактные» и «конкретные» обратимся к учебнику логики Е. К. Войшвилло и М. Г. Дегтярева, где на наш взгляд, эти термины определены достаточно точно.

«Единичным» является понятие, объем которого есть единичный класс, а **общие** понятия имеют в качестве объема класс, состоящий более чем из одного предмета. Полезно использовать в таких случаях следующий критерий: понятие является общим, если в пределах его объема могут быть выделены некоторые виды предметов. Так, в объеме понятия «вода» мы можем выделить морскую воду, речную воду, дистиллированную и недистиллированную воду. Термин «вода» в этом случае выражает единичное понятие «химически сложное вещество, молекулы которого состоят из двух атомов водорода и одного атома кислорода» [Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г., 2001, 201-203].

«Абстрактные объекты» — суть создания мысли, идеальные предметы. Каковы те или иные характеристики конкретных предметов (свойства их, предметно-функциональные характеристики или отношения между ними), отвлеченные от соответствующих предметов и ставшие самостоятельными объектами мысли. Так возникают «числа», «фигуры», «движение». К множеству объектов этого типа можно, очевидно, также отнести параллели, меридианы, векторы и т. п. [там же].

Конкретным понятием эти авторы считают такое понятие, элементы объема которого — конкретные объекты. Абстрактные понятия в качестве элементов объема имеют абстрактные объекты. К абстрактным понятиям они относят такие понятия как «число», «геометрическая фигура», «арифметическая фигура», «арифметическая функция», и т. п.

Заметим, что в логической литературе определения конкретных и абстрактных понятий не вполне совпадают с данными здесь их характеристиками. Обычно говорят, что элементами конкретных понятий являются предметы, представляющие собой — с логической точки зрения — некоторые системы признаков, то есть некоторые конкретные предметы, а элементами объема абстрактных понятий являются отдельные характеристики (стороны, свойства) конкретных предметов. Например, понятие «геометрическая фигура» относится в таком случае к числу конкретных понятий, а абстрактными будут: «площадь геометрической фигуры», «замкнутость геометрической фигуры» и т. п.» [Там же, 204]. Значимость рассмотрения абстрактных понятий определяется, прежде всего, тем, что термин по своей сути абстрактен, поскольку сам процесс формирования научных понятий абстрактен [Горский, 1961]. Термин как языковое выражение научного знания подбирается на завершающем этапе научного исследования. В любой науке формированию термина-знака всегда предшествует анализ и описание экспериментального материала. По образному выражению Г. А. Диановой, абстрактное понятие, характеризующее какой-либо объект или явление «выкристаллизо-

выдается» после набора экспериментальных данных и их классификации [Дианова, 1996].

Особо следует выделить еще один подход к классифицированию общих и специальных понятий — **категориальные типы понятий**. Категории, как предельно широкие семантические группы являются важнейшими инструментом в организации терминологической лексики. Самыми общими понятийными категориями, под которые можно подвести практически любое понятие, являются три универсальных категории: *вещь, свойство, отношение*. Каждая из этих категорий в свою очередь может быть разбита на подкатегории. На сегодняшний день нет общепринятой понятийной категориальной сетки, но разработано много авторских классификаций категориальных понятий, начиная с 10 категорий Аристотеля:

1. Субстанция (сущность): *человек*;
2. Количество: *два локтя*;
3. Качество: *белый*;
4. Отношение: *двойной, в двое больше*;
5. Место: *на площади*;
6. Время: *вчера*;
7. Положение: *лежит*;
8. Обладание: *обут*;
9. Действие: *режет*;
10. Страдание: *жгут*.

Нужно отметить, что эти абстрактные категории по существу являются типами предикатов, на которых базируется смысловой анализ высказываний.

Они являются весьма полезными в установлении типов отношений внутри терминологических словосочетаний. Кроме того, три из десяти категорий Аристотеля — *субстанция, количество, отношение* — перешли в базовые, универсальные мыслительные категории, под которые можно подвести практически любое специальное понятие.

Широко известной является категориальная классификация концептуальных объектов Дальберга [ФЭС, 1978, 815].

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ



Нельзя не упомянуть и трехуровневую понятийную сетку Роже, представленную как оглавление известного тезауруса английского языка [Roget P. M., 1992].

Универсальные категории действительности:

I. ABSTRACT RELATIONS

(Абстрактные
отношения)

1. Existence (Существование)
2. Relation (Отношение)
3. Quantity (Количество)
4. Order (Порядок, последовательность)
5. Number (Число)
6. Time (Время)
7. Change (Изменения)
8. Causation (Причины)

II. SPACE (Пространство)

1. Generally (Общие)
2. Dimensions (Измерения)
3. Form (Форма)
4. Motions (Движение)

III. MATTER (Материя)

1. Generally (Общая)
2. Inorganic (Неорганическая)
3. Organic (Органическая)

IV. INTELLECT

1. Formation of Ideas (Образование мыслей)
2. Communication of Ideas (Обмен мыслями)

V. VOLITION

(Намерения)

1. Individual (Индивидуальные)
2. Intersocial (Общественные, коллективные)

VI. AFFECTIONS

(Чувства)

1. Generally (Обычные)
2. Personal (Индивидуальные)
3. Sympathetic (Положительные)
4. Moral (Нравственные)
5. Religious (Религиозные)

Следует отметить, что представленные в тезаурусе Роже категории являются слишком общими для специальной лексики и, как показывает категориальный анализ терминологий, требуют спецификации и конкретизации категориальных групп при анализе научной лексики.

Таким образом, за научной лексикой стоят разного уровня категориальные понятия — от универсальных до узкоспециальных категорий. Так, например, в лексикологической терминологии мы найдем такие классифицирующие понятийные категории, как *состояние/процесс; действие/результат; способность/свойство*. Наряду с универсальными и специальными категориями в каждой области знания широко используются общенаучные категории, такие как, *наука, метод, структура, система, единица, классификация, анализ, параметр*. Все виды понятий, включая категориальные, широко используются в лингвистическом, логико-понятийном и предпереводческом анализе специального текста. Для выстраивания логико-понятийных отношений в терминологии и в тексте мы оперируем не только видами понятий, но и видами отношений между понятиями.

Отношения между понятиями. Перечислим основные отношения, традиционно выделяемые формальной логикой, и проиллюстрируем их на лингвистических понятиях.

Равнозначности: объем P_1 совпадает с объемом P_2 : признаки, отраженные в каждом из двух понятий, принадлежат элементам

одного и того же множества. Например, P_1 = наука о человеческом естественном языке, P_2 = наука обо всех языках мира как конкретных представителях человеческого «я».

Внеположенности: объемы понятий полностью исключают друг друга множества не имеют общих элементов, например, P_1 = фонетика — наука о звуках речи, P_2 = фонология — наука о звуках языка.

Подчинения: объем P_1 составляет часть объема P_2 все элементы мн. P_1 — элементы мн. P_2 , но не все элементы мн. P_2 — элементы мн. P_1 , например, *любое N — часть речи, но не все части речи — существительные N*.

Перекрещивания: часть объема P_1 входит в объем P_2 каждое из множеств имеет лишь часть общих элементов, например, P_1 = корневые морфемы, P_2 = свободные морфемы (некоторые корневые морфемы — свободные морфемы, некоторые свободные морфемы — корневые морфемы).

Контрадикторности: отношение между любым количеством понятий может быть отображено как совокупность отношений между парами понятий, например, *часть речи и существительное, часть речи и глагол, существительное и глагол*.

Таким образом, мы рассмотрели понятие как одну из основных форм мышления и отметили ведущую роль понятия в познавательной деятельности человека. Но, кроме этого, понятие является основной минимальной единицей знания. Это знание о предмете, явлении, о классе предметов и явлений, о месте и отношениях внутри системы понятий, т. е. понятие, выступает и как единица человеческого знания о внешнем мире, и как форма смысловой информации. И мы подходим к самому сложному и самому важному для нас — к границе «понятие — суждение».

§4. Термин — это номинация или предикация?

Более глубоко мы (лингвисты, не математики) можем вникнуть в теорию понятий, обратившись к работам логиков 70-х годов, когда проблема понятия включала ряд общеполитических и теоретико-познавательных вопросов, требовавших содержательного

обсуждения. Основной вопрос, который нам нужно выяснить это вопрос о том, каким образом понятие как мысль о предмете «вмещает» в себя систему знаний о предмете? Насколько специальное понятие предикативно? Начнем с теории имен, которая была разработана еще в конце 19-го века немецким математиком Г. Фреге. Сегодня концептуальные положения этой теории вошли практически во все работы по логической семантике, а базовые понятия широко используются в учебной литературе по формальной логике. Остановимся на основных понятиях теории имен.

Итак, именем обычно называют слово или словосочетание слов, обозначающее какой-нибудь определенный предмет. Имена делятся на имена *единичные* (отдельных предметов) и *имена функций* (имена свойств или отношений). При этом, единичные имена называются *термами*, а имена функций — *предикативными выражениями* (или *предикаторами* по Фреге). Каждое имя по Фреге указывает на определенный объект, выражает знание об этом объекте, а значит, обладает некоторым содержанием, имеет *значение и смысл*. Значением имени (*денотатом, десигнатом*) является обозначаемый им предмет. Смысл (концепт) имени — это информация о предмете, которую имя содержит, то есть совокупность признаков характеризующих этот предмет. Следует заметить, что термин «смысл имени» в настоящее время заменился в формальной логике на термин «понятие». Не вникая в терминологические проблемы теории и не уточняя разные термины для одного и того же понятия, попробуем рассмотреть термин-слово как имя специального понятия.

Нас интересуют термы и предикативные выражения как разновидности понятий. Нужно заметить, что термы и предикативные выражения различал уже Аристотель, определяя термы «сущностями», а предикативные выражения — качествами и свойствами [Аристотель, 1978]. Интересно, что эти различия, как замечает Е. К. Войшвилло долгое время (до конца 19 века) «упускали из виду, не видели, в частности, принципиального различия между единичными и общими именами, считая, что и те и другие играют по существу одинаковую роль в мышлении» [Войшвилло, 1967: 17]. Но эта двойственность мысли

о предмете, как нам представляется, легко уживается в специальном, научном понятии. Отталкиваясь от постулата логической семантики о том, что все осмысленные (значимые языковые выражения рассматриваются как имена), заменим «значимые языковые выражения» на языковые единицы разных уровней, то есть *слова, словосочетания, предложения* и увидим, что термин-имя, с одной стороны — языковое выражение для единичных предметов и обобщенных, с другой — отношение. Причем и то и другое значение термина «вмещаются» в специальное понятие им обозначенное.

Рассмотрим совмещение *единичного* и *относительного* в термине-знаке на примере краткого родовидового определения термина «форма» в Большом Энциклопедическом Словаре по биологии: «Форма — внутривидовая, таксономическая категория» [БЭС, 1998]. Как мы видим, родовое понятие выражено единичным понятием — «категория». Уточняющими признаками родового понятия являются единичные понятия — «внутривидовая» и «таксономическая». Они соотносят понятие «категория» с другими специальными понятиями, такими как *таксономия, вид, подвид*. Термин «форма» соотносится сразу с несколькими специальными понятиями, которые и определяют его место в системе понятий.

Далее обратимся к понятию как к логической категории. Общепринятыми сегодня являются определения понятия как формы мышления, формы мысли, формы познания. В развернутом определении понятие — это форма мысли, отражающая и фиксирующая существенные признаки вещей и явлений. Очевидно, что наше представление о понятии расширяется, когда мы обращаем внимание на понятие как результат обобщения предметов некоторого класса и одновременно мысленного выделения самого этого класса. Это нас подводит к заключению, что понятие есть форма абстрактного мышления и большой степенью абстракции характеризуется научное понятие.

А теперь от абстрактности специального понятия перейдем к его максимально широкому значению — «система знаний». Как пишет Е. К. Войшвилло, содержание понятия наряду с *основным* (обобщение предметов), может быть и *полным* (система знаний) [Войшвилло,

1989: 91]. Полное содержание — это система знаний, теория, которая в языковом выражении представляет собой совокупность высказываний, то есть текст. Иллюстрацией «полного содержания» понятия нам послужит продолжение словарной статьи биологического термина «форма»: Термин «Ф» чаще применяют для выделения индивидуальной (внутрипопуляционной) изменчивости (см. *Морфы*). В биол. лит-ре термин «Ф» широко используется не только в строго таксономич. значении, но и как «нейтральный» термин для того, чтобы отметить различные особенности, связанные с циклом развития, динамикой и становлением вида (напр. *полнокрылые и короткокрылые Ф. насекомых, сезонные Ф растений, архаичные, прогрессивные, специализирующиеся и многие др. Ф. у всех живых организмов*)).

Заметим, что слова «полное содержание» мы ставим в кавычки, чтобы подчеркнуть относительность полноты. Мы знаем, что никакое, даже самое большое словарное или энциклопедическое описание не будет абсолютно полным. Кроме того с постоянным развитием науки объем и содержание специальных понятий меняется. Обращаясь к терминологическим словарям, мы наблюдаем весь спектр полноты раскрытия значения термина: от краткого родовидового определения, фиксирующего объем специального понятия, до подробного описания всех существенных и отличительных признаков понятия, отношений с другими понятиями данной области знания, использования термина в разных дискурсах. Так, в представленном выше тексте словарной статьи термина «форма» ярко выраженный функциональный характер понятия «форма» раскрывается описанием разных значений в разных понятийных системах и подсистемах. Такое описание особенностей использования термина в языке науки можно назвать прагматическим, или точнее — описанием прагматики термина-знака. Таким образом, двойственная природа термина-знака проявляется в наличии двух функций: номинативной и системной, или систематизирующей.

Продолжим рассмотрение семантики знака-термина, отношений формы и содержания. Отметим, что с разделением содержания понятия на *основное* и *полное*, понятие уже выходит за рамки формы мысли, оно становится формой мышления. В данном значении логическая

категория «понятие» переходит в «суждение». И вот мы подходим к очень важному для последующего анализа вопросу — предикативности научного термина как знака специального понятия.

Сначала о понятиях *предикат*, *предикативный*, *предикативность*. В свое время грамматический термин *предикат* был однозначным и использовался в значении — сказуемое (от английского *predicate*). С появлением синтаксической семантики, предложение из структурной единицы языка со всем известными главными и второстепенными членами предложения, переходит в структурную схему семантики высказывания (в терминах логической семантики — в пропозициональную функцию). Теория имени накладывается на речевую ситуацию «высказывание», и *предложение* встает в семиологический ряд: *имя*, *предикат*, *высказывание*. И тогда в составе предложения мы находим имена (как соответствия *термов*) и предикаты или предикативные выражения (отношения между термами). «Под таксономию синтаксиса подводится некоторая более простая система — таксономия предикатов [Степанов, 2002: 4]. Синонимами термов и предикатов становятся — *логическое подлежащее* и *логическое сказуемое*.

Возвращаясь к теории имени, вспомним, что термы — это слова, обозначающие отдельные предметы или классы предметов, а предикативные выражения — это слова или словосочетания, представляющие свойства или отношения, наличие которых у соответствующих предметов утверждается или отрицается в суждениях. Заметим, что Аристотель в свое время термы называл «сущностями» (отсюда и существительные, обычно выполняющие роль логического подлежащего), а предикативные выражения — отношениями и свойствами. Он был, по-видимому, первым, кто разводил грамматические и логические категории. Так, в главе «Род как сказуемое. Видовые отличия» он пишет: Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все, что говорится о сказуемом, применимо и к подлежащему. Например, «человек» сказывается об отдельном человеке, а живое существо — о человеке, следовательно, живое существо будет сказываться об отдельном человеке, ведь отдельный человек есть и человек и живое существо. И ниже: «Подлежащее здесь не грамматическая категория,

а реальное под-лежащее, каковым может быть только сущность» [Аристотель, 1978: 54].

Напомним еще раз о том, что план содержания у термина двойной. Термин является именем объекта, явления, предмета и значит, выполняет номинативную функцию, как и любое слово общелитературного языка. Термин обозначает понятие и тем самым реализует свою сигнификативную функцию. При этом за термином может стоять как единичное понятие (терм), так и система понятий (предикативное выражение). При этом, термин-знак (как это было продемонстрировано в словарной статье биологического термина «форма») может одновременно соотноситься с несколькими терминами и несколькими предикативными выражениями.

Научный термин предикативен в том смысле, что в нем заложено отношение к понятию им обозначаемому, к месту, которое оно занимает в структуре знания к другим понятиям системы, к возможной интерпретации объема и содержания понятия. Предикативность термина легко прослеживается в составных терминологических наименованиях, где первый понятийный компонент часто является признаковым по отношению ко второму и тем самым актуализирует его, утверждает свое отношение к главному понятийному компоненту: *«семантическая компрессия, тезаурусно-сетевое моделирование, валентность термина, фреймовый характер термина, категоризация в терминологии»*. Как мы видим из примеров, предикативность термина оформляется атрибутивными и предложными структурами, которые выражают самый простой случай предикативности. Далее идет понимание предикативности на синтаксическом уровне высказывания, суждения. Предикативность термина носит имплицативный характер. Ярче всего она проявляется в тексте, когда содержание термина — есть суждение о предмете.

До сих пор речь шла об имплицитной предикативности терминологических номинаций — терминов, выраженных существительными или номинативными фразами. Но термин может быть предикативен и как лингвистическая единица. Это значит, что есть термины-глаголы. Нужно отметить, что глагольная терминологическая лексика активно

используется не во всех специальных подъязыках. Относительно большое количество глаголов встречается в научно-технических и узкоотраслевых текстах. Но мы также можем обнаружить глагольную лексику и в научной терминологии — экономической, экологической, медицинской, химической геологической. Особое место в этом отношении занимает компьютерная терминология. Как показало исследование Т. А. Ильющени, основную смысловую нагрузку в учебном компьютерном дискурсе несут глагольные структуры [Ильющени, 2012].

В заключение, отвечая на вопрос, поставленный в заголовке, мы заменяем союз «или» на союз «и» и тем самым утверждаем, что термин-знак номинативен и предикативен одновременно. При этом и первый тезис «Термин — это номинация или предикация?» и второй тезис «Термин — это и номинация и предикация» очень хорошо иллюстрируют предикативность понятия «термин» в тексте заголовка.

Коммуникативная функция языка обусловила переход от структурной лингвистики к функциональной, что проявилось в возникновении и развитии таких областей, как функциональная стилистика и функциональное терминоведение. Исследования системных закономерностей языка переходят в поиск системных закономерностей речи, что приводит к новому уровню лингвистических исследований — дискурсивному. Категория дискурса пришла на смену категории текста и невероятно быстро стала лидирующей во всем спектре лингвистических исследований. Дискурсивная направленность прослеживается и в исследованиях функционирования специальных языков и подязыков. Сегодня категория дискурса легко вмещает в себя практически любую сферу профессионального общения — политический дискурс, компьютерный, научный дискурс, учебный дискурс и т. д. Следуя естественной смене структурной парадигмы языка на функциональную, мы в языках профессионального общения переносим наше внимание со структурного терминоведения на функциональное.

Дискурс (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор») — сложный социокультурный феномен, который содержит некий способ говорения, стиль, индивидуальный язык. Поэтому всегда и обязательно имеет определение *какой* и *чей* дискурс [Фуко, 1996; Деррида, 1999].

Вот от этих двух параметров — «какой» и «чей» мы и оттолкнемся. Эти параметры будут ограничивать, с одной стороны — понятийное и языковое наполнение текста, с другой — коммуникативную ситуацию. Таким образом, дискурс может быть научным, учебным, компьютерным, юридическим, экономическим, лингвистическим,

лексикографическим и т. д. В данном исследовании мы остановимся на научном, учебном и лексикографическом дискурсе.

§1. Как сочетается логическое и образное в научном дискурсе?

Подойдем к научному дискурсу как речевой деятельности в ситуации общения на специальных языках, языках разных наук, разных специальностей. При этом научный язык не будем ограничивать одной терминосферой, а попытаемся его расширить до универсального научного языка, формирующегося за счет расширения и сужения объема и содержания специальных понятий, которые одновременно функционируют и как узко-специальные и как общелитературные. Рассмотрим омонимичность следующих слов и словосочетаний: *коромысла, кошка, кошки, славянский стакан, текст, изменчивость, башмачок, царская водка*. Эти слова при первом восприятии очень образны и ассоциируются с общими понятиями. Считая их терминами, мы вряд ли догадаемся об их специальном значении, поскольку они мотивированы лишь первично: в их лексической форме просматриваются признаки общеупотребительных понятий. Если мы узнаем об их принадлежности к определенной терминосистеме (биологии, ботанике, химии, физике, математике), то мы их образное значение готовы «переработать» в признак специального понятия, следуя законам логики и совершая такие умственные операции понятийного мышления как анализ, синтез, отождествление, различие, абстрагирование и обобщение.

Образность терминологии на первый взгляд звучит парадоксально, так как мы все привыкли к постулату о термине как знаке научного или технического понятия, в котором ничего эмоционального и экспрессивно окрашенного не остается. Ведь специальное понятие состоит из предметных, классифицирующих признаков денотативного характера. И, действительно, в референте термина-знака нет никакой экспрессии, а есть только указание на связи с другими такими же родственными понятиями и на место среди них.

Но это уже потом, когда мы входим в терминологическое поле и «думаем» этими специальными понятиями. А на начальной стадии восприятия термина, особенно нового термина или термина незнако-

мой области знания, мы пытаемся понять его, опираясь на образность его словесной формы. Если мы во второй раз пробежим глазами выше перечисленные термины, зная их терминологическое поле, можем попытаться определить их родовое понятие. Так, в контексте биологии, *коромысла, кошка, кошки* — это животные и растения. Если мы слушаем лекцию о физических технологиях, то *славянский стакан* определим как технологию плавки металлов. Генетическая проблематика обуславливает использование слова *текст* в значении «геном», а слово *изменчивость* — в значении «комбинация генов». Подобным образом *баשמачок* мы отнесем к растениям, а химический термин *царская водка* — к кислотным смесям.

Заметим, что мы пока рассматриваем образность отдельных терминов вне контекста, вне ситуации, вне дискурса. Рассмотрение образности и логичности терминов в научной речи приводит нас к необходимости обращения к ментальным процессам восприятия и понимания. В связи с этим, хотелось бы остановиться на самом процессе «понимания» специальных языковых знаков-терминов, когда мы «идем» **от образной лингвистической формы к содержанию специального понятия**, от имени к значению и смыслу. И мы задаем себе следующие вопросы: «Как и когда мы фиксируем образность в словах-терминах?» «Как и когда мы отделяем образ от понятия?» «Как они связаны между собой?». Все эти вопросы связаны с работой мозга, с природой нашего мышления. Ответы на них мы найдем в современных пособиях по психолингвистике и нейролингвистике⁵.

Вспомним основные, общеизвестные на сегодняшний день положения нейролингвистики. Уже с конца 19 века мы знаем о функциональной асимметрии и ее проецировании на речевую деятельность.

⁵ К наиболее ярким работам в этой области можно отнести: учеб. пособие «Психолингвистика» Р. М. Фрумкиной [Фрумкина, 2008]; учеб. пособие «Основы психолингвистики» И. Н. Горелова и К. Ф. Седова [Горелов, Седов, 2010]; пособие для студ. вузов «нейролингвистика» А. А. Гуруцкого и И. А. Гуруцкого [Гуруцкий, Гуруцкий, 2010]; учебное пособие «Нейро-психолингвистика» К. Ф. Седова [Седов, 2009]; Хрестоматия по нейро-психолингвистике, 2009.

Мы знаем, что левое полушарие отвечает за знаковое, рациональное, логическое речевое мышление, а правое руководит ориентацией человека в пространстве и его образным, эмоциональным, интуитивным мышлением. Зона Брока у нас отвечает за порождение речи, а центр Вернике за понимание. Нейролингвистика накопила большой экспериментальный материал о связи речевых механизмов и программ с работой разных участков мозга.

Учитывая уникальность и неповторимость работы мозга каждого человека, вполне естественно предположить неравномерность развития разных видов ментальных процессов у разных людей. В то же время, существуют универсальные, инвариантные модели ментальной речевой деятельности, которые обеспечивают понимание (в нашем случае научной) речи и извлечение смысла из многозначных и омонимичных лексических единиц.

Мы не будем углубляться в проблемы асимметрии и природу «правшей» и «левшей», а будем исходить из «идеальной» выравненности работы левого и правого полушарий и способности человека легко и быстро переключаться с образного мышления на логическое и обратно. Нам важно вскрыть процесс понимания специальной речи на этапе восприятия в лингвистических терминах: *лингвистическая форма слова-знака и его содержание*. Когда же речь идет о термине-знаке, то его форма является образом, а содержание — понятием.

Не будем задаваться глобальным вопросом «Что первично — курица или яйцо, форма или содержание, понятие или образ, слово или мысль? Попробуем выявить уровни, переходы и связи, предполагая, что переходы **от образности к понятийности** отразят разные уровни понимания терминов.

Развернем ситуацию научного дискурса. Представим себе, что мы слушаем лекцию ученого-профессионала по актуальной научной теме проблемного характера. Конкретным примером нам послужат лекции телевизионной программы «ACADEMIA» по каналу «Культура». Предполагается, что лектор такого уровня свободно и в полном объеме, владеет научной терминологией не только своей узкой области знания, но и смежных областей. Талантливый ученый выстраивает

свою речь таким образом, что слушатель, будь то студент, обучающийся по данной специальности или слушатель, не имеющий специальных профессиональных знаний, достигает определенного уровня понимания. Это «понимание», в конечном счете, измеряется объемом и содержанием специального понятия. Начальная точка восприятия в данной ситуации — это словесная **образная форма термина**, а максимальная глубина понимания — **дефиниция**, содержащая существенные и отличительные признаки.

Для моделирования этапов и уровней понимания следует задать типы лексических единиц, которые мы воспринимаем как термины. Строго говоря, все номинативные единицы в такой речи являются потенциальными терминами. К **потенциальным терминам** можно отнести:

а) обычные неспециальные слова, которые вписаны в терминологическое поле лекции. Например: *мама, папа, цвет* в лекции по этногенетике; или *часы* в лекции по кибернетике;

б) слова общелитературного языка, которые входят в состав терминологических словосочетаний и реализуют свое прямое неспециальное значение. Например: (славянский) *стакан*; (гомогенная) *смесь*; (вычислительная) *задача*;

в) многозначные слова, за которыми сохраняется общее, прямое, ближнее значение и специальное, дальнее значение, например: *сердце* генетическое, *масло* абсолютное, *информация* генетическая;

г) омонимичные термины, одновременно принадлежащие к разным областям знания: *линия* — ценная, *текст* генетический, *буква* в значении «клетка», *плиты* тектонические;

д) общенаучные термины, за которыми стоят общенаучные понятия: *функция, метод, единица, структура, генезис, процесс, признак, система*;

е) собственно термины какой-либо области знания: *ген, суперкомпьютер, морфема, симметрия, матрица, термодинамика, молекула, кислота, кар*.

Таким образом, в рамках задачи декодирования образной формы лексики в научном дискурсе мы «просеиваем» все потенциальные термины через три «сита»:

1 — слова, реализующие свое образное прямое значение независимо от того, встречаются ли они как самостоятельные слова или используются в словосочетаниях.

2 — слова, образная составляющая значения которых выполняет функцию родовидового или содержательного признака специального понятия в данном контексте. Здесь мы имеем дело с терминами, созданными из обычных и специальных слов по существующим моделям терминообразования, в основе которого лежит метонимический или метафорический перенос признака. В этом случае образная составляющая переходит в логическую. Признак образного значения становится признаком специального понятия.

3 — собственно термины, лексическая форма которых однозначно закреплена за специальными, как правило, базовыми понятиями данной предметной области. Мы их воспринимаем как «чистые» термины, содержание которых известно специалистам и раскрывается только в научной дефиниции. Слушатель или знает, или не знает научный термин. Но за лингвистической формой закрепляется целостный «образ» специального понятия. При этом образная природа термина обеспечивает понимание термина, немотивированного для слушателя, когда по ходу лекции термин поясняется, толкуется и определяется через образные лексические единицы. Например, *Кар* — нишеобразное углубление, **врезанное в верхнюю часть склонов гор**. *Ген* — это **отрезок** молекулы. *Геном* — генетический текст.

Эти три «сита» можно условно считать тремя уровнями и тремя этапами процесса «понимания» научного термина, когда мы переходим от образного значения к узкоспециальному понятию. Кроме того, рассмотренные образные формы — это формы потенциальных авторских терминов.

§2. Как мы моделируем научное знание в учебных целях?

В учебном научном дискурсе предметом рассмотрения становится ситуация обучения языку науки — терминологии и стоящей за ней терминосистеме на этапах восприятия, анализа и

воспроизведения. Процесс обучения на всех этапах является внутренним, мыслительным процессом и как предмет исследования поддается описанию только с помощью моделирования. За словами «моделирование терминологии» стоит процесс проектирования, установления и выстраивания логико-понятийных отношений внутри терминосистемы.

Хотелось бы раскрыть тему моделирования научных знаний через описание опыта терминологического моделирования в рамках университетской образовательной программы. Подчеркнем — «университетской». Слово «университетская» является однокоренным со словом «универсальная». Это значит, что она нацелена не только и не столько на формирование практических конкретных умений и усвоение некоторого объема информации, сколько на выработку технологии самообучения и развитие интеллектуальных мыслительных способностей, логики мышления.

Следуя двойственной природе термина знака, мы условно различаем «образное» и «понятийное» моделирование. Начнем с понятийного, категориального моделирования. При этом, понятие «категориальный» требует разъяснения.

Первая, самая устойчивая для лингвиста ассоциация со словом «категория», это грамматическая категория, лексическая категория, семантическая категория. Они являются собственно лингвистическими категориями, отражающими языковую форму термина. Формальные категориальные модели — это модели словообразования и синтаксиса, и они показывают, как образуются слова, фразы и предложения. Эти же модели мы можем проецировать на терминологию. Так, грамматическая категориальная модель терминологии покажет, какими морфологическими и синтаксическими структурами она представлена. Лексическая категориальная модель отразит словообразовательную структуру терминов. В семантической модели, например, мы можем найти наличие и распределение омонимичных, многозначных и синонимичных терминов. Но, при этом, три названные модели почти не затрагивают план содержания термина, не отражают отношений между терминами. Они строятся на лингвистическом анализе термина-слова.

Мы же в термин «категориальное моделирование» вкладываем значение «понятийное моделирование» и переходим от лингвистического моделирования терминологии к логико-понятийному моделированию терминосистемы. В основе категориального моделирования лежат типы категорий понятий формальной логики. На разных классификациях категориальных понятий мы останавливались в разделе «Что стоит за термином-знаком?». Принципы категориального моделирования терминологии были заложены еще в 60-70-х годах отечественными известными терминологами, такими как Д. С. Лотте, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки. Описание отраслевых терминологий всегда включало вопросы классификации терминологической лексики. Так, например, Т. Л. Канделаки в профессиональной лексике выделяла девять категорий понятий: *категорию предметов, категорию процессов, категорию состояний, категорию режимов, категорию свойств, категорию величин, категорию единиц, категорию измерений, категорию наук и отраслей, категорию профессий и занятий* [Канделаки, 1977: 91]. Сегодня мы можем предложить категориальное моделирование в учебных целях.

Итак, начинаем категориальное моделирование научного учебного дискурса.

Традиционно на первом этапе освоения терминологии студенты знакомятся с объемом и содержанием терминов. Они слушают или читают тексты-описания, в которых кратко или в развернутом виде определяются базовые термины по той или иной теме, а затем устанавливают связи и отношения между терминами. Тем самым, они выстраивают понятийную систему данной области знания. За этапом презентации для преподавателя следует этап обучающего контроля, а за этапом понимания для студента следует этап воспроизведения. При этом и у преподавателя и у студента возникают три вопроса:

1. Как вычленять базовую терминологию?
2. Как устанавливать между понятиями связи?
3. Каким образом от понимания перейти к закреплению и воспроизведению?

Все три поставленные задачи решаются с применением **категориального моделирования** терминологии и нацелены на формирование активного терминологического минимума.

Идея категориального моделирования научной терминологии возникла в процессе преподавания теоретических лингвистических дисциплин и обусловлена следующими повседневными задачами учебного и переводного дискурса:

1. Дидактическая задача — сформировать навык самостоятельного конструирования краткого родовидового определения любого лингвистического термина **без обращения к словарю или учебнику**.
2. Когнитивнопрагматическая — установить объем специального понятия, увидеть место понятия в системе понятий при подборе переводческих соответствий, проведении переводческих трансформаций или при необходимости замены транслитерации и транскрипции на содержательные, понятийные переводные соответствия.

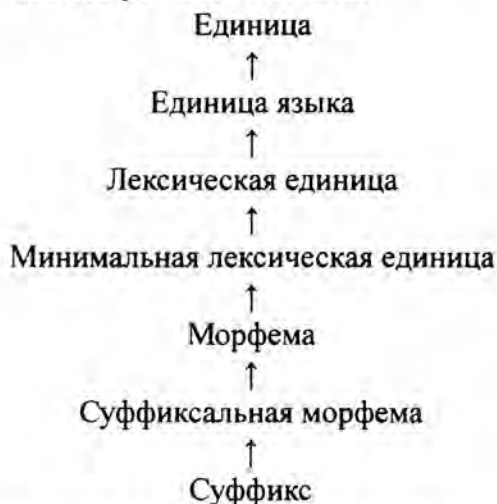
Гипотетически решение этих задач сводится к поиску универсальных категориальных понятий, способных выполнять когнитивную, классифицирующую и систематизирующую функции

Научный, учебный дискурс предполагает ситуацию обучения или самообучения студента в рамках любого теоретического курса. Мы же обратимся к направлению лингвистика и межкультурная коммуникация. Обучающие программы по этому направлению включают такие курсы как введение в языкознание, лексикология, теоретическая грамматика, стилистика, общее языкознание и ряд спецкурсов. Каждая из дисциплин имеет свою терминологию и свою терминосистему. В конечном итоге, мы можем представить себе в целом терминологию и терминосистему всей лингвистики. При этом, задачу моделирования базовой лингвистической терминологии можно решать разными способами:

- 1) можно моделировать каждую терминосистему отдельно и затем свести все модели в одну общую;
- 2) моделировать одну терминосистему и накладывать эту модель на терминологию разных дисциплин до тех пор, пока она не наполнится всеми вариантами модели;
- 3) набрать и моделировать массив терминов, включающий термины разных разделов лингвистики.

Остановимся на третьем варианте и подчеркнем, что выделение такого массива будет строиться не по количественным (употребительность, встречаемость в тексте или словаре) а по содержательным, понятийным критериям. Другими словами, мы должны найти базовые понятия, которые создадут «каркас» всей терминосистемы. Чтобы выйти на базовые понятия, необходимо «подняться» от видового конкретного понятия к более общему родовому, абстрактному понятию.

Категориальное моделирование лингвистической терминологии начнем с выстраивания родовидовых цепочек. Для начала попытаемся выстроить вертикальную родовидовую цепочку от термина «суффикс» до максимально общего родового понятия:



Так, для термина «суффикс» самым общим будет понятие «единица». Подобные категориальные цепочки можно выстроить практически от любого термина. Они будут разной длины, но всегда приведут к «вершине» — специальному максимально общему специальному понятию, которое и выполняет функцию категориального понятия.

Выстраивание категориальных цепочек можно проводить как снизу вверх, так и сверху вниз. Когда мы идем сверху вниз, мы «собираем» промежуточные, родовые категориальные понятия для того, чтобы «наполнить» их видовыми терминами. Например, промежуточная категория *единица языка* в свою очередь разбивается на *единица языка*

и *единица речи*. К первой подкатегории мы отнесем такие термины, как *сема, лексема, слово, словосочетание, предложение, термин* и т. д. К категории *единица речи* — термины *алломорф, аллолекс, слово, фразеологизм* и т. п.

В разделе 1.1. «С чего начинается лингвистика?» мы уже останавливались на вычлененных нами 8-ми лингвистических категориях — *единица, форма, способ, метод, категория, функция, структура, система*, выполняющих классифицирующую и систематизирующую функцию в моделировании лингвистических знаний. В данном разделе мы предлагаем включить эти категории в алгоритм овладения базовой лингвистической терминологией.

Подчеркнем, что это число категорий не конечно и может, как уменьшаться, так и увеличиваться. К данным восьми мы можем, например, добавить категории «значение» и «процесс», или убрать категорию «способ» на том основании, что это разновидность формы. Но в совокупности, они являются именно тем каркасом, который в свою очередь при наполнении (конкретизации) ограничит базовую лингвистическую терминологию на разных этапах ее освоения. Так, для студентов первых курсов базовый терминологический массив количественно колеблется от 100 до 200 терминов, которыми студенты владеют в объеме понятий, т. е. могут строить краткие родовидовые определения термина, используя все звенья категориальных цепочек. К пятому курсу количество базовых терминов неминуемо возрастает, поскольку приращивается за счет лингвистических терминов общих и специальных дисциплин, но при этом сетка самых общих лингвистических категорий останется в пределах десяти-двенадцати, а набор понятий будет расширяться «вниз» за счет добавления подкатегорий, подклассов, подвидов.

Вернемся еще раз к самым общим лингвистическим категориальным понятиям — *единица, форма, способ, метод, категория, функция, структура, система* и попытаемся продолжить обобщение и подняться еще на «ступеньку выше» к трем универсальным мыслительным категориям:

- 1) *субстанция/ вещество/ материя/ предмет*;

2) процесс/ действие/ отношение;

3) свойство/ качество/ характеристика.

Так, мы легко «укладываем» единицы и формы в 1-ую, способ и метод — во 2-ю, категорию, функцию, структуру и систему — в 3-ю:



Обобщая процесс категориального анализа термина через построение категориальных цепочек, мы выходим на алгоритм построения родовидовой учебной дефиниции, состоящей из последовательности родовых категориальных понятий с разной степенью обобщения. Несколько примеров такой дефиниции представлено в следующей таблице:

Понятие термин	Непосред- ственное родо- вое понятие	Более общее понятие	Лингвистическое категориальное понятие	Общая универсальная категория
Глагол	Знаменатель- ная часть речи	Часть речи	Единица языка	Субстанция
Предложение	Высказыва- ние		Единица речи	Отношение
Герундий	Неличная форма гла- гола	Форма глагола	Лингвистиче- ская форма	Свойство
Фразеоло- гическая единица	Словосочета- ние	Лекси- ческая единица	Единица языка	Субстанция
Залог	Категория глагола	Грамма- тическая категория	Категория	Свойство

Нужно добавить, что универсальные понятийные категории могут выполнять функцию общенаучных и позволяют использовать категориальный анализ как универсальный метод логико-понятийного

моделирования любых научных терминосистем для установления общих и специфических категориальных понятий. Наглядно проследить «конвертируемость» категориальных понятий одной науки в другую можно на сопоставлении общеэкономических и общелингвистических категорий:

Общеэкологические

категории

СУБСТАНЦИЯ

СТРУКТУРА

ХАРАКТЕРИСТИКА

ПРОЦЕСС

↔

↔

↔

↔

Общелингвистические

категории

ЕДИНИЦА

СТРУКТУРА

ФОРМА

ОТНОШЕНИЕ

Два выделенных набора категорий легко соотносятся и в итоге мы получаем один из вариантов универсальной категориальной модели научной терминологии: *субстанция, структура, характеристика, процесс*. На эту модель всегда можно опереться в работе с определениями терминов на всех этапах обучения терминологии.

Таким образом, предложенная методика логико-понятийного категориального анализа лингвистических терминов в учебных целях позволяет классифицировать и задавать современные общелингвистические термины, а значит систематизировать лингвистические знания. А сопоставление набора категорий разных и обычно противопоставляемых терминосистем, таких как естественнонаучная и гуманитарная дает возможность получить универсальную категориальную модель научной терминологии.

Перейдем к **образному моделированию**. В любом курсе, как и в любой программе, присутствует понятийная (абстрактная) наполняемость и образная (конкретная). Везде прослеживается дуальность:

ТЕОРИЯ	ПРАКТИКА
ЯЗЫК	РЕЧЬ
ТЕРМИН	СЛОВО
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ	ОБРАЗНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЕФИНИЦИЯ	ИЛЛЮСТРАЦИЯ
ЛИНГВИСТИКА	КОНТЕКСТ
	ЭКСТРАЛИНГВИСТИКА

Как уже отмечалось не раз, оппозиция «**Термин — Слово**», на которой строились многочисленные определения понятия «термин», дает постоянные импульсы лингвистам — терминологам к развитию теории термина, обуславливая в ней смену парадигм: *с логической, структурной, дескриптивной на функциональную и когнитивную*.

Когда мы исследуем термин как языковую единицу и «препарируем» его, расчлняя подобно слову, на форму и содержание, мы это делаем сознательно и условно. Мы понимаем, что термин—слово объединяет в себе и «говорящую» словесную форму и специальное понятие, закрепленное на определенное место среди других специальных понятий. Следуя за термином-словом в разные регистры речи, мы можем извлекать из формы любые «ближайшие» значения и сочетать семы образные и понятийные, например, в компьютерном термине «мышка». Это все мы успешно делаем, если мы говорим на родном языке и если владеем профессиональным языком.

Задача значительно усложняется, когда мы оказываемся в ситуации обучения языку науки, то есть в научном учебном дискурсе, поскольку к двум планам содержания и выражения добавляются три дидактических плана: восприятия (понимания), закрепления (запоминания) и воспроизведения (описание или определение понятия). При этом еще одним усложняющим фактором будет обучение языку науки на иностранном языке. В нашем случае это английские лингвистические термины. Таким образом, мы должны овладеть планом содержания и планом выражения на всех трех этапах познания с учетом того, что планов выражения два (русский и английский), и у каждой формы в каждом языке свой набор ассоциаций. Успешное овладение терминологией обеспечивается логическим понятийным анализом с одной стороны и семантическим образным анализом — с другой. Следовательно, конвертируя понятия в образы и образы в понятия, мы синтезируем план содержания и план выражения. Остановимся на трех фрагментах лингвистического моделирования термина:

1. Семный анализ с целью выявления образной семы;
2. Образное моделирование терминологии с целью систематизации специальных понятий;
3. Дефиниционное моделирование терминосистемы.

Примером выделения образного признака может послужить семный анализ терминов *Root* и *корень*, в которых прослеживается общая сема «*основная характеристика предмета*» — «*fundamental part*», перенесенная из неспециальных прямых значений слов *Root* и *корень*.

Иногда синхронный подход не позволяет установить образные признаки, которые легли в основу терминологической номинации. В этом случае обращаемся к этимологии слова и устанавливаем то значение, от которого был взят образный признак. Так, в русском языке у слова *падеж* есть только одно, терминологическое значение — словоизменительная категория имени, выражаемая флексиями. Этимологические словари позволяют установить, что слово *падеж* является словообразовательной калькой греческого слова *ptosis*, суф. производного от *pipto* «падаю», которое употреблялось в сфере «игра в кости». Образная сема «вариант формы» греческого слова была заложена в русский термин «падеж». Та же образная сема была заложена в соответствующий английский лингвистический термин *case*.

Понятийный и образный, компонентный синхронный и этимологический анализы английской и русской лингвистической терминологии позволили выявить следующие пары английских и русских лингвистических терминов с мотивированной образной и понятийной формой:

ВЕТВЬ — боковой отросток, идущий от ствола дерева или стебля травянистого растения // Часть чего-л., <u>ответвляющаяся от основного</u> направления.	BRANCH — a <u>secondary</u> woody stem <u>arising from</u> the trunk or bough of a tree or the main stem of a shrub // A <u>subdivision</u> or subsidiary section of something larger or more complex.
ВЗРЫВ — освобождение <u>большого количества</u> энергии в ограниченном объеме за <u>короткий промежуток</u> времени.	BURST — a <u>sudden</u> breaking open or apart EXPLOSION — a <u>violent</u> release of energy resulting from a rapid chemical or nuclear reaction, esp. one that produces a shock wave, loud noise, heat, and light. OUTBURST — a <u>sudden</u> and violent expression of emotion

ВИД — <u>внешний облик</u> , внешность, наружность	ASPECT — <u>appearance</u> to the eye; visual effect * C14: from Latin <i>aspectus</i> a sight
ВОСХОЖДЕНИЕ — действие по глаголу восходить — идти, <u>подниматься вверх</u> , на высоту.	ASCENT — the act of ascending; climb or <u>upward movement</u> ASCENSION — the act of ascending; climb or <u>upward movement</u>
ДЕРЕВО — многолетнее растение с твердым стволом и <u>отходящими</u> <u>от него ветвями</u> , образующими крону.	TREE — any large woody perennial plant with a distinct trunk <u>giving rise</u> <u>to branches</u> or leaves at some distance from the ground // <u>a branching</u> <u>diagrammatic representation</u> of something.
ДУГА — часть конской упряжи из тонкого, круто <u>изогнутого</u> ствола дерева, служащая для прикрепления оглобелей к хомуту.	ARC — something <u>curved</u> in shape. ARCH — a <u>curved</u> structure, normally in the vertical plane, that spans an opening LINK — any of the separate rings, loops, or pieces that <u>connect</u> or make up a chain
«ДЫРА» — проломанное <u>отверстие</u> , щель, пролом.	HOLE — an <u>opening</u> made in or through something
КОЛЛАПС — внезапное резкое <u>падение</u> кровяного давления, требующее немедленного врачебного вмешательства, без которого может наступить смерть	COLLAPSE — the act or instance of suddenly <u>falling down</u> , caving in, or crumbling To collapse — to <u>fold</u> (furniture, etc.) <u>compactly</u> or (of furniture, etc.) to be designed to fold compactly
КОРЕНЬ — <u>вросшая в землю</u> часть растения, через которую оно всасывает соки из почвы. // <u>Основа</u> , источник, причина чего-л.	ROOT — the organ of a higher plant that <u>anchors the rest of the plant in the</u> <u>ground</u> , absorbs water and mineral salts from the soil, and does not bear leaves or buds // the essential, <u>fundamental</u> , or primary <u>part</u> or nature of something.

ЛИЦО — <u>передняя часть головы</u> человека. // Индивидуальный <u>облик</u>, отличительные черты кого-л., чего-л.	PERSON — an <u>individual</u> human being * 12c., from O.Fr. <i>persone</i> «human being,» from L. <i>persona</i> «human being,» originally «character in a drama, <u>mask</u>»
«ОБОЛОЧКА» — покров, <u>слой</u>, обтягивающий, облегающий что-либо <u>снаружи</u>	SHELL — the protective calcareous or membranous <u>outer layer</u> of an egg.
ПАДЕЖ *словообразовательная калька греч. слова <i>ptosis</i>, суф. производного от <i>pipto</i> «<u>падаю</u>», которое употреблялось в сфере «игра в кости»	CASE — a <u>single instance</u>, occurrence, or example of something * 13c., from O.Fr. <i>cas</i> «an event,» from L. <i>casus</i> «a chance,» lit. «<u>a falling</u>,» The notion being «that which falls» as «that which happens.»
ПОЛЕ — безлесная равнина, ровное обширное <u>пространство</u>.	FIELD — an open <u>tract</u> of uncultivated grassland; meadow. SHELL — the protective calcareous or membranous <u>outer layer</u> of an egg
ПУТЬ — полоса земли, служащая для <u>передвижения</u> (езды, ходьбы), дорога	PATH — a road or <u>way</u>, esp. a narrow trodden track
РАМКА — четырехугольное, овальное или иной формы <u>обрамление</u> из различных материалов для вставки в него картин, портретов, зеркал и т. п.	FRAME — an <u>open structure</u> that gives shape and support to something.
РЕБРО — <u>дугообразная узкая</u> кость, прикрепленная сзади к позвоночнику и <u>идушая к</u> грудной кости	EDGE — the <u>border</u>, brim, or margin of a surface, object
СЛЕД — отпечаток, оттиск ноги или лапы на какой-либо поверхности.	TRACE — a mark or other sign that <u>something has been in a place</u>.

УПРАВЛЕНИЕ — процесс действия по глаголу <u>управлять</u> — приводить в движение, <u>направлять</u> <u>ход</u>, действие кого-либо, чего-либо, пользуясь механизмами, специальными приспособлениями.	GOVERNMENT — <u>the exercise of political authority</u> over the actions, affairs, etc., of a political unit, people, etc., as well as the performance of certain functions for this unit or body; the action of governing; political rule and administration Management — the technique, practice, or science of managing or <u>controlling</u>.
ЦЕПЬ — ряд соединенных между собою металлических замкнутых звеньев.	CHAIN — a flexible <u>length of metal links</u>, used for confining, connecting, pulling, etc., or in jewellery.
ЯДРО — <u>внутренняя часть</u> плода, покрытая твердой оболочкой.	NUCLEUS — a <u>central or fundamental part</u> or thing around which others are grouped; core *Latin: <i>nucleus</i> «kernel» KERNEL — the edible seed of a nut or fruit <u>within the shell</u> or stone. NEXUS — a means of <u>connection</u> between members of a group or things in a series; link; bond

А сейчас обратимся к процессу овладения научной терминологией на этапах систематизации, закрепления и воспроизведения знаний. И здесь хотелось бы предложить методику **образного моделирования**, которая опирается на подключение цветовой и смысловой памяти к памяти оформленной.

Иллюстрацией нам послужит работа с лингвистической термин-системой в рамках спецкурса «Основы специальности лингвист-переводчик». В первой части данного спецкурса студенты знакомятся с описательной, текстовой моделью лингвиста переводчика. В описательной текстовой форме им предлагается перечень базовых и специальных дисциплин, а также перечень умений и навыков лингвиста-переводчика. По усмотрению студента в модель включаются комбинации из следующих структурных элементов:

Участники: переводчик, реципиент, лингвистика (общие лингвистические курсы и специальные курсы), перевод и его виды (устный и письменный), практика языка и виды речевой деятельности.

Умения: последовательный перевод, перевод с листа, подстрочный перевод, переводческое редактирование, реферирование и аннотирование на разных языках.

Характеристики: гибкость в общении, культура общения, культура речи, начитанность, эрудиция, умение слушать, терпимость и терпение, коммуникабельность, тренированная память, внимательность, быстрая реакция, способность переключаться на разный темп речи.

Виды устного перевода:

- 1) перевод с листа в медленном темпе,
- 2) перевод беседы в нормальном темпе без записи,
- 3) последовательный перевод с записью и без записи выступлений.

Тексты для письменного перевода: рекламный текст, журнальные и газетные статьи, специальный и научный текст, деловая корреспонденция техническая документация.

Для построения собственной модели переводчика студенту нужно выбрать наиболее значимые для него структурные элементы и отобразить их взаимосвязи образно. Ему предлагается построить «образную модель», в которой он может закрепить основные понятия и отношения между ними за индивидуальными визуальными образами: картинками, рисунками, фотографиями. Принципы закрепления носят метафорический (по сходству понятий и фрагментов реальности) и метонимический (по смежности понятий и фрагментов реальности) характер. Как показала почти десятилетняя практика, студенты очень охотно откликаются на такую форму работы и, не повторяя друг друга, находят каждый год все новые и новые образы. Разнообразие бесконечно: звездный, урбанистический, природный ландшафты, картинки из повседневной жизни, сказочные герои, литературные сюжеты, пейзажи и натюрморты, обычаи и обряды, игры и виды спорта, и многое другое.

В качестве примера проведем одну из студенческих моделей, которая представляет собой сюжетную картинку и ее описание.



На картинке как мы видим, изображен мифологический персонаж зодиакального знака — девушка, держащая в руке символ управления, сидит на огромном раке, который ей служит.

Символическое условное закрепление понятий за образами:

Рак — это практика; рак всегда в движении.

Девушка, сидящая на раке — теория, девушка малоподвижна, в основном все действия производит рак.

Клешни рака — это навыки и умения, которые приобретаются на практике (оперативная память и умение понимать устную речь)

Жезл в руках девушки и шлем на ее голове — это навыки и умения, заложенные с теорией.

Море — это устный перевод, более эмоциональный.

Берег — это письменный, более спокойный.

Звезды вокруг рака с девушкой — словарный запас.

Нужно подчеркнуть, что образные ассоциации абсолютно индивидуальны и одна и та же ситуация может прочитываться по-разному.

Главное, что в процессе презентации и обсуждения всех моделей происходит отработка алгоритма образно-понятийного мышления и закрепления объема, содержания понятий и отношений между ними.

Таким образом, мы проследили процесс категориального моделирования термина на разных этапах работы с терминологией — на этапе восприятия и на этапе воспроизведения.

Теперь мы можем перейти к **дефиниционному моделированию** термина в учебном дискурсе. Рассмотрим возможности вербальных и невербальных дефиниций термина как способа структурирования знаний.

Овладение терминологией предполагает знание терминов, которое, в свою очередь, основывается на усвоении объема и содержания научных понятий, а также на представлении о научной понятийной системе, отражающей внутри терминологические отношения. Другими словами, часть научных знаний можно представить как знания о значениях терминов и их системных отношениях. В процессе изучения и обучения языку науки предлагается использовать терминологическую дефиницию как эффективный и экономный способ описания внутри терминологических понятийных отношений.

Ориентируясь на базовые функции определения, такие, как информационная, семантизирующая, обучающая, воспитательная, объясняющая, классифицирующая, мы можем конкретизировать их применительно к терминологическому определению. Наряду с использованием определения для разграничения терминов от не терминов, для семантизации и стандартизации термина, мы предлагаем рассмотреть дефиницию в функции средства изучения и овладения языком науки. При этом, определения могут выступать, и как источник знаний о терминах, и как форма представлений этих знаний. И в том и в другом случае мы имеем дело с определением как с логической категорией.

Следует подчеркнуть, что обращение лингвистики к формальной и содержательной (в терминологии Щедровицкого) логике не носит механический характер. Как наука о правильных формах мышления логика взаимодействует и находится в постоянно развивающихся от-

ношениях с лингвистикой. Наиболее отчетливо их взаимоотношения прослеживаются в общенаучных подходах, таких как *системный, структурный, вероятностный, модельный*. Гносеологический подход к исследованию языка требует переориентации моделирования процесса познания. Мы сегодня говорим о дискурсивно-логической функции языка, которая соответствует процессуальному плану человеческой деятельности, человеческому мышлению. Современная логика ориентируется не на абстрактные языковые единицы, а на речь и контексты, на коммуникацию, например, в 2007 году выходит книга Зарецкой Е. Н. «Логика речи», в которой логико-речевое доказательство рассматривается в качестве важнейшего компонента межличностного поведения [Зарецкая, 2007]. Другими словами, формальная и содержательная логика продолжает быть методологической основой в решениях конкретных лингвистических задач.

Проблема определения базовых понятий науки, теории, области знания, той или иной темы исследования хорошо знакома всем. Все исследователи, при разработке какой-либо темы, около 70% времени тратят на обзор литературы и поиск определений исходных терминов. Как правило, прежде чем приступить непосредственно к исследованию собственного материала, мы анализируем уже существующие толкования, описания и дефиниции с целью их анализа и синтеза. И здесь нам очень пригодится знание содержательной структуры терминологической дефиниции как логической категории.

Часто мы сталкиваемся с тем, что разные определения одного и того же термина содержат разное количество и разный набор признаков. Это затрудняет систематизацию определений и требует структурного анализа каждой дефиниции. В качестве примера первичного систематизирующего родовидового анализа разных дефиниций возьмем 18 определений понятия «ЗНАЧЕНИЕ» из учебного пособия М. И. Фоминой «Современный русский язык. Лексикология» [Фомина, 2001]. Определения настолько разноплановы, что первым шагом к их обобщению и систематизации будет выделение родового понятия, которое в ниже приведенных текстах мы выделяем жирным шрифтом.

1. «Значение — **отображение** предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) **в сознании**, становящееся

фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов).

2. «Значение слова — это **исторические** образовавшаяся **связь** между **звучанием** слов и тем **отображением** предмета или явления, которое происходит в нашем сознании» (Будагов Р. А. История слов в истории общества).

3. «Значения языковых единиц существуют не в человеческом **сознании**, а в самих этих единицах, то есть не в мозгу человека, а в **речи**. Однако все дело в том, что значение — вовсе не сущность, а отношение. Вот это-то **отношение** знака к чему-то, лежащему вне самого знака, и есть значение знака» (Бархударов Л. С. Язык и перевод).

4. «Значение — то, что обозначается словом, — это какой-либо **факт** или **явление действительности**, о которых в своей речи один человек хочет сообщить другому и которые должны пониматься одинаково как говорящим, так и слушающим» (Булаховский Л. А. Введение в языкознание).

5. «Лексическое значение слова — это его **предметно-вещественное содержание**, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» (Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова).

6. «Значение языковой единицы — это **условное обозначение** одного из признаков данного понятия (мотивированное и немотивированное)» (Гальперин И. Я. Информативность единиц языка).

7. «Значение слова — это **совокупность** его **лексико-семантических вариантов**. Лексическое значение слова есть обязательный **элемент слова**; без значения не может быть слова, но значение не является чем-то раз навсегда приданным слову...» (Звенгинцев В. А. Семасиология).

8. «Значением слова называется его **соотнесенность**, **связь** с определенными явлениями действительности» (Калинин А. В. Лексика русского языка).

9. «...Семантика слова по существу совпадает с **понятием** как логической формой, **понятием**, выражаемым в слове» (Колшанский Г. В. Логика и структура языка).

10. «Значение слова — это **реализация понятия** средствами определенной языковой системы...» (Ковтун Л. С. О значении слова).

11. «Значение слова — это **системная** в данном языке данного периода и социально осознанная **отнесенность** слова к определенному **понятию** вместе с ним выполняющая функцию обобщенно абстрагированного обозначения реалий. Эксплицируется лексическое значение набором дифференциальных признаков, в которых отображаются свойства обозначаемой реалии и характер ее обобщения мышлением» (Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость).

12. «Значением слова является общественно закрепленное за данным звучанием и всеми его разновидностями **постоянное содержание**, охватывающее, кроме лексических, также и грамматические элементы» (Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала).

13. «Значение слова есть известное **отображение предмета**, явления или отношения **в сознании**, входящее в структуру слова в качестве так называемой **внутренней его стороны**, по отношению к которой **звучание** слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» (Смирницкий А. И. Значение слова).

14. «... Лексическое значение полнозначного слова представляет собой **идеальную сущность**, отображающую реальные вещи, явления и их связи в предметном мире, а также понятия и представления квалификативных (оценочных) этических и психических сфер носителей языка» (Уфимцева А. А. Лексическое значения: Принцип семиологического описания лексики).

15. «Самостоятельные слова, таким образом, предстают перед нами всегда как слова, соотнесенные с тем или иным явлением. Эту **соотнесенность** слова с каким-либо **явлением** объективной действительности, исторически закрепленную в сознании говорящих, и считают обычно лексическим значением. Однако это не совсем так. Соотнесенность слова как лингвистической единицы с определенным внеязыковым фактом является лишь одним из обязательных

компонентов лексического значения. В последнее входит также выраженное словом **понятие** и **отнесенность** слова к определенному **лексико-грамматическому разряду**» (Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка).

16. «Значение слова — **отображение в слове** того или иного **явления** действительности (предмета, качества, отношения, действия, состояния). Различают грамматическое и лексическое значение слова. <...> **Лексическое** значение определяется как **соотнесенностью** слова с соответствующим **понятием** (что составляет ядро лексического значения слова), так и его **местом в лексической системе языка** (т. е. различными связями данного слова с другими словами)» (Шмелев Д. Н. Значение слова // Русский язык: Энциклопедия).

17. «Значение не есть сумма всех тех психологических операций, которые стоят за словом. Значение есть нечто значительно более определенное — это **внутренняя структура знаковой операции**. Это то, что лежит между мыслью и словом... Значение есть **путь от мысли к слову**» (Л. С. Выготский, 1956).

18. «... слова не хранятся в памяти как слова, но как **комплексы признаков**. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются памятью из составляющих эти слова признаков (А. А. Леонтьев, 1971).

Выделенные родовые понятия мы обобщили в список:

- денотат;
- ситуация, в которой говорящий произносит слово;
- реакция, которую вызывает слово у слушающего;
- отношение слова к обозначаемому предмету;
- отношение между именем (name) и смыслом (sense);
- понятие;
- отношение между знаком и его употреблением;
- отношение между знаком и другими знаками;
- функция языка;
- специфическая форма отражения действительности;
- отражение наивного понятия о вещи.

И только после этого мы смогли выделить два аспекта в определении понятия «лексическое значение»:

1. Значение слова понимается как отражение в слове внеязыковой действительности. Значение слова ограничивается минимальным числом отличительных признаков понятия о предмете.

2. Значение понимается как содержание знака, входящее в структуру слова, как внутренняя сторона его звуковой оболочки, как структурно-функциональная сторона, устойчивая языковая связь между знаком и смыслом (понятийным содержанием). Как отношение между формой и содержанием лексической единицы.

Таким образом, в работе с дефинициями мы анализировали и синтезировали родовидовые, существенные и отличительные признаки специальных понятий.

После проведения логико-понятийного анализа всех собранных нами дефиниций мы можем, например, составить текст «идеально полного» определения, включающего все существенные и отличительные признаки интересующего нас понятия. Так логико-понятийный анализ 12 определений лингвистического термина «слово» позволил установить следующий набор его существительных и отличительных признаков: **родовое понятие единицы языка, семантическая, семиотическая, фонологическая, морфологическая, графическая, грамматическая, синтаксическая характеристики**. В текстах определений эти признаки выражены следующим образом: *«предельная составляющая предложение»* — **синтаксическая** характеристика (О. С. Ахманова), *«отрезок значения»* — **семантическая** (Е. Сэпир), *«минимальная свободная форма»* — **синтаксическая** (Л. Блумфильд), *«минимальное предложение»* — (Х. Свит), *«сегмент предложения»* — **синтаксическая** (Ч. Хокетт), *«последовательность графем»* — **графическая** (М. Сидней), *«последовательность морфем»* — **морфологическая** (А. С. Бархударов), *«звуковой сигнал»* — **фонологическая** (Д. Гарднер), *«значимый сегмент»* — **семантическая** (С. Ульман).

При этом, в одном определении мы можем обнаружить сразу несколько признаков: *«Предельная составляющая предложение (синтаксическая характеристика), способная непосредственно соотноситься с предметом мысли как обобщенным отражением данного участка действительности (семантическая) и направляться, ука-*

зывать на эту последнюю (**семиотическая**); вследствие этого слово приобретает определенные лексические или вещественные свойства (**семантическая**)» (О. С. Ахматова).

Если нам нужно составить максимально полное определение специального понятия с перечислением всех признаков, мы находим их не только в дефинициях, но и в описательных, учебных текстах. Такое искусственно сконструированное рабочее определение, в котором перечисляются в свободной форме все признаки термина по своей форме уже будет не дефиницией, а описанием.

Но чаще всего, делая аналитический обзор литературы по базовым, концептуальным понятиям, мы имеем дело не с логически выстроенными дефинициями, а с разнородными, разноплановыми высказываниями. Такие краткие определения можно назвать концепциями. Для иллюстрации воспользуемся философскими концепциями языка, собранными и систематизировано представленными Зоей Ивановной Комаровой в ее фундаментальном пособии «Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике»:

- Язык есть обозначение мыслей (И. Кант).
- Язык, выступая результатом феноменологической работы субъекта, является средством формирования жизненного мира человека (Э. Гуссерль).
- Язык — дом бытия (М Хайдеггер).
- Язык — это среда понимания людьми друг друга (Х.-Г. Гадамер).
- Язык есть отношение одного человека к другому (Ж.-П. Сартр).
- Язык по своей природе не субъективен, а интерсубъективен (К.-О. Аппель).
- Язык — это коммуникация (Ю. Хабермас).
- Подлинной теорией языка является логика. Естественный язык неточен и приблизителен (Г. Фреге, Б. Рассел).
- Язык реализуется в форме языковых игр (Л. Виттгенштейн).
- Язык — это социальное средство функционирования властных отношений между людьми (М. Фуко) [Комарова, 2012: 64].

Анализ такого рода определений не сводится к родовидовому. В таких определениях мы имеем дело не с признаками единичного

понятия, а с концептами, содержание которых выходит за пределы одной понятийной системы. Встает вопрос; «Как же нам анализировать эти определения?». Нам ничего не остается делать, как оформить эти концепции в виде тезисов проблемного характера. Именно такой анализ проводит З. И. Комарова, когда комментирует эти высказывания: «...философы спорят о природе языка и его теорий (моделей). Спор идет по ряду основных проблем:

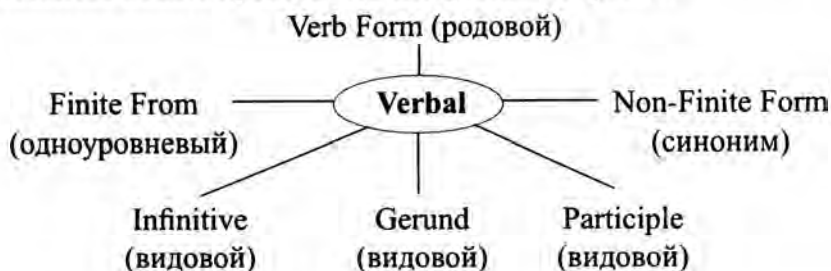
- 1) о концептуальности языка;
- 2) о соотношении языка и ментальности;
- 3) о соотношении языка с внешним (предметным) миром;
- 4) о соотношении языка с деятельностью человека;
- 5) о соотношении в языке индивидуального и общественного;
- 6) о самостоятельности языка;
- 7) об игровом характере языка;
- 8) о соотношении формального и естественного языка;
- 9) о соотношении языка и речи.

Далее, наряду с вербальным определением предлагается рассмотреть **логико-понятийную схему**, которая является одной из форм моделирования специальных знаний. Логико-понятийные схемы определенной терминосистемы отражают логические типы отношений между специальными понятиями, такие как родовидовые, синонимические, однородные.

Эксплицитное выражение понятийных отношений может осуществляться на **синтагматическом и парадигматическом** уровнях. Так, на синтагматическом уровне можно воспроизвести эти отношения в устной и письменной речи путем перечисления терминов-синонимов, однородных терминов, родовидовых пар терминов и др. с условно-обозначенным характером их отношений. На парадигматическом уровне мы будем представлять понятийную иерархию графически, отражая определенную совокупность понятий, связанных разными типами отношений.

Например, возьмем английский грамматический термин «verbal» и схематически представим его родовидовые и синонимические отношения. Термин «verbal» обозначает неличную форму английского глагола и связан родовидовыми отношениями с такими терминами,

как, *Finite Form* (личная форма глагола), *Verb Form* (форма глагола), *Gerund* (герундий), *Infinitive* (инфинитив), *Participle* (причастие). Родовым для него понятием будет *Verb Form* (форма глагола). Однородным понятием будет *Finite Form* (личная форма). Видовыми терминами являются *Gerund* (герундий), *Infinitive* (инфинитив), *Participle* (причастие). Интересно отметить, что переводного эквивалента термина «verbal» в русском языке нет. В русском языке мы используем кальку от *Non-Finite Form* — «неличная форма глагола». Поэтому два английских термина «verbal» и «*Non-Finite Form*» мы можем рассматривать как абсолютные синонимы. Графически эти отношения можно представить следующим образом:



Другим невербальным способом раскрытия системных понятийных отношений является тезаурусное описание (в форме словарной статьи тезаурусного типа):

VERBAL

родовой — *Verb Form*

синоним — *Non-Finite Form*

антоним — *Finite Form*

видовой — *Gerund, Infinitive, Participle*

одноуровневый — *Finite Form*

Тезаурусная модель термина может быть расширена включением дополнительных понятийных отношений, устойчивых терминологических словосочетаний, а также существенных и отличительных признаков, что делает описание специального понятия более полным. Например, смоделируем содержание понятия, обозначенного экономическим термином *benefits*:

BENEFITS

родовой — *payments*

одноуровневый — *grants, supplementary benefits*

видовой — *insurance premium, regional employment premium*

часть/целое — *benefit / income*

отличительный признак — *made above the base wages*

терминологические словосочетания — *tax benefits, insurance benefits*

Такая тезаурусная модель может быть также использована в качестве алгоритма для построения описательного, вербального определения. Для примера возьмем тезаурусное определение геоэкологического термина *река* и преобразуем его в описательное определение:

Тезаурусное определение		Описательное, вербальное определение
РЕКА		
Родовой:	<i>водный объект</i>	РЕКА — это водный объект поверхностных вод суши, который в отличие от озера характеризуется отсутствием замкнутости. Реки бывают: равнинные и горные; малые, средние и большие; главные и притоки. Река входит в речную сеть (систему водотоков) и характеризуется временными (режим реки), оценочными (качество речных вод) и количественными параметрами (площадь водосбора).
Одноуровневый:	<i>поверхностных вод суши</i>	
Видовой:	<i>озеро, болото</i>	
	<i>равнинные, горные</i>	
	<i>— малые, средние, большие</i>	
	<i>— главные, притоки первого</i>	
Часть/целое:	<i>— порядка, второго</i>	
Отлич. признак:	<i>порядка...</i>	
Терм.	<i>верховье/река, низовье/</i>	
словосочетание:	<i>река</i>	
	<i>отсутствие</i>	
	<i>замкнутости</i>	
	<i>малая река, площадь</i>	
	<i>водосбора, режим реки,</i>	
	<i>речная сеть, качество</i>	
	<i>речных вод и т. д.</i>	

Таким образом, логико-понятийный анализ текста дефиниции научного термина во всех ее формах выполняет обучающую функцию в

процессе овладения научной терминологией, поскольку обеспечивает раскрытие содержания специального понятия через отражение его существенных и отличительных признаков и отношений с другими специальными понятиями. Дефиниционный анализ текста словарного определения в учебных целях может быть использован для вычленения содержательных признаков определяемого понятия, а также как материал для сопоставительного анализа разных авторских определений и их обобщения в целях максимально полного определения-описания специального понятия. Для конструирования определения термина могут быть использованы такие формы невербальной дефиниции как логическая вербальная дефиниция, логико-понятийная схема, тезаурусное описание.

§3. Что такое термин в лексикографическом дискурсе?

Ретроспективно обращаясь к поэтапной разработке проблемы семантизации термина в словаре, в лингвосемиотическом аспекте ограничим ее следующими принципиальными тезисами:

1. 80-е годы — семантизация термина в словаре должна основываться на обязательном предварительном логико-понятийном анализе терминологии [Табанакова, 1987].

2. 90-е годы — любой терминологический словарь, включая переводной должен отразить синтагматику и парадигматику термина-знака, то есть быть идеографичным [Табанакова, 2001].

3. Сегодня подошло время к описанию его прагматики.

Под прагматикой термина-знака, следуя лингвосемиотической традиции, следует понимать отношение интерпретатора к термину-знаку. Рассмотрим ситуацию применительно к интерпретации термина-знака в словаре. В данной ситуации определяющими будут два фактора:

- двойственный характер термина-знака,
- вторичный характер текста словарного описания.

Двойственная природа термина объясняется тем, что с одной стороны он создается для обозначения специального понятия, место которого всегда определено в системе специальных понятий, с другой

в процессе функционирования речи, термин подобно всякой другой лексической единице становится многозначным. Многозначность термина это, как правило, отражение процесса становления термина. И в то же самое время термин всегда стремится к однозначности как результату своего становления. Очевидно, фиксирование отношений между термином-знаком и понятиями, им обозначаемыми, и составляет прагматический аспект описания термина в словаре.

Всякое словарное определение термина вторично, в том смысле, что это «чье-то» определение приводимое словарем, и мы можем, следовательно, считать словарное определение термина интерпретацией термина-знака. С этой точки зрения словарное определение термина в обычном толковом словаре отражает прагматику термина, но не обязательно вскрывает ее.

Прагматика термина представлена гораздо полнее в толковых специальных словарях, которые содержат несколько определений одного и того же понятия. Это, прежде всего словари-гlossарии, которые предлагают разные употребления термина в разных языках и разными авторами. Но наличие нескольких толкований, нескольких интерпретаций само по себе не дает системного представления о термине-знаке. Современный потребитель специального знания и особенно переводчик нуждается в системном описании всех возможных интерпретаций термина. Таким образом, в специальном словаре толкового типа мы всегда стремимся найти «интерпретацию интерпретаций». Примером такой интерпретации может служить комментарий в словарной статье словаря glossария географических терминов Л. Дадли Стэмпа (*The glossary of geographical Terms*), переведенного на русский язык в 1975 г. Ниже мы подробнее рассмотрим способы семантизации термина в данном словаре.

Комментарий в данном словаре приводится как краткая заключительная часть большого количества словарных статей, содержащих самые разные авторские и словарные определения и описания. Текст-комментарий содержится не во всех словарных статьях и не носит универсального, системного характера в данном словаре. Но он может быть использован как инструмент для описания прагматики термина любым специальным словарем.

Содержательный анализ текстов-комментариев выявил такие аспекты прагматики общегеографических терминов, как: определение устаревшего характера термина; установление неоправданной и региональной многозначности; установление несоответствия словарного определения общепринятому значению; оспаривание синонимов и т. д.

Если обобщить все многообразие отношений между термином-знаком и понятиями, с которыми он соотносится в разных определениях, то можно увидеть, что в определениях представлены разные по объему и содержанию понятия. Таким образом, для описания прагматики термина словарь должен вскрыть эти отношения, т. е. установить и сравнить объем и содержание понятия в разных определениях. В идеале, специальный словарь как способ представления знаний должен представить интерпретацию всех используемых определений и толкований термина.

Что нам дает словарь как способ концептуальной организации знаний?

Попробуем рассмотреть специальный словарь как логико-понятийную модель терминосистемы и проследить степень отражения системности научных понятий в современных терминологических словарях.

Словарь — одна из древнейших форм представления знаний о мире. Практически в любом словаре мы находим информацию о знаках-словах и их соотношения с обозначаемыми ими понятиями. Одни словари концентрируют внимание на форме знака: звуковой, графической, морфологической (это, в основном, специальные лингвистические словари). Другие — на плане содержания, на семантике знака и нацелены на определение понятия, стоящего за знаком (словари толкового типа). Энциклопедические словари содержат, в основном экстралингвистическую информацию. Они подробно описывают референт знака-слова. И, наконец, подавляющее количество современных словарей являются словарями смешанного типа, то есть содержат и лингвистическую и экстралингвистическую информацию,

описывают семантику, синтактику и прагматику слова. Все усиливающийся интегративный характер терминологических словарей обусловлен их многофункциональностью⁶.

Обращение к словарю как способу организации знаний выдвигает определенные требования: (1) как типу лексикографического описания, (2) как модели процесса познания. Таким образом, гносеологическая функция словаря приобретает сегодня особое значение, наряду с такими традиционно отмечаемыми функциями как коммуникативно-информационная нормативная, систематизирующая, учебная.

В основе лексикографического описания термина лежит его сущность как знака особого типа, соотносящего звуковую и буквенную оболочку не с обычным понятием, как это происходит у слова, а со специальным понятием. Специфика описания термина в словаре в том, что определяя термин, мы определяем им обозначаемое понятие через соотнесение этого понятия с другими специальными понятиями. Следовательно, определение термина в словаре — это отражение определенной части терминологической понятийной системы, а лексикографическое описание термина в словаре — это моделирование терминосистемы.

Логико-понятийное моделирование терминосистемы можно рассматривать как частный случай моделирование знаний о мире. Построение терминосистемы как фрагмента модели знаний о мире предполагает, с одной стороны, вскрытие всех типов связей и взаимо-

⁶ О типологических и функциональных параметрах терминологических словарей можно прочесть в статьях:

1) Табанакова В. Д., Ковязина М. А. Функциональная модель переводного специального словаря // Вестник ТюмГУ. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2006. № 4. С. 158-165.

2) Табанакова В. Д. Функциональная вариативность специального переводного словаря // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах: матер. VI Международ. школы-семинара, Иваново, 12-14 сентября 2005. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. С. 272-275.

3) Табанакова В. Д., Сивакова Н. А. ЭТО Типология словарей сегодня // Вестник Тюменского государственного университета, № 4. 2003.

отношений между понятиями, с другой — постоянный поиск формы представления знания или ее фрагмента. Будет логично предположить, что одним из способов моделирования терминосистемы является ее лексикографическое описание, а терминологический словарь в данном случае выступает моделью терминосистемы.

Любая терминосистема строится на логико-понятийном анализе текста. Разработка специального словаря предполагает обязательный предварительный системный логико-понятийный анализ терминологии. Таким образом, основное требование к терминологическому словарю как способу концептуальной организации знаний является отражение в нем системности термина.

Системность термина, так или иначе, присутствует во всех терминологических словарях, но в разной степени. Степень отражения системных отношений в терминологии задается словарем. Так, системность лингвистической терминологии отражена в лингвистических словарях в разной степени. Обратимся к четырем словарям и посмотрим, как и в какой степени системность лингвистического термина в них заложена.

1. Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой не ставил своей целью системно описать терминологию в том смысле, чтобы представить ее как понятийную систему. Системность лингвистического термина в данном словаре прослеживается на установлении следующих отношений в словарной статье:

- 1) **родовых отношений** с обязательным одновременным определением всех встречаемых терминов на соответствующем по алфавиту месте;
- 2) **стилистической синонимии** (устаревших, индивидуальных терминов) с использованием специальных помет;
- 3) **синонимов** — дублетов;
- 4) **антонимических отношений**;
- 5) **пересекающихся понятий**;
- 6) **видовых отношений**, закрепленных в словаре по принципу «гнезда», включающего термины «меньшего/большого семантического объема».

2. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС). Данный словарь, несмотря на свой ярко выраженный энциклопедический характер, ставит своей задачей создать «образ языка» как системы и использует системный подход в толковании основополагающих понятий науки о языке. Предварительный **системный анализ** терминологии просматривается на этапе выделения таких **категориальных классов**, характерных для науки как системы знаний, как единицы языка, уровни языка, (под)системы языка, законы языка, методы лингвистического анализа и т. д. Системный характер носят описания групп и семей языков, словарные статьи которых систематизированы и унифицированы по содержанию. И, наконец, родовидовые отношения в лингвистической терминологии представлены в словаре эксплицитно: родовые понятия даются «черным словом» и отдельной словарной статьей, а видовые включаются в соответствующую «общую» статью, объясняются там и выносятся в терминологический указатель.

3. Краткий Словарь Лингвистических Терминов является кратким толковым словарем терминов современного языкознания, не вошедших в изданные словари, и, насколько можно судить из предисловия, не ставит своей задачей вскрытие системных связей лингвистической терминологии. В то же время некоторые понятийные отношения (как на прагматическом, так и на синтагматическом уровнях) нашли отражение в структуре словарной статьи. В словарной статье представлены:

- 1) **термины — дублиеты;**
- 2) **термины, противопоставленные** заголовочному слову.

Кроме того, в словарной статье даются отсылки к терминам с неустановленными отношениями: термины, соотносящиеся с заголовочным словом (с пометой «ср.» и с пометой «см., также»).

В самом начале словарной статьи, сразу после заголовочного слова и его морфологического варианта, дается так называемый «уточняющий элемент». Например: эксперимент (в лингвистике), семантизация (в обучении). В данных примерах «уточняющий элемент» приводится в скобках и представляет собой терминологическое поле. Системность лингвистических терминов в определенной мере отражена также и в

наличии терминов-derivатов заголовочного слова, которые названы в предисловии «адъективами». Адъективы в свою очередь сопровождаются терминологическими словосочетаниями.

Максимально последовательно принцип системности заложен в **экспериментальном системном толковом словаре стилистических терминов** С. Е. Никитиной. Системность терминологии представлена в словаре эксплицитно и заложена в самой структуре словарной статьи, а именно ее тезаурусной части, которая описывает термины как «семантическую сеть единиц, связанных регулярными отношениями» (см. Предисловие к словарю). В тезаурусную часть заложен следующий набор понятийных отношений, называемых функциями:

Синонимы

Квазисинонимы

Корреляты

Экстенциональное пересечение

Род — вид

Целое — компонент

Пространство реализации/локализации

Инвариант — вариант

Параметр — носитель параметра

Основная типичная функция — способ выражения функции

Языковой объект — метаязыковое представление объекта

Операция деятельность — субъект/участник

Операция — (начальный) объект операции

Операция — конечный объект/результат операции

Инструмент/метод/способ

Имплицитное — имплицитное или Импликация

Уровень — единица уровня

Сфера применения

Аспект

Прочее

Данный словарь, таким образом, является действительно системным словарем, причем системные отношения вскрыты и логико-понятийные связи представлены эксплицитно. Тезаурусная часть

словаря определила не только содержание понятия, но и место научного понятия в системе понятий.

С другой стороны, глубина и полнота отражения системности термина в словаре непосредственно определяется степенью сформированности самой терминосистемы. Обратимся к двум словарям по экологии — очень бурно развивающейся и в силу этого мало упорядоченной области знания.

1. Небольшой (около 600 терминов) словарь экологических терминов и понятий В. Ф. Протасова и А. В. Молчанова, предназначенный широкому кругу читателей и прежде всего школьникам и состоящий из кратких определений терминов, на которые имеются ГОСТы.
2. Более представительный и по содержанию, и по объему (около 5000 терминов) словарь-справочник «Экология и охрана природы» Снакина.

Автор словаря «Экология и охрана природы», как он сам пишет во введении, сделал попытку дать наиболее распространенное и систематизированное толкование терминов и тем самым попытался некоторым образом упорядочить данную терминологию. Для лингвистов — терминографов очевидно, что выражения «наиболее распространенное» и «систематизированное» толкование расплывчаты, но мы можем положиться на мнение специалиста в отношении «распространенности» и проследить «систематизированное» представление терминов далее в тексте «Введение», где автор характеризует основные тематические разделы данной предметной области:

«При разного рода воздействии на экосистему имеет место цепочка: фактор воздействия — объект воздействия — реакция экосистемы (компонента экосистемы). Звенья этой цепи определили три основных направления, по которым собраны термины словаря. В словаре представлено толкование 5000 терминов из области экологии, природопользования и охраны окружающей человека природной среды. Подробно рассмотрены объекты экологического нормирования — экосистемы разного ранга, главное внимание среди которых уделено ландшафту как наиболее рациональному с позиций охраны природы

подразделению биосферы. Дается толкование терминов по источникам воздействия, экологическому мониторингу, оценке состояния экосистемы, правовым вопросам охраны природы».

Выделенные нами термины по существу являются базовыми понятиями терминосистемы экологии. В данном случае «рассказ» о них составлен специалистом-экологом и может быть началом логико-понятийного анализа данной терминосистемы. «Рассказ» терминографа потребует установления понятийной иерархии с более четким перечнем всех вошедших в словарь функциональных понятий, с указанием уровней систем и подсистем, а также характера понятийных отношений.

Таким образом, в обоих рассмотренных словарях системные отношения экологического термина не представлены эксплицитно в виде системы условных помет и обозначений, не закреплены за определенными средствами лексикографического описания.

Сравнительный анализ отражения системности в лингвистических и экологических словарях показал, что системное описание термина реализуется в специальных (научных) словарях в разной степени: от указания на родовые отношения до унифицированной сетки понятийных отношений. Представляется, что каждый конкретный тип специального словаря должен задавать степень системности описания термина и отражать ее эксплицитно. При этом, следует особо подчеркнуть, что системный характер терминологии и глубина предварительного логико-понятийного анализа терминосистемы определяют семантизацию термина не только в одноязычных словарях, но и в переводных.

Каким должно быть описание термина в переводном словаре?

Термин как объект лексикографического описания достаточно активно обсуждается и лексикографами и терминологами. Гораздо реже термин в словаре рассматривается глазами переводчика. Переводная терминография сегодня является мало заполненной нишей в теории лексикографии. Вопрос прагматики термина в словаре на

первый взгляд кажется простым и однозначным, если мы понимаем прагматику любого знака как отношение к этому знаку того, кто его описывает, в данном случае — отношение словаря.

Мы помним, что задача специального словаря раскрыть и описать содержание термина максимально полно на данный момент развития терминосистемы, и всякая интерпретация термина будет ограничиваться его стремлением к однозначности, системности, точности. Но как показала практика всех направлений терминологической лингвистической деятельности, таких как стандартизация терминологии, терминография, терминологическое редактирование и перевод, термины — живые единицы языка и речи и им как любому лингвистическому знаку присущи такие свойства как многозначность, стилистическая синонимия, омонимия, расплывчатость значения. Кроме этого, описание термина в словаре в силу ограниченности объема словаря предполагает решение таких проблем, как: а) отбор терминов, что упирается в еще более принципиально сложную задачу разграничения термина и нетермина; б) отбор информации о термине (лингвистическую и/или энциклопедическую и в каком объеме представлять); в) наконец, что именно о термине содержится или не содержится в словаре и что там ожидает найти переводчик. Другими словами, переводной словарь, как и любой другой тип словаря, будет интерпретатором термина-знака, и в каждом отдельном словаре мы находим определенный способ описания термина, показывающий отношение к термину авторов данного словаря, через фиксацию особенностей его использования на определенном этапе формирования знака. Таким образом, мы подходим к необходимости состыковать две проблемы — «перевод термина» и «семантизация термина в словаре». При этом, семантизация термина включает все три аспекта — семантику, синтактику, прагматику.

Принципы перевода термина, как и любой другой языковой единицы опираются на выработанные практикой перевода способы, обзор которых в совокупности своей и составляет современную практику перевода: транскрипция, транслитерация, заимствование, калькирование и разного рода переводческие трансформации (рас-

ширение значения, сужение значения, синонимический перевод, антонимический перевод и т. д.). Все традиционные способы в той или иной мере используются в переводе специальных текстов, несмотря на то, что стремление термина-знака к однозначности делает его в большой степени независимым от контекста. И мы вправе ожидать от термина наличие лексических эквивалентов в других языках. Но специальные слова-эквиваленты — это всего лишь значки, этикетки, форма, за которой стоит специальное понятие. Термин-знак в отличие от обычного слова всегда вторичен, так как сначала формируется понятие (причем это может быть процесс достаточно длительный) и только потом подбирается, примеривается значок для него. Процесс «примерки значков» для понятия также занимает много времени. Окончательное закрепление знака за специальным понятием через его дефиницию — это идеальный вариант появления полноправного, общепринятого термина.

Лексика языка, в том числе и специальная, находится всегда в движении, в изменениях, связанных с изменениями, как формы, так и значения слов, поэтому в живом языке всегда отражается тот или иной этап «примерки» языкового выражения к содержанию. Отсюда, в любой терминологии можно встретить с одной стороны наличие нескольких слов-терминов, которые мы называем обычно синонимами; с другой — несколько значений одного и того же слова-термина. Наглядной иллюстрацией вторичности термина-знака в процессе номинации специальных понятий и постепенной корреляции процессов формирования специального понятия и процесса выработки и закрепления за ним значка служит новейшая лингвистическая терминология, которая включена в самый последний лингвистический словарь [Баранов и Добровольский, 2001]. Данный словарь содержит около 9 000, из которых лингвистических терминов. 786 терминов являются новейшими английскими лингвистическими терминами, так как они не содержатся в Лингвистическом словаре О. С. Ахмановой и Лингвистическом энциклопедическом словаре. Из них 518 терминов (65%) не имеют терминологических эквивалентов. Их терминологические соответствия в русском языке лишь начинают формироваться. Поэто-

му данные термины переводятся с помощью транслитераций и транскрипции и их русско-английские и англо-русские соответствия в двух входах в словарь можно назвать зеркальными. Например, английский термин *absolute universals* имеет русское соответствие «абсолютные универсалии», а к русскому термину *абсолютные универсалии* дается английское соответствие «*absolute universals*».

Сложившиеся в настоящем специальные знаковые системы различны и по понятийному наполнению и по языковому выражению. Поэтому количество закрепленных переводных эквивалентов не слишком велико. Таким образом, проблема перевода термина — это проблема эквивалентного описания специального понятия, прежде всего в том случае, когда нет еще для его обозначения закрепленного, устойчивого лексического эквивалента.

Когда речь идет об описании термина в переводном словаре, мы рассматриваем перевод как семантизацию термина лексикографическими средствами. Нужно заметить, что теория лексикографии как наука делает сегодня только первые шаги, поэтому, даже в предисловиях к переводным словарям мы находим обоснование использованных словарем способов перевода лишь в самых авторитетных, полных словарях. Так, в предисловии Большого англо-русского словаря под общим руководством И. Р. Гальперина [1987] говорится, что передача значения английского слова в словаре осуществляется тремя способами: а) с помощью существующего в русском языке эквивалента, б) описательным путем, в) при помощи транслитерации.

Эти общеизвестные и широко используемые в словарях способы перевода как общей, так и специальной лексики. Например, термин «*clearing*» в значении «*безналичные расчеты*» транскрибируется как *клиринг*, в значении *sale clearing* описательно переводится как «*распродажа по сниженным ценам*» и как технический термин имеет лексический переводной эквивалент «*зазор*». Вроде бы все просто и понятно. Вместе с тем, для любого занимающегося специальным переводом будь он переводчик-профессионал, специалист в какой-то области или просто в какой-то мере владеющий иностранным языком при обращении к словарям всегда стоят открытые вопросы, на которые

можно ответить только зная лексикографические принципы описания термина в словаре и лингво-семиотическую природу термина. Эти вопросы можно обозначить как вопросы семантики термина, синтактики термина и прагматики термина. Самый яркий пример проблемы «перевода» семантики термина — это транслитерирование и транскрибирование. Кому не знакомо из пользователей англо-русского словаря чувство досады, когда в словаре вместо значения терминов мы находим только набор русских букв, например, *дайка*, *консенсус*, *клиринг*, *конверсия*, *арбитраж*, соответствующих иностранным терминам. И даже, если вы специалист и имеете представление о каком-то значении термина, вам не ограничиться транслитерацией при переводе текста, т. к. вам нужна информация об объеме и содержании специального понятия. А это вопрос семантики термина.

Перевод термина, так или иначе, должен раскрывать его значение, т. е. представлять специальное понятие, обозначаемое переводимым термином. Весь вопрос в том, какой объем, и какое содержание понятия должны быть отражены в словаре. Объем понятия предполагает класс понятий, к которому относится переводимое понятие и он отражается в родовом понятии. Родовое понятие может быть в свою очередь выражено: а) через переводной эквивалент, например, *account* — *счет*, *clay* — *глина*, *clearing* — *клиринг*; б) описательно, например, *clearing* — *устранение дефекта*, *clearing* — *расчищенный участок земли*.

Там, где нет терминологического знака-эквивалента специальному понятию, перевод раскрывает содержание понятия, то есть, дает описание существенных и отличительных признаков понятия: *clearing* — *распродажа по сниженным ценам*. Очень часто в таком переводе наряду с общими словами используются термины, что дает возможность разнообразить языковые средства перевода, например, **cluster** переводится, как *разветвленная итенсельная колодка*. Таким образом, чем полнее раскрыто специальное понятие, тем лучше осуществлен перевод глазами переводчика. Переводчик всегда стремится найти как можно больше информации о референте и о понятии. Для него всегда ценнее будет тот словарь, который, например, наряду с транс-

литерацией, или даже с эквивалентом дает добавочную информацию о содержании понятия: *clearing* — клиринг, безналичный расчет между банками, *dip* — гнездо планки (углубление в ванне), *dep* — живица (смолистое вещество, выделяющееся при ранении ствола хвойных растений). В этом отношении особенно ценным представляется уже упоминавшийся Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике в 2-х томах, дающий кроме переводных соответствий и эквивалентов также толкования, определения и пояснения к терминам.

Раскрытие содержания термина происходит, в том числе и на синтаксическом уровне. Вопросы синтактики термина-знака в словаре — это, прежде всего вопросы сочетаемости специального понятия с другими понятиями и на самом ближнем уровне понятийная сочетаемость закрепляется в терминологических устойчивых словосочетаниях, например, термин «clearing» в сочетании с «clearing house» обозначает специальное понятие расчетная палата. Значение данного терминологического словосочетания достаточно «прозрачно», и мы легко понимаем из его перевода, что термин «clearing» здесь используется как банковский термин в значении «помещение», которое в специальном контексте обозначается соответствующим термином «палата». Что дает нам возможность узнать и запомнить, что в русском языке, как и в английском — есть собственный термин (а не буквальный перевод) для обозначения данного понятия. Термины, соединяясь с другими терминами и не терминами, образуют сочетания разной степени устойчивости и мотивированности. Но задача словаря отразить, прежде всего, устоявшиеся терминологические словосочетания. Здесь необходимо отметить, что интересы составителей словаря и потребителей словаря относительно сочетаемости могут расходиться. Такие принципы составления словаря как краткость и экономность дают право количественного ограничения сочетаемости, например, только идиоматической сочетаемостью и не включением в словарную статью термина **Bill** таких относительно свободных и мотивированных сочетаний, как «short-term Bill» (краткосрочный вексель), «trade Bill» (торговый вексель). Между тем, как пользователь заинтересован в максимально полном перечне всех видов сочетаний, выполняющих

функцию ограничения содержания понятия. Так, если внимательно посмотреть на тот же термин «Bill» и его три переводных соответствия: *вексель, счет, декларация*, то оказывается, что возможные трудности перевода сочетаний *short-term bill* и *trade bill* возникают в связи с переводом самого слова *bill*, и выбором одного из трех слов.

Включение в переводной словарь реально функционирующих в устной и письменной речи терминологических сочетаний особенно востребовано в двуязычных обратных словарях, таких, как русско-английский и англо-русский, немецко-русский и русско-немецкий и т. д., поскольку в них, через сочетаемость термина можно выйти на достаточно полное раскрытие понятий, имеющих разные многочисленные соответствия в двух языках. Так, разобраться в значениях и использовании английских терминов **dues, duties, duty, fee, tax** можно только через переводные соответствия всех терминологических сочетаний, содержащих эти термины. Для этого приведем фрагмент из англо-русского, русско-английского коммерческого словаря:

ПОШЛИНА

акцизная п.
арбитражная п.
валютная п.
ввозная п.
возвратная п.
государственная п.
единовременная п.
лицензионная п.
льготная п.
неоплаченный таможенной п.
очистка от п.
портовая п.
патентная п.

DUES, DUTIES, DUTY, FEE, TAX

excise **duty**
arbitration **fee**
currency, protecting **duty**
import **duty**
drawback
state-**tax**
final **fee**
license **duty**
preferential **duty**
uncustomed
clearing
port **duties**
patent **fee**

[Табанакова, 2005]

И, наконец, третий аспект семантизации термина-знака в переводном словаре — прагматический. Остановится на термине прагма-

тика, и уточним что такое прагматика термина в словаре. Ю. С. Степанов в водной статье к сборнику Семиотика 2001 года различает прагматику в обыденной речи как отношение говорящего к тому, что он говорит и как, а в художественной речи как отношение писателя к действительности и к тому, что и как он изображает. В первом случае мы оперируем такими категориями как истинность, объективность, предположительность, ложность. Во втором — субъективными категориями, такими как *принятие или неприятие, восхищение, ирония, отвращение* [Степанов, 2001].

Таким образом, центральной категорией прагматики является категория субъекта, которая в свою очередь тоже может быть определена с разных сторон. Нам есть смысл учитывать два понимания:

- 1) субъект — это познающий объективную действительность, внешний мир человека.
- 2) субъект высказывания в логической субъектно-предикатной структуре высказывания.

Если спроецировать понятие субъекта на научную речь, то субъектом будет ученый, определяющий термин. При этом определение термина оформляется, как правило, высказываем, суждением, дефиницией. Субъектом также будет и словарь, описывающий семантику термина. И между этими субъектами, казалось бы, не должно быть «расстояния», противоречия, так как словарь сам не придумывает определения, а только передает определения ученых. Но в реальности и ученый и словарь являются интерпретаторами, поскольку разные ученые и разные словари по-разному описывают один и тот же знак. И основными лингвистическими категориями, определяющими прагматику термина в словаре, будут многозначность и синонимия. Попытаемся далее проследить на конкретном словарном материале отношения между знаком и содержанием понятия, и то, как именно эти отношения отражаются при соотнесении знаков одного языка со знаками другого языка. Для этого возьмем 2 слова-термина: *clay* и *clearing*, и обратимся к двум наиболее полным современным англо-русским словарям и одному специальному:

Большой англо-русский словарь	Новый большой англо-русский словарь	Современный англо-русский политехнический словарь
CLAY 1. глина, глинозем 2. ил, тина, грязь 3. возв. чел. тело, плоть 4. поэт, прах 5. глиняная трубка	CLAY 1. глина, глинозем 2. ил, тина, грязь 3. возвыш. человеческое тело, плоть 4. поэт. прах 5. глиняная трубка 6. claycourt спорт. теннисный корт с глиняным покрытием	CLAY 1. activated ~ активированная глина (катализатор крекинга) 2. adobe ~ пористая глина, тощая глина argyrous ~ огнеупорная 3. ball ~ пластичная глина, комовая глина 4. bleaching ~ отбеливающая глина 5. brick ~ кирпичная глина 6. bond ~ цементирующая глина ... 27.

Слово «clay», как мы видим, в обоих общих англо-русских словарях представлено в пяти значениях: 1) при этом специальное значение занимает в его семантической структуре первое место. Далее объем понятия расширяется за счет сочетаний с другими специальными и неспециальными понятиями, закрепленными в языковой форме составных терминов: **clay band**, **clay loan**, **clay pan**, **clay sand**, **clay state**, **clay stone**.

Необходимо отметить, что общие словари показывают использование слова и в других специальных значениях, таких как: **clay court** — теннисный корт, **clay bank** — светло-бурая масть лошади, **claymore** — сабля, мина, **clay pigeon** — тарелочка для стрельбы, **clay state** — кровельный шифр.

Таким образом, анализ словарной статьи слова «clay» в общем англо-русском словаре в прагматическом аспекте позволяет заключить, что первое, прямое, номинативное, устойчиво закрепленное значение этого слова — это терминологическое значение, которое в русском языке имеет два знака — соответствия **глина** и **глинозем**.

Совершенно другое наполнение словарной статьи «**clay**» предлагает специальный политехнический словарь, который сразу после входного термина дает 33 составных термина типа *activated clay, brick clay, china clay* ..., которые в совокупности обозначают все разновидности глины. Интересно, что единственным термином, включенным в общие словари и специальный словарь стало слово *clayey* — глинистый.

Теперь обратимся к трем словарным статьям слова «**clearing**».

Большой англо-русский словарь	Новый большой англо-русский словарь	Современный англо-русский политехнический словарь
CLEARING I 1. очистка; расчистка 2. участок; прогалина, поляна; расчищенный 3. ком. распродажа по сниженным ценам также ~sale 4. банк. клиринг безн. расч. между банками 5. технический зазор 6. техническое устройство дефекта 7. специальное осветление, очистка CLEARING II <i>clearing house</i> — банковская расчетная палата	CLEARING 1. очистка, расчистка ~ <i>slum</i> — ликвидация трущоб 2. участок земли, расчищенный под пашню 3. ком. распродажа по сниженным ценам, также ~ <i>sale</i> 4. банк. 1) клиринг, безналичные расчеты между банками; 2) клиринговое соглашение 5. ком. очистка от пошлины 6. техн. зазор 7. техн. устранение дефекта 8. спец. осветление, очистка	CLEARING 1. прочистка, очистка, расчистка 2. устранение (дефекта или повреждения) 3. осветление 4. радинирование 5. ком. клиринг 6. подготовка почвы для пахоты 7. лесной поруб ~ <i>c of fraction</i> — матем. освобождение от знаменателя <i>land c.</i> — расчистка земельной площади <i>snow</i> — снегоочистка, снегоуборка

Как показывают общие словари практически во всех, закрепленных за ним в языке значениях это слово выступает как специальное слово. В силу этого разница в словарных описаниях касается лишь

количества выделенных значений—употреблений и порядка их следования в словарной статье. Общие словари начинают семантизацию этого термина с установления самого общего по объему понятия, которое отражено двумя русскими синонимичными словами «очистка, расчистка». Технический словарь к ним добавляет еще «прочистка». Далее, в общем словаре 1987, на втором месте — землевладельческий термин, 3-е и 4-е места занимают коммерческий и банковский термины, остальные — технические. Кроме того, в этом словаре приводится использование слова в военном и морском деле. Заключается статья банковским терминологическим сочетанием **clearing house**, которое выведено более в современном словаре как самостоятельный термин с отдельной словарной статьей и мы можем предположить, что оно устарело. В политехническом словаре мы находим у этого термина добавочное значение «радионирование» и использование в качестве математического термина в сочетании с термином *fraction*.

Рассмотренных примеров достаточно, чтобы составить общее представление о том каким образом и в какой степени отражается прагматика в переводном словаре. Обобщающими будут положения:

1. Переводные словари традиционно носят справочный характер, так как не содержат толкований, пояснений, комментариев. Они демонстрируют специальные понятия, закрепленные за термином-знаком через переводные соответствия на языке перевода.

2. Наличие переводного эквивалента говорит о том, что специальное понятие закреплено за определенным термином-знаком в каждом из языков. термина-знака. Использование описательного перевода, калькирования, транскрибирования, транслитерации свидетельствуют об определенной стадии становления термина-слова.

3. Переводной словарь также как и толковые одноязычные словари разрешает межотраслевую и категориальную многозначность термина специальными пометами областей использования термина и отнесением к определенной части речи.

4. Общие переводные словари показывают место терминологического значения в семантической структуре слова и тем самым фиксируют функциональный статус термина в общелитературной лексике всего языка.

Вместе с тем очень важные для потребителя аспекты прагматики термина, связанные с реальным функционированием термина в речи остаются открытыми и не находят отражения в переводных словарях справочного характера. К ним относятся следующие вопросы:

- 1) Насколько полно представлена семантика термина в переводном словаре?
- 2) Какие употребления являются устаревшими?
- 3) Насколько термины-синонимы могут быть взаимозаменяемыми?
- 4) Какие термины обладают стилистической ограниченностью?
- 5) Какие значения являются новыми?

На все вопросы переводчик ищет ответы в разных словарях и в специальной литературе. Так, например, семиолингвистический анализ показал, что чрезвычайно информативным в этом отношении является глоссарий общегеографических терминов, который представляет собой переведенный на русский язык Английский толково-энциклопедический словарь с максимально полным раскрытием прагматики географического термина [Словарь общегеографических терминов, 1975]. Остановимся подробно на структуре словарной статьи этого чрезвычайно информативного для переводчика словаря.

Формально словарная статья состоит из двух частей: 1 — русское переводное соответствие, 2 — комментарий об использовании термина в том или ином значении. Приведем пример краткой в обеих частях словарной статьи:

Centrosphere — центросфера.

Комментарий. См. *Barysphere* (барисфера) — термин более употребительный. Понятие «центросфера» не содержит указаний о характере центральной сферы, в то время как термин барисфера позволяет получить такое представление.

Но в подавляющем большинстве словарных статей, и первая и вторая части значительно расширены как лингвистической, так и экстралингвистической информацией. Так, в первой части может быть несколько входных терминов (для удобства восприятия входные термины выделены жирным шрифтом.):

Bevel, bevelled surface, bevelling — срезать, скашивать, срезанная поверхность, срезание, скашивание.

Остановимся на второй словарной статье подробнее. С лингвистической точки зрения, то есть с точки зрения их лингвистической формы, они являются лексическими дериватами, поскольку они выражены разными по своей морфологической и словообразовательной структуре частями речи. Если мы посмотрим на их содержательную сторону, то увидим, что за ними стоят разные понятия. И тогда возникают вопросы: «Сколько здесь терминов и сколько специальных понятий? Будут ли все три номинации терминологическими и все три понятия специальными?». Эти вопросы возникают еще и потому, что их переводные соответствия носят также не однозначно специальный характер. Эти вопросы-предположения касаются, прежде всего, семантики слов-терминов и возникают они, конечно же, у лингвистов. Ответы на эти вопросы лингвист видит в том, что данный словарь описывает термин не только как знаковую единицу языка, но и как функциональную единицу — единицу речи. В таком случае, именно речевая ситуация нам подскажет какой именно термин из трех входных единиц и какой именно переводной эквивалент мы будем выбирать из шести предложенных. В любом случае, в первой части данной словарной статьи мы опираемся на семантические признаки терминов-слов. Перейдем ко второй части словарной статьи — комментарию, где мы, лингвисты, надеемся уточнить содержание специального понятия. И мы его уточняем.

Комментарий. С этим термином в географической литературе связана некоторая путаница, поскольку срезание (bevelling) можно употреблять в смысле, указанном в О.Е.Д. пункт 1, т. е. для обозначения сглаживания угла между горизонтальной (напр. выступ) и вертикальной (напр. склон берегового обрыва) поверхностью. Это принципиально иной процесс по сравнению со срезанием вершинных частей возвышенностей. (G.T.W.).

Нужно отметить, что по своим типологическим параметрам, данный словарь не является двуязычным, переводным словарем, в котором в сопоставительном плане разрабатываются разные терми-

носистемы в разных языках. Он является переведенным словарем, в котором в основном, представлена терминосистема английского языка. Сопоставление двух языков прослеживается на уровне словарных переводных соответствий. Но очень подробное и глубокое описание семантики и прагматики английского термина дает возможность переводчику безошибочно определить объем и содержание специального понятия и его переводного соответствия. Так, анализ переводных соответствий в первой части словарной статьи очень наглядно иллюстрирует самые разнообразные способы перевода, использованные в словаре:

- транслитерация — **Block diagram** — блокдиаграмма;
- транскрипция — **Black Country** — Блэк кантри, **Borderland** — бордерленд;
- калькирование — **Black Country** — букв. «Черная страна»;
- лексическое соответствие, когда дается лексическое значение слова-термина — **Bluff** — утес, **Boulder** — валун;
- переводной эквивалент, когда в русском языке имеется термин, обозначающий данное специальное понятие — **Col** (*франц.*) — седловина;
- описательный перевод, когда описываются признаки специального понятия — **Blind valley** — закрытая, мешкообразная долина;
- дефиниционный перевод, когда содержание специального понятия передаются терминами — **Boulder Clay** — валунная глина (валунный суглинок, ледниковая глина), основная (донная, или поддонная) морена;
- комбинирование перечисленных способов перевода — **Bornhardt** — борнхардт, останец, островная гора; **Bluff** — утес, высокий крутой берег, обрыв; **Clay** — глина, глинозем; **Coppice** — молодой лесок, поросль, низкоствольный (порослевой) лес, подрост.

А логико-понятийный анализ второй части словарной статьи раскрывает семантику и прагматику термина-знака. В комментарии мы находим информацию:

— о происхождении термина знака — **Breck, Breckland** — брек, брекленд. *Комментарий.* Как указывает Эквол (Ekwall), термин происходит от староанглийского слова *braek*, что означает землю, вспаханную под посев с/х культур; вновь расчищенная земля (fide у Эквола); следовательно, это земля, временно расчищенная для обработки на заброшенных полях (см. Outfield).

— об авторстве термина — **Cryology** — криология, криография, общее ледоведение. *Комментарий.* На съезде Международной ассоциации научной гидрологии в Цюрихе Майнзен (Meinzen) назвал четыре отдела гидрологии — потамологию (изучение рек), лимнологию (изучение озер), гидрологию (изучение подземных вод) и криологию (изучение снега и льда) (G.T.W.).

— о содержании понятия, его существенных и отличительных признаках, его месте в терминосистеме — 1. **Blind valley** — *Комментарий.* По существу — это карстовые образования — осушенные или с водотоками. Они могут исчезать в провале или поноре (полом или засыпанном целиком или частично). Многие долины предстают собой слепые долины в миниатюре, иногда врезанные в днища главных долин. В некоторых случаях реки исчезают в склонах этих долин (G.T.W.). 2. **Boulder Clay** — валунная глина (валунный суглинок, ледниковая глина), основная (донная, или поддонная) морена. *Комментарий.* Различие, проводимое Гейки (Geikie) между понятиями till и houlder не встречает поддержки. Определение Райта (Wright) правильно, однако не следует сбрасывать со счетов комментарии Флинта (Flint), поскольку к отложениям boulder clay на картах Британской службы геологической съемки отнесены и глины с малым содержанием валунов, и безвалунные глины, и даже настолько опесчаненные отложения, что их уже нельзя назвать глиной. Другими словами — это синоним основной морены. Отсюда следует, что на отложениях, обозначаемых как boulder clay, могут развиваться самые различные почвы. Те из них, которые сформировались на мергелистых валунных глинах (с меловой галькой) имеют ценные агрономические свойства, в то время как почвы, образовавшиеся на очень плотных глинах с многочисленными валунами, могут быть почти непригодны для ис-

пользования. Из-за крайне пестрого состава отложений, относимых к boulder clay, часть их показана на картах как безвалунные и с малой примесью глины. Это заставляет думать об отказе от этого термина и замене его понятием till (тилл); такая тенденция особенно заметна в США. Webster просто не раскрывает значения boulder clay, приводя ссылку на тилл (till). См. также Charlesworth, Chapter 18.

— об использовании термина разными учеными — 1. **Bluff**. *Комментарий*. Первым это термин использовали Кювье (Cuvier, 1822, Essay on the Theory of the Earth), перевод Джеймсона, который описывал береговые клифы как «крутосклонные высокие берега (bluffs) и обрывы (cliffs), Лайель (Lyell, Principles of Geology) — крутые высокие берега (bluffs) Миссисипи. Чарлзуорт (Charlesworth, 1957) упоминает Сваллоу (G. Swallow), как предложившего понятие «формации крутых высоких берегов» (Bluff formation) для лессов; Коттон (Cotton, 1941) на рисунке меандр, подмывающих склоны долины, назвал термином bluff эродлируемые участки ее склонов. 2. **Block diagram**. *Комментарий*. С именем Гилберта часто связывают первое использование блокдиаграмм (G. K. Gilbert, 1877), т. к. на фронтописи его книги было помещено нечто вроде половинчатой стереограммы г. Маунт-Элсворт. Не всегда локдиаграммы показывают геологическую структуру. Берч (T.W/ Birch, Maps, 1949) говорит, что их можно рассматривать как схемы моделей рельефа (стр. 136); Браун и Дебенхэм (C. V. Brown, F. Debenham) отдают предпочтение «перспективной блокдиаграмме» (perspective block) и указывают на использование в Америке «стереограмм». Особого вида упрощенные блокдиаграммы, применявшиеся Гриффитом Тейлором (Griffith Taylor), вполне заслуживают специального названия (см. Griffograph). 3. **Blow-out** — выдувание, полость выдувания. *Комментарий*. Второе значение, указанное в О.Е.Д. как местное для США, теперь признано и в Британии, причем особенно часто используется при описании ветровой эрозии, возникающей в прибрежных дюнах после уничтожения растительности. (G.T.W.).

— об употреблении термина в разных значениях — 1. **Blind valley** — *Комментарий*. Как географический термин в значении, указанном в словаре Милля, в настоящее время устарел. 2. **Epigenic** — эпигенический.

Комментарий. Термин употребляется редко: его не в коем случае нельзя путать с понятием «эпигенетический» (epigenetic); тем не менее см. работу Линтона (Linton D. L., 1958), который употребляет термин гипогенический (hypogenic). Противоположны по смыслу термины «тектогенный» (tectogene) и «гипогенический» (hypogenic). 3. Clay — глина, глинозем. *Комментарий.* Должна учитываться возможность разного употребления слова:

1. В почвоведении оно связано с определением размеров почвенных частиц и характеристикой самой почвы.
2. В минерологии с ним ассоциируется сложная группа минералов, составным частям которой были даны особые названия.
3. В геологии им обозначают породы, состоящие главным образом из глинистых минералов и мелкозернистых частиц, отличающихся специфическими физическими свойствами.
4. В стратиграфической геологии его используют для маркировки характерных пластов в различных горизонтах.

В *O.E.D.* под 3 и 4 даются наиболее обыденные значения слова.

Таким образом, результаты содержательного анализа данного словаря показывают, что прагматика термина раскрывается через:

- Этимологические сведения
- Близкие по смыслу термины
- Историю возникновения термина
- Историю употребления термина
- Применение термина
- Иностранные эквиваленты
- Особенности употребления в других языках
- Статистические данные
- Определение устаревшего характера термина
- Установление неоправданной многозначности
- Установление региональной многозначности
- Оспаривание синонимов
- Проблемы спеллинга
- Ограничение объема понятия.

Продолжим разговор о семантике, синтактике и прагматике термина в переводном словаре и посмотрим, как переводчик работает со

словарной дефиницией. Обратим внимание на двойственный характер словарной дефиниции, опираясь с одной стороны на дефиницию как логическую категорию, с другой стороны — на лингвистические особенности дефиниции. Логическая природа термина и его дефиниции дают нам возможность проанализировать понятийное наполнение словарной дефиниции и проследить разные формы ее предоставления в зависимости от коммуникативной установки. Так, словарное определение рассматривается и как средство семантизации знака и как средство «понимания» значения и как модель представления знаний. Все предложенные для рассмотрения ракурсы базируются на понятийной структуре термина и его дефиниции.

Словарная дефиниция научного термина является основным средством передачи знания в сфере профессиональной коммуникации. Ее коммуникативная нагрузка обусловлена, прежде всего, особенностями знаковой структуры термина: за термином-знаком стоит система специальных понятий, теория, знание. Значение термина закрепляется в его дефиниции. Можно сказать, что логическая природа термина реализуется в равенстве двух способов выражения специального понятия — **знака-термина и определения**. Схематично их отношения выглядит так:

Термин = Специальное Понятие = Определение.

Таким образом, дефиниция термина — это способ выразить, описать, задать значение термина.

Когда мы моделируем процесс познания, понимания научного термина, мы опираемся на систему понятий, и всякая когнитивная структура будет наполнена понятийным содержанием. Ограничим понятийное наполнение словарного определения категориальным уровнем и сконцентрируемся на определении термина через подведение его под одну из базисных понятийных категорий, таких как *сущность* (вещество, материя), *свойство* (характеристика), *отношение* (действие, величина и т. д.). Такое ограничение позволяет остановиться на моменте концептуального понимания, узнавания и фиксирования места термина в понятийной системе.

Обратимся к словарной статье научного термина и проследим, каким образом происходит понимание термина через категориальное

понятие. Для этой цели возьмем все тот же Словарь общегеографических терминов, в задачу которого входило собрать и представить разные подходы и трактовки терминов. Словарная статья каждого термина в этом словаре (как мы уже убедились) включает несколько определений толкований одного или разных авторов, а также комментариев, который в свою очередь также может содержать определение термина:

Earth — земля

Rice, 1943

1. Твердое вещество планеты, противопоставляется воде и воздуху. Грунт. Твердь. Суша.
2. Рыхлый грунт или рыхлый материал горных пород; отдельные частицы твердого вещества, противопоставляющиеся скальной, консолидированной породе или почве.
3. В химии — прежнее наименование определенных, лишенных запаха, сухих и невоспламеняющихся веществ, которые считались простейшими (элементарными), но на самом деле представляют собой окислы металлов.
4. Название мягкой сланцевой породы, встречающейся в разрабатываемых угольных пластах.

Комментарий — обычно этим же словом называют планету, на которой мы обитаем.

Прочтение такой статьи предполагает соотнесение разных определений, разных понятий и требует анализа каждого определения в отдельности и обобщения понятийного анализа на категориальном уровне для раскрытия многозначности и омонимичности термина. С помощью понятийного и категориального анализа мы в каждом определении, включая и то, что дается в комментариях выделяем то понятие, через которое толкуется определяемый термин — родовидовое понятие. Не вдаваясь в подробности, чем оно выражается, в какой части определения находится, просто подчеркнем те понятия, под которые подводится определяемое понятие и несколько сократим текст словарной статьи:

Следующий шаг для переводчика состоит в том, чтобы соотнести все эти родо-видовые понятия (в тексте словарной статьи они под-

черкнуты) с термином-знаком английским и русским. Рассматривая структуру словарной статьи в терминах традиционной лексической семантики, мы можем развести значения как омонимичные на том основании, что первое относится к системе физических понятий, второе и четвертое — геологических, третье — химических, пятое — астрономических. Другими словами, мы классифицируем понятие по разным понятийным системам разных областей знаний. С другой стороны, все приведенные в словарной статье определения представлены как разные употребления, разные значения одного и того же термина и мы должны обобщить все эти частные специальные понятия с тем, чтобы закрепить общее значение за общегеографическим термином «земля». И закрепление произойдет через категориальное понятие «вещество», которое позволяет одновременно развести и свести все «понимания» термина «земля».

Приведем еще несколько проанализированных словарных статей, в которых категориальное понятие выведено нами в конец словарной статьи и дается нами жирным шрифтом в квадратных скобках, а родовидовые понятия (там, где они имеются) подчеркнуты.

Continental shelf — континентальный шельф, материковая отмель относительно узкая полоска морского дна:

- a) полого наклоненная подводная окраина континента;
- b) подводная равнина;
- c) погруженная зона, обрамляющая континент;
- d) обычно считают, что континентальный шельф простирается до глубины 100 фатомов (200 м), но Ш. полагает ... 110-140 м;
- e) к континентальной платформе принадлежит и ее затопленный внешний край, называемый континентальный шельф, который не включает пляжевую зону глубиной 100 фатомов;
- f) относительно неглубоко погруженная платформа, обрамляющая континенты, простирающаяся ... 100 м, или от 65 до 200.

Комментарий — определение континентального шельфа и его выделение приобретает все большее значение в международном законодательстве в связи с правом собственности на минеральные ресурсы.

[пространственная категория]

Climate — климат

с греческого — наклон, уклон, наклонение

1. пояс земной коры (устарело)
2. область, выделяемая по особенностям ее атмосферных условий или погоды
3. условия (области или страны) характеризующие преобладающие атмосферные явления ...
 - a) климат в узком смысле слова — это долговременная средняя из погод данного места
 - b) климат можно определить как комплексный эффект влияния внешних условий тепла и влаги на жизнь животных и явлений
 - c) среднее состояние или условия погоды в данном месте за многолетний период....
 - d) общая сумма метеорологических явлений, характеризующих средние условия атмосферы в любой точке земной поверхности
 - e) средние погодные условия
 - f) средние погодные условия любой местности

Комментарий — определения (d) и (f) более соответствуют понятию микроклимат, поскольку термин «климат» обычно употребляют по отношению к целой области или району очень большой площади.

Климат — закономерная последовательность метеорологических процессов, определяемая комплексом физико-географических условий и выражений в многолетнем режиме погоды.

[характеристика]

Dune — дюна

- a) холм, гряда или возвышенность, сложенные перевертываемым *песком* на *морском* побережье или на берегу *озера* или *реки*. Чаще всего употребляется по отношению к *большим* песчаным холмам на побережье Франции и Нидерландов
- b) холм или песчаная гряда, нагроможденная ветром. Встречаются обычно вдоль побережий, в некоторых речных долинах

- с) ... дюны, *образовавшиеся* из-за скопления песка в ветровой тени и дюны, созданные песчаным наносом...

Комментарий — с точки зрения геоморфологии можно различать береговые дюны и дюны пустынь.

[форма, характеристика]

Читая последовательно все определения и анализируя родовидовые понятия в них, достаточно трудно соотнести и обобщить все эти порой взаимоисключающие толкования даже специалисту:

Континентальный шельф — это *полоска, окраина, равнина, зона, край платформы, платформа*.

Климат — это *пояс, область, условия (погоды), средняя (из погод), эффект, сумма (метеорологических явлений), последовательность (метеорологических процессов)*.

Дюна — это *холм, гряда, возвышенность*.

Целостное восприятие определяемых терминов становится возможным тогда, когда мы находим категориальное понятие. Так в рамках категориального понятия «характеристика» совмещаются самые разные толкования терминов «климат» и «дюна», а понимание «континентального шельфа» как пространственной категории объясняют наличие противоречивых определений как прагматическими факторами использования термина в коммерческой и законодательной документации.

Таким образом, при работе со словарной дефиницией понятийный категориальный анализ словарного определения научного термина обеспечивает понимание термина-знака во всей его полноте: его семантику — через категориальное понятие, его синтактику — через цепочку родо-видовых понятий и его прагматику — через тип определения. Категориальная модель выстраивает содержание понятия в той последовательности, которая задается «ситуацией» познания, понимания термина. Категориальная цепочка (понятийная категория с характерным набором признаков) отображает функциональную многозначность и закрепляется в прагматической оценке термина-знака.

АВТОРСКИЙ ТЕРМИН: ПОНИМАЮ, ИНТЕРПРЕТИРУЮ, ПЕРЕВОЖУ

Название последней главы как Вы, наверное, обратили внимание, отличается от названия книги ровно на одно слово. Слово «знаю» заменилось словом «понимаю». Это сделано в соответствии с замыслом данной работы — предыдущие главы рассказывают все то, что мы знаем о термине, все то, что необходимо знать, прежде чем начинать что-то «понимать». Здесь уместно сослаться на слова основоположника филологической герменевтики Г. И. Богина о том, что, знание — это еще не понимание, а понимание — это вовсе не знание [Богин, 2001].

Выражение «авторский термин» не имеет закрепившегося специального значения. Есть юридически закреплённые понятия «авторский надзор» и «авторское право», литературоведческий термин «авторский стиль», общеизвестное и в то же время специальное (имеющее дефиницию) понятие «авторская песня». Но ни в каком лингвистическом словаре мы не найдем определение специального понятия «авторский термин». В то же время любой из нас, пытаясь его определить, начнет с предположения, что это термин одного конкретного человека — автора. Ну, например, термины «зона Брока» и «зона Вернике» обозначают зоны головного мозга, которые были открыты французским ученым по фамилии Брока и австрийским ученым по фамилии Вернике. И мы можем назвать эти термины авторскими. Авторским термином мы считаем также термин, предложенный конкретным ученым. Например, термин «терминологическое поле» был введен А. А. Реформатским, а термин «дискурсивное поле» — Мэнгено. Авторскими в буквальном смысле слова будут также варианты обозначений одного и того же понятия, предлагаемые разными исследователями, или разными школами — так называемые «термины-дублеты».

Во всех этих случаях слово «авторский» указывает на прямую связь единичного термина-знака, чаще его референта, с одним человеком. Исследование такой связи потребовало бы истории возникновения специального понятия, начиная с истории самого предмета исследования, а затем и описания процесса номинации. Такое исследование носило бы узконаправленный, исторический характер.

Мы предлагаем расширить понятие «авторский термин» до авторского отношения, авторской предикации, авторской интерпретации специального понятия в тексте и дискурсе. Это не значит, что все термины в тексте будут авторскими. Авторским станет центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект, новый, свой собственный индивидуальный подход к предмету исследования. Он выстраивает свою логико-понятийную систему.

Мы можем обнаружить авторский термин в заголовках научных статей и монографий. Особенно ярко эти термины проявляются в тексте заголовка, который имеет проблемный, неоднозначный, тезисный характер⁷. Например, в названии книги А. И. Варшавской «Языковые единицы и *отношения совместности*» словосочетание *отношения совместности* является собственно авторским понятием. Добавим сюда еще ряд названий с ярко выраженной предикацией автора: «Слово как действие» (Остин Дж. Л), «Мысль и язык» (Потебня А. А.), «Языки мозга» (Прибрам К.), «Ментальные перформативы в научном тексте» (Рябцева Н. К.), «Философские тетради» (Ленин В. И.), «Лингвистические гештальты» (Лакофф Дж.), «Деятельность и сознание» (Леонтьев А. Н.).

Следует сразу отметить, что параметр «новизны» является относительным. Новый подход, новая теория, новое понятие, новый термин воспринимаются таковыми в определенный момент развития данной области знания. Так, номинативные заголовки таких книг как

⁷ Подробнее о тезисном характере заголовка научного текста можно прочесть в пособии «Моделирование научно-исследовательского текста» [Табанакова, 2004].

«Язык» Блумфильда, «Понятие» Войшвилло, «Общая лингвистика» Бенвениста в момент их появления были полны новым смыслом. Тогда получается, что все впервые предлагаемые понятия можно рассматривать как авторские термины. Другой вопрос, — какой языковой формой выражен авторский термин.

Попытаемся подойти к понятию «авторский термин» со стороны формы.

Выражение «авторский термин» в чем-то перекликается с понятием «авторский замысел, но не в литературоведческом и не в стилистическом смысле, а в семиотическом плане. Авторский замысел в этом смысле является «замыслом речи» по выражению Н.И. Жинкина. Он рассматривает замысел речи как психолингвистическое понятие, которое теоретически вытекает из понятий о структуре языка, интеллекта, значения текста. Приведем несколько кратких тезисов доклада «Замысел речи», которые раскрывают его идею:

1. Язык человека построен по семиотическому принципу. Знак в этом отношении обладает иерархической структурой и квазиконвенционален — значение может быть передано любым знаком.

2. Ограничение значений до полной определенности происходит при отборе конкретных слов. Прием и передача информации является познавательным процессом. Поэтому надо считать, что отбор слов производится интеллектом.

3. Но интеллект не может производить отбор слов, так как в его распоряжении нет памяти слов (словаря).

4. Следует допустить существование специальной зоны, связывающей блоки интеллекта и языка. Это семантическая зона.

5. Операция приравнивания слов по значению совершается в механизме контекста и реализуется при кодировании и декодировании текста.

6. Таким образом, значений нет ни в интеллекте, ни в языке, они возникают при кодировании и декодировании текста под воздействием контекста [Жинкин, 1998: 168].

Проецируя идею замысла речи автора на процесс вычленения авторского термина, мы можем ограничить понятие «авторский термин»

результатом контекстуального семантического анализа языковых форм (декодирования по Жинкину) в специальном тексте.

§1. Какие фоновые знания о термине-слове нам пригодятся?

Как мы узнали из первой главы, термин является полноправным участником лексической системы литературного языка и в разных ситуациях демонстрирует свою метафорическую природу. Когда-то идея о метафорической природе термина считалась «безумной». Но вот, в 1998 году выходит книга Ларисы Михайловны Алексеевой «Термин и метафора», в которой определяется место метафорического термина в лексической системе языка и описываются механизм терминологической метафоризации [Алексеева, 1988]. Сегодня описание функциональной семантики термина в любых прикладных целях, таких как нормализация терминологии, ее лексикографическое описание, перевод опирается на семантику слова во всей ее полноте и неопределенности.

Чтобы подойти к предпереводческому анализу термина в тексте нам следует обратиться к семантике слова в лингвокультурологическом аспекте. Слово является мельчайшей значимой самостоятельной единицей языка и в силу своей автономности рассматривалось на протяжении многих лет как структурная единица, как единство плана выражения и плана содержания. В рамках структурного подхода семантика слова описывалась через типы значений:

- типы лексического значения:
 - денотативное,
 - сигнификативное,
 - коннотативное.
- типы оппозиций, составляющих семантическую структуру многозначного слова:
 - прямое — переносное;
 - общее — специальное;
 - узкое — широкое.
- дифференциальные семантические признаки — семы

- словообразовательные значимые элементы: морфемы и основы.
- элементы структуры знака: имя, десигнат, сигнификат, концепт, коннотат.

Антропоцентрическая направленность современной лингвистики позволяет переосмыслить параметры и функции слова, не ограничивая его традиционными рамками единицы языка, речи, текста, перевода. А лингвосомиотический подход расширяет рамки лексической семантики исследованиями синтагматики и парадигматики слова.

Функциональная и коммуникативная лингвистика потребовала обращения к слову как носителю этнической культурной информации. Появилась лингвострановедческая теория слова, оперирующая такими терминами как «лексический фон», «межязыковое лексическое» и «национально-культурное лексическое понятие» [Верещагин и Костомаров, 1980]. В конце двадцатого века активно разрабатываются и издаются лингвострановедческие словари, такие как:

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческий словарь. Язык и культура. М., 1990 (первое издание в 1973).
- Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь. М., 1998;
- Муравлева Н. В. Австрия: Лингвострановедческий словарь. М., 1997;
- Николау Н. Г. Греция: Лингвострановедческий словарь. М., 1995;
- Страны Соединенного Королевства: Лингвострановедческий справочник / сост. Г. Д. Томахин. М., 1999;
- Томахин Г. Д. США: Лингвострановедческий словарь. М., 1999;
- Франция: Лингвострановедческий словарь / под ред. Л. Г. Ведениной. М., 1997 и др.).
- Чернявская Т. Н. Художественная культура СССР. Лингвострановедческий словарь. М., 1984.
- Ощепкова В. В., Петриковская А. С. (под ред.). Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь. М., 1998.

«Антропологизация» лингвистики привела к рождению лингвокультурологии. Предметом исследования лингвокультурологии стали единицы языка, которые приобрели: образно-метафорическое значение, эталонное значение, символическое значение. Очень интересным исследованием языковых форм, отражающих и отображающих символическую, метафорическую природу человеческого сознания является работа Е. А. Барляевой «Символы сознания в структурах языка» [Барляева, 2010].

Слово, таким образом, становится основной лингвокультурологической единицей, поскольку, практически любое слово языка может приобретать образно-метафорическое и символическое значение. Способность слова отображать и закреплять в себе культурное значение ярко иллюстрируется, например, словами-символами религиозной культуры:

ИНДО-БУДДИЙСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ — карма, сансара (чувственный мир), нирвана, бадхисатва, восьмеричный путь самосовершенствования.

ИСЛАМСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ — послушание, обрезание, паранджа.

ХРИСТИАНСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ — книга, рай, мученик, крест, душа, грех, (В)ера, (Н)адежда, (Л)юбовь, Адам, Ева.

Заметим, что когда мы занимаемся переводом символически значимой лексики, то неизбежно встает задача сопоставительного, лингвокультурологического исследования. Так, например, можно выявить общую символическую составляющую цифру «7» в разных языках:

- 1) русск. книга за семью печатями;
- 2) нидерл. een boek met zeven zegels zijn («быть книгой за семью печатями»);
- 3) нем. in sieben Sprachen schweigen («молчать на семи языках»);
- 4) фин. jtk on seitsemän lukon/sinetin takana («что-л. находится за семью замками/печатами»);
- 5) япон. happe fusagari («закрыто на восемь сторон»).

Лингвокультурологический подход к описанию семантики слова потребовал дополнительного инструментария и расширил методику исследований. Традиционные структурные методы начинают интегрироваться с такими методами, как:

- контент анализ,
- фреймовой анализ,
- нарративный,
- полевой этнографии,
- открытые интервью,
- экспериментно-когнитивный,
- анализ метафоры,
- психо-социо-культурологический эксперимент,
- текстовой анализ [Маслова, 2001: 33-35].

Начальный этап становления лингвокультурологии прослеживался в начале 21 века в том, что задачи и цели лингвокультурологии как самостоятельной отрасли лингвистики формулировались в виде вопросов:

- 1) как культура участвует в образовании языковых концептов?
- 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»?
- 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии?
- 4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы?
- 5) каковы концептосфера культуры, а также дискурсы культуры, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); культурная семантика данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры?
- 6) как систематизировать основные понятия данной науки, т. е. создать понятийный аппарат, который не только позволил бы анализировать проблему взаимодействия языка и культуры

в динамике, но обеспечил бы взаимопонимание в пределах данной научной парадигмы — антропологической, или антропоцентрической [Там же, с. 30]?

Лингвокультурологические исследования стремительно набирают рост. В учебных программах появляется одноименная дисциплина, издаются и многократно переиздаются учебники и учебные пособия разных авторов (А. П. Чудинова, В. А. Масловой, А. Т. Хроленко), формируется терминологический аппарат этой области лингвистического знания.

Следует отметить, что особую значимость и ценность приобретает описание семантики слова в диахронии. Так, историко-этимологический анализ слова становится ценнейшим источником культурологического знания, которое позволяет восстановить культурную семантику слов как фрагмент целостной картины мира. В качестве примера обратимся к словарной статье английского глагола TO BE в словаре М. М. Маковского [Маковский, 1999]. В тексте словарной статьи жирным шрифтом выделены исторически закреплённые за лексемой значения, которые мы воспринимаем как культурные концепты.

BE и «быть». Понятие Бытия, согласно языческим представлениям, связано с тем, что **Божество рассекло** (и.е. *bhei-: ср. гот. bā «оба, два» < «разорванный пополам») Хаос (ср. и.е. *bhē- «внешний, находящийся на периферии»). Разрыв Хаоса знаменовал создание **огненной вертикали** (и.е. *bhā- «гореть»)-символа божества и всего божественного: ср. и.е. *bhū- «вздвигаться вверх», арм. big «столб». Все формы англ. гл. to be соотносятся с понятием вздымающегося вверх огня: am < *as-m «огонь»; are и.е. *ag- «огонь; гореть» (ср. бретонск. aeg «змея»: метафорически «язык извивающегося пламени»); were < *ueg- «гореть; вздвигаться вверх». Первоэлементом Бытия был не только **Огонь** (и.е. *bhā-), но и **Слово** (и.е. *bhā-).

Как мы знаем, ключевым, базовым понятием лингвокультурологического исследования становится понятие «культурный концепт», которое само по себе является в большей мере философским, чем лингвистическим. Видимо, поэтому, центральным дискуссионным

вопросом остается вопрос о том насколько культурологическое знание, которое находится в нашем сознании, в исторической памяти народа закрепляется в лексеме.

Интересным текстовым материалом для размышлений по первому вопросу «Как культура участвует в образовании языковых концептов?», является книга Ричарда Хилла «We Europeans», которая представляет собой серьезное научное социологическое исследование и в то же время содержит богатейшую лингвокультурологическую информацию. Вот несколько «квинтэссенций» из этой книги:

European Aberrations

Who do ...

the Australians... offer a glass of water with every cup of coffee?

the Belgians... persist in the dangerous principle of according driving priority from the right

the British... think black cats are lucky when everyone else thinks the opposite?

the French... call a ship a building and the Germans an airplane a machine?

the Germans... put the past participle at the end of sentences, the cause of breathlessness in the speaker and confusion in the listener?

the Greeks... nod as if saying 'yes' when they're saying 'no'?

the Italians... eat their pasta with nothing but a fork?

the Portuguese... put their money sign in the middle, e.g. 32\$40?

the Spanish... list words beginning with 'ch' in the dictionary after 'czar'?

the Swedes... finish their alphabet with 'X, Y, Z, Ä, Ö, Å'?

the Swiss... stick a diminutive suffix on so many things, including even their surnames [Richard Hill, 1992].

Для того, чтобы перевести эти фразы на русский язык потребуется провести, так называемый, предпереводческий лингвистический анализ и установить их статус в системе языка. Лингвистическое своеобразие этих единиц в том, что они проходят процесс идиоматизации и можно предположить, что через какое-то время они могут оформиться во фразеологические словосочетания. Они, безусловно, несут в себе культурологическую и символическую нагрузку, которую сначала

нужно вычленишь и описать и только после этого искать знаковую форму в русском языке для передачи их содержания.

Попыткой ответа на второй вопрос (К какой части значения языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»?) было небольшое сопоставительное исследование семантической структуры многозначных слов и выявление культурных смыслов, отраженных в денотативных и коннотативных семах. Ниже мы приводим выдержку из статьи «Культурные смыслы и семантика слова в английской, французской, немецкой и русской лексикографии» В данном отрывке приводятся примеры семного этимологического анализа слов с культурологически обусловленным значением.

В немецком языке:

- Maus. Наряду с традиционным переносным значением «компьютерный прибор», «невзрачная женщина», «ласковое обращение к маленькой девочке» имеется также культурологически обусловленное значение — «полицейские на мотоциклах»
- Ostzone. Культурологически обусловлено значение «территория бывшей ГДР».
- Drüben. Имеет прямое значение «там, с той стороны», а в переносном значении используется для названия жителей ФРГ жителями ГДР.

В английском языке:

- Lollipop. Прямое значение слова — «пицца или питье в упаковке определенной формы». Первое переносное значение — леденец на палочке определенной формы, второе (культурологически обусловленное) — «человек с дорожным знаком в руках, помогающий детям переходить улицу (дорожный знак имеет форму леденца).
- Lump. «Кусок». В переносном значении — выгодное рабочее место, не облагаемое налогами.
- Hall. «Зал», «комната». В переносном — название для пригодных домов в разных районах Англии, особенно в средней ее части (Midland).

Во французском языке:

- Crêpe (блин). Метафоричность переносного значения «балда, олух, дурак» основывается на потенциальных семах «пере-

вертываемость», «подверженность изменениям положения под воздействием какой-то внешней силы». Подтверждением наличия в языке такой семы может также служить существование в языке поговорки «Retourner qn comme une cèpe» (заставить кого-либо полностью переменить мнение, переубедить).

- Blé. Первичное значение «зерновой хлеб, зерно» в арго обозначает «деньги». Актуализация потенциальной семы «доходы» происходит также во фразеологизмах с этой лексемой «manger son blé en herbe» (проживать заранее свои доходы), «être fauché comme les blés» (сидеть без гроша).
- Salade (салат) потенциальная сема «беспорядочная смесь» может выходить на первый план, образуя переносное значение «путаница, беспорядок», а употребленное во множественном числе, оно может иметь значение «россказни, ложь» [Табанаква, 2002: 116].

Таким образом, лингвокультурологический ракурс расширил семантические границы слова от структуры до концепта коммуникативной ситуации, культурологического знания, мировоззрения картины мира. Тем самым раскрылись потенциальные возможности слова не только как единицы перевода, но как носителя многоуровневой информации о мире, без которой невозможен перевод-интерпретация в диалоге языков и культур.

До сих пор за иллюстрацией метафорического, образного, этнокультурного компонента мы обращались к общелитературной лексике. А сейчас возьмем в качестве иллюстративного материала географические названия, которые можно отнести как к общей лексике (и тогда этот класс имен собственных называют топонимами), так и к специальной. Как специальные единицы их можно отнести к номенам. Мы хотим представить результаты достаточно оригинального исследования образной языковой формы специальных номинативных единиц⁸. Мы провели семный этимологический анализ названий экологических зон США с целью выявить в них прагматический компонент.

⁸ Результаты исследования опубликованы в совместной статье «Этимологический анализ названий экологических зон США» [Табанаква и Молчанова, 2010].

Отталкиваясь от функции отображения как основной функции языка мы сделали попытку соотнести лингвистическую форму географических названий с экстралингвистическими факторами, определяющими экологическое состояние географических зон. Материалом исследования послужили 50 названий американских мегаполисов, включенных в список наиболее узнаваемых экологических зон страны.

Полный анализ экологического состояния самых крупных регионов США нам удалось найти на сайте www.rd.com (reader's digest). Экологи предложили нашему вниманию шкалу из 50-ти регионов страны, расположенных в порядке увеличения степени загрязненности. Исследователи провели в каждом районе анализ состояния воды, воздуха, количества выхлопных газов, выбрасываемых в атмосферу и, в общем, внешний вид крупных городов и их окрестностей. Как оказалось, деревни, окружающие большие города, сильно повлияли на общий счет экологической зоны. Каждая экологическая зона получала от 1 до 50 очков в общем счете. Самая чистая местность могла получить максимум 50 очков. Общий балл выставлялся после анализа всех пяти параметров оценки, которые были перечислены выше. Данные представлены в следующей таблице:

<i>NAME</i>	<i>Air</i>	<i>Water</i>	<i>Toxics</i>	<i>Hazardous Waste</i>	<i>Sanitation</i>	<i>Total</i>
Portland (OR)	49	50	35	32	43	44.00
San Jose	41	50	50	21	32	40.71
Buffalo	34	50	27	26	47	38.29
Columbus	24	50	31	45	NA	37.33
San Francisco	47	50	34	16	12	36.57
Denver	27	50	44	19	NA	36.17
Rochester (NY)	46	32	32	43	19	35.71
Austin	44	9	48	50	NA	34.00
Orlando	48	23	9	38	48	33.86
San Diego	13	50	46	42	14	32.57
Hartford	32	29	47	9	44	31.71
Sacramento	4	50	49	40	24	31.57
Las Vegas	12	50	40	49	7	31.43
San Antonio	42	18	42	47	8	31.00

Oklahoma City	43	1	45	41	40	30.57
Minneapolis	33	30	21	35	31	30.43
Indianapolis	23	31	33	44	27	30.29
Salt Lake City	26	50	2	14	42	30.00
Jacksonville	45	24	19	20	NA	29.50
Charlotte	28	34	22	27	28	28.71
Virginia Beach	35	17	29	33	30	28.00
Cincinnati	19	35	11	38	34	27.29
Nashville	30	14	18	46	38	27.14
Riverside (CA)	1	50	43	25	15	26.43
New Orleans	39	13	10	48	21	26.14
Milwaukee	37	10	38	38	10	25.71
Seattle	36	21	37	15	13	25.57
Baltimore	16	33	14	24	41	25.29
Miami	50	11	36	8	9	25.00
Dallas	20	28	30	31	16	24.71
Tampa	40	3	17	17	50	24.29
Memphis	22	12	24	29	46	23.86
Providence	39	8	41	7	22	23.43
Louisville	21	15	15	39	35	23.00
Washington (DC)	25	19	12	13	45	22.57
Phoenix	17	37	1	22	23	22.00
Detroit	10	27	20	10	49	21.86
Richmond	31	4	13	34	36	21.86
Cleveland	9	25	26	31	26	21.57
Atlanta	15	26	4	11	39	19.43
Houston	7	39	3	19	20	19.14
Los Angeles	2	38	28	3	17	18.29
Boston	29	7	39	5	11	18.14
Philadelphia	14	22	16	2	37	18.14
Kansas City	19	16	25	13	NA	18.00
Birmingham	8	20	8	28	33	17.86
St. Louis	5	36	6	6	25	17.00
Pittsburgh	6	5	5	23	29	11.29
New York	11	2	23	1	NA	8.33
Chicago	3	6	7	4	18	6.71

Переходим к изложению результатов собственно лингвистического анализа. Все 50 топонимов были пропущены через этимологический онлайн словарь (ONLINE ETYMOLOGY DICTIONARY). В результате чего мы получили описание происхождения каждого названия и смогли выявить в каждой словарной статье прагматический компонент. Семный этимологический анализ 50-ти топонимов, определил 5 прагматических компонентов: *политический, экономический, социальный, религиозный и экологический*. Проиллюстрируем выделение пяти прагматических компонентов на примере пяти словарных статей.

1. BUFFALO — city in western New York state, U.S., of disputed origin (there never were buffalo thereabouts), perhaps from the name of a *native chief*, or a corruption of Fr. *beau fleuve* «*beautiful river*.» Buffalo wings finger food so called because the recipe was invented in Buffalo, N.Y., (1964, at Frank & Teressa's Anchor Bar on Main Street).

Как мы видим, в тексте данной словарной статьи содержится сразу два этимологических значения (они выделены в тексте жирным курсивом) и в каждое значение включен свой прагматический компонент. Так, первое значение во фразе *a native chief* отражает **политический компонент**. Город BUFFALO был назван в *честь вождя*, правившего этой территорией до прихода завоевателей. **Политический компонент** мы выявили также в названиях: DENVER; CLEVELAND; HOUSTON; BOSTON; NASHVILLE; SEATTLE; BALTIMORE DALLAS; LOUISVILLE; NEW YORK; WASHINGTON; ORLANDO; VIRGINIA BEACH; NEW ORLEANS

Второе значение отражает **экологический компонент**. Слово пришло из языка племени Чокто. **Экологический компонент** показан в семмах «*the beautiful river*» и переводится это словосочетание как «*красивая река*». Снова обратимся к данным таблицы. Принимая во внимание значения сем экологического и политического компонентов, мы можем судить о статусе этого города (по приведенной шкале) как об одной из самых чистых зон в США (третье место в шкале). Экологический компонент также можно проиллюстрировать на примере города MILWAKEE.

2. MILWAKEE — the etymology is *Me Seki Wa Ki* or «*bodies of red and yellow*» based on the yellow/orange clay that protected them from

insects. Название этого города содержит семы *Me Seki Wa Ki*, «*bodies of red and yellow*» что дословно переводится как «*тела, вымазанные в красное и желтое*». В данной местности наблюдается большое скопление ила и красной глины, которые оказывают огромное влияние на качество питьевой воды. Поэтому район мегаполиса Милуоки имеет очень низкие оценки качества воды (26 место в шкале).

Экологический компонент обнаружен в следующих названиях: BUFFALO; HARTFORD; SALT LAKE CITY; LAS VEGAS; MINNEAPOLIS; RICHMOND; CHICAGO; RIVERSIDE

3. PORTLAND — in Portland cement, 1720, named by its inventor, Eng. mason Joseph Aspdin, from resemblance of the color to *the stone of Portland* peninsula on the coast of Dorsetshire. Город, назван по наименованию минерала *портландит* ($Ca(OH)_2$), добыча которого составляет немалую часть экономики этого города. Разработки на местах скопления этого минерала соответствуют экологическим нормам и в связи с этим, данный район считается самым экологически чистым в общем подсчете (первое место в приведенной шкале). **Экономический компонент** виден в семах *the stone of Portland* и *портландит*.

Экономический компонент также обнаружен нами в названиях следующих городов: ROCHESTER; BIRMINGHAM; DETROIT

4. OKLAHOMA — the name Oklahoma comes from the Choctaw phrase *okla homma*, literally meaning *red people*. Choctaw Chief Allen Wright suggested the name in 1866 during treaty negotiations with the federal government regarding the use of Indian Territory, in which he envisioned an all-Indian state controlled by the US Superintendent of Indian Affairs. Equivalent to the English word Indian, *okla humma* was a phrase in the Choctaw language used to describe the Native American race as a whole. Oklahoma later became the de facto name for Oklahoma Territory, and it was officially approved in 1890, two years after the area was opened to white settlers.

Название мегаполиса OKLAHOMA CITY образовано из словосочетания *okla homma*, которое переводится как «*краснокожие*». Это название предложил вождь племен Чокто в процессе переговоров с завоевателями, как напоминание о людях, которые когда-то населяли

эти места. Как мы видим, в семе *краснокожие* и *okla homma* прослеживается социальный компонент. Мегополис Oklahoma занимает 15ое место в шкале экологических зон. В связи с этим, низкие показатели чистоты воды можно соотнести с семой «*краснокожие*», в которой косвенно просматривается состав воды.

Социальный компонент обнаружен также в следующих названиях: INDIANAPOLIS; CINCINNATI; MIAMI; COLUMBUS; PHILADELPHIA; KANSAS CITY; PHOENIX; AUSTIN; CHARLOTTE; TAMPA; MEMPHIS

5. PROVIDENCE — late 14c., «*foresight, prudent anticipation*,» from O.Fr. providence (12c.), from L. providentia «foresight, *precaution*,» from providentem (nom. providens), prp. of providere (see provide). Providence «God as *beneficent caretaker*,» first recorded c.1600. Перевод данного наименования на русский язык звучит как *предостережение, провидение*. Город занимает 32 место в таблице, так как считается одним из самых грязных городов по большинству показателей, возможно, что именно названием, которое несет в себе сему «*остерегаться*» этимология обосновывает его положение в рейтинге. Наличие семы God (Бог) позволяет нам выявить **религиозный компонент**.

Религиозный компонент мы также увидели в названиях: SAN JOSE; SAN FRANCISCO; SAN DIEGO; SACRAMENTO; LOS ANGELES; SAN ANTONIO; ST. LOUIS.

Таким образом, семный этимологический сопоставительный и контрастивный анализы поставляют нам информацию культурно-исторического и актуально-событийного характера, имеющуюся у любого носителя языка. В теории перевода эта информация получила название «фоновые знания». А, как известно, именно фоновые, экстралингвистические, тезаурусные знания о слове во многом определяет стратегию и тактику перевода.

§2. Как мы понимаем и как интерпретируем?

Перевод термина в специальном тексте представляет собой поэтапный мыслительный процесс. В этой главе рассказ о переводе авторского термина будет рассказом о комплексном линг-

вистическом анализе термина в тексте на этапах понимания, интерпретации и собственно перевода. И начнем мы этот рассказ с раскрытия нашего видения двух концептуальных понятий: **понимание и интерпретация**.

Слова «понимание» и «интерпретация», строго говоря, не являются «научными» терминами. Они не включены в терминосистему какой-либо науки. Может быть поэтому мы не найдем их определения ни в общем, ни в специальном словаре. Они обычно входят в перечень ключевых понятий герменевтики. Но герменевтику вряд ли можно отнести к наукам. Как подчеркивал Г. И. Богин, герменевтика — деятельность, а не наука, но по герменевтике возможны и даже необходимы научные разработки. С этой точки зрения он сравнивал ее с подобными деятельностями, такими как строительное дело, библиография, обучение детей, лечение больных [Богин, 2001].

Герменевтика (от греческого *hermeneutics* — разъясняющий, истолковывающий) лежит в сфере гуманитарного знания и трактуется по-разному. В философии герменевтику определяют как методологию гуманитарного исследования; как метод исследования общества, человека, культуры; как теорию познания; как вспомогательную филологическую дисциплину; как деятельность. В нашем исследовании актуальным становится понимание герменевтики как метода познания, а точнее как метода понимания и интерпретации текста. При этом понимание и интерпретация выступают в качестве основных способов познания.

Остановимся на слове «понимание». Общеупотребительное слово *понимание* толкуется как «способность понять, постичь смысл, значение, сущность, содержание чего-либо» [Словарь русского языка, 1987]. Как мы видим, семантика этого слова очень широкая, она включает такие общие понятия, которые впоследствии приобрели в лингвистике терминологическое значение. Сразу бросается в глаза и то, что оно однокоренное со словами *понять* и *понятие*. Кстати, первым из трех в русском языке появился глагол *понять* в значении «возьму». И, действительно, в повседневной речи мы чаще используем глагол, чем существительное. Интересно также отметить и стилистическую

вариативность этих однокоренных слов — в разных речевых регистрах они приобретают разные стилистические коннотации. Так, выражая свое непонимание, мы используем субстандартное выражение « без понятия». Здесь можно предположить, что оно возникло как результат «детерминологизации» логической категории «понятие».

Герменевтическая категория «понимание» имеет свою историю трактовок. Кратко проследим эту историю вместе с Еленой Николаевной Ярковой — автором учебного пособия «История и методология науки» [Яркова, 2007].

Первым, кто определил эту категорию, был Августин Аврелий (354-430). В его трактовке понимание есть переход от знака к значению. Большой вклад в теорию герменевтического метода сделал протестантский теолог и филолог Фридрих Даниил Эрнст Шлейермахер (1768-1834). Он разграничил три вида понимания: понимание в повседневной жизни, понимание в частных науках и понимание как метод — искусство, осуществляемое по правилам. Он также выявил и обосновал интерпретационную структуру понимания и основные принципы герменевтического анализа: *принцип проникновения в смысл текста, принцип диалогичности, принцип единства грамматической (языковой) и психологической интерпретации, принцип герменевтического круга, принцип лучшего понимания.*

Кроме того, он расширил «понимание» до «искусства понимания устной и письменной речи» и в связи с этим выделил *объективное (пассивное)* понимание речи как факта языка и *субъективное (активное)* понимание речи как факта мышления. При этом, пассивное понимание базировалось на концепции языка как системе нормативно стабильных форм, восходит к «универсальной грамматике» Лейбница как предпосылки рационалистического мировоззрения. Система языка в то время соотносилась с системой математических знаков, и математический знак выступал как идеал языкового знака. Активное понимание в представлении Шлейермахера основывалось на концепции языка В. Гумбольдта как творческой деятельности, как непрерывного процесса созидания, осуществляемого индивидуальными речевыми актами. Законы языкового творчества выделялись как индивидуально-

психологические, так как источником языка выступает индивидуальная психика человека. Значит, интерес герменевтики смещался в сторону исследования процесса творчества. Следует отметить, что выделение Шлейермахером объективного и субъективного понимания естественным образом согласуется с двупланностью термина-знака — лексической единицы языка и одновременно соотнесенностью с ментальной категорией «понятие».

Дальнейшее развитие категория понимания получила у Мартина Хайдеггера (1889-1976) и его ученика Ганса Георга Гадамера (1900-2002), которые расширили онтологический аспект познания и определили понимание как фундаментальный способ человеческого бытия. Особый интерес для нас представляет та часть концепции Гадамера, в которой он рассматривал язык как основное условие, при котором возможно человеческое бытие. Он считал, что язык — это универсальная среда, в которой осуществляется само понимание, а способом этого осуществления является истолкование. Гадамер, таким образом, стал первым из упомянутых философов, кто ближе всего подошел к языковому аспекту понимания. Но у него, как и у всех его предшественников слишком широкая для выхода на лингвистическую интерпретацию языковой формы трактовка категории понимания и непосредственно связанных с ней понятий «текст», «значение», «содержание», «смысл». Это объясняется, прежде всего, тем, что они обращаются к художественному тексту и общелитературной речи.

К рассмотренным трактовкам категории понимания в герменевтике нам остается только добавить концепцию Г. И. Богина, автора фундаментального исследования «Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику» [Богин, 2001].

Центральным понятием в «концепции понимания» Богина является «рефлексия». Он считал рефлексию вторым (после чувственности) источником опыта, важнейшим собственно человеческим конструктом, позволяющим совершенствовать всю душевную и духовную структуру личности и сообщества, и определял ее как способность понимать свое понимание и, если нужно, объяснять причины именно такого, а не другого понимания. Понятие «рефлексия» для него вы-

стует как родовое по отношению к «пониманию», однако при этом «понимаемое» как текстовая содержательность (содержание + смысл) является шире рефлектируемого текстового материала.

Интересной, практически значимой и во многом созвучной нашему исследованию представляется разработанная Г. И. Богиним лингвистическая типология понимания в разных коммуникативных и учебных ситуациях. Так, для ситуации чтения на иностранном языке он предлагает три уровня понимания текста:

1. Первый уровень — *семантизирующее* понимание, то есть «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции. Этот тип понимания имеет место, по преимуществу, при нарушениях смыслового восприятия текста в условиях овладения иностранным языком (или в условиях усвоения тех или иных его единиц), например, в ситуации, где читателю среди «знакомых слов» встретилось «незнакомое слово», подлежащее семантизации.

2. Второй уровень — *когнитивное* понимание, возникающее при преодолении трудностей в освоении содержания, то есть тех предикаций, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур, данных читателю в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание.

3. Третий тип — *распредмечивающее* понимание, необходимое при действовании с идеальными реальностями (частными смыслами как реальностями сознания, воли и чувствования), презентуемыми при этом помимо средств прямой номинации, но опредмеченными именно в средствах текста. В рамках задач учебного дискурса очень важно отметить его дидактическое утверждение — учить пониманию нельзя, потому что пониманию *нельзя научить*: можно только создать иллюзию понимания, заставляя повторять обломки чужого понимания, что никого не сделало умнее или порядочнее.

Большую практическую значимость в его исследовании понимания имеет также разработка системы рефлексивных техник. В работе мы находим обзор и описание самых разных техник понимания. Из списка, включающего более ста наименований, приведем небольшой, но значимый для нас фрагмент:

64. Понимание семантизирующее -> когнитивное (при переходе от «просто слушания» или «просто чтения» к слушанию или чтению для научной работы).

65. Понимание когнитивное -> семантизирующее (этимологизация).

66. Понимание распредмечивающее -> семантизирующее (при изучении языка).

67. Понимание семантизирующее -> распредмечивающее (переход к пониманию ради овладения культурой некоторого сообщества).

68. Понимание когнитивное -> распредмечивающее (та же цель).

69. Понимание распредмечивающее -> когнитивное (переход от художественного к научному освоению).

И закончим мы знакомство с герменевтической категорией «понимание» заключительными замечаниями-выводами Г. И. Богина в своей книге:

«Следует иметь в виду, что вопрос о сущности понимания текста — один из самых трудных в филологии. Поэтому изучать понимание нельзя лишь на основе какого-то одного «самого твердого» определения. Определения понимания *предельны*, т. е. они лишь позволяют отграничить наш предмет изучения от других — в частности от мышления, сознания, знания. Сказанное относится и к уже данному здесь определению, и к другим, достаточно распространенным:

- Понимание — процесс постижения внутренних связей в содержании текста.
- Понимание — процесс постижения смысла (или смыслов) текста.
- Понимание — освоение чужих переживаний, мыслей и решений, определеннных в тексте.
- Понимание — движению к знанию, производство знания (хотя и не само знание).
- Понимание — воссоздание ситуации действия автора текста».

Наше представление о проблеме понимания будет недостаточным, если мы не обратимся к обзорной статье 1999 г. Л. Г. Васильева «Три

парадигмы понимания: Анализ литературы вопроса», опубликованной он-лайн [*sprach-insel.com*]. Он ограничивает феномен понимания «пониманием языковых сообщений» и рассматривает его как очень сложную, междисциплинарную многоаспектную и противоречивую в своих трактовках проблему, требующую поиска ее решения. В проблеме понимания Он выделяет три группы теорий: объектные, субъектно-объектные и субъектные. Во всех исследованиях по каждой группе он останавливается на четырех параметрах: 1) объект исследования, 2) основа исследования, 3) способы описания, 4) типы понимания. Опуская повторы и многочисленные ссылки на авторов обзораемых работ, проиллюстрируем все три группы по каждому из параметров.

1. В **объектных** теориях приоритет отдается структурно-семантическому анализу, а понимание онтологизируется и приравнивается к своему объекту. Понять означает установить значение языкового знака.

В качестве *объекта* понимания тем или иным исследователем выбирается что-либо из следующего ряда: *письменный текст, слова, предложения и ситуации, стереотипные события, действия и обыденные ситуации.*

Основу понимания составляет: *знание правил вывода, знание как вербализуемая информация, концептуальные модели, стереотипы, каузальная связь между событиями, шаблон и принцип предпочтительности, объективация мысли, разделение объектов анализа. В качестве способов описания* понимания в этих моделях представлены *познавательные процедуры, процедуры концептуализации, аналитические процедуры, когнитивное конструирование, схемы, фреймы, семантическая сеть, эпистемологическое описание.*

Типы понимания выделяются редко и представлены как *понимание и объяснение, внутреннее и внешнее понимание, направленные и ненаправленные умозаключения, синтаксическое, семантическое, стереотипно-событийное и ситуативно-коммуникативное понимание.*

2. В **субъектно-объектных** теориях синтактико-семантический анализ дополняется прагмалингвистическим описанием или опи-

санием реальных психологических процессов при создании и/или анализе языкового знака. **Объектом** понимания признается: *дискурс, научный, художественный, учебный и научно-популярный текст, речь, слово, словосочетание, предложение, объекты действительности, ситуация, текст.*

В качестве **основы** понимания эксплицированы: *индивидуальные смысловые отношения, индивидуальные концептуальные системы, знания, познавательный опыт, мнения, когнитивные системы, знание стереотипных ситуаций, индивидуальный тезаурус, целеполагания, индивидуальная картина мира, принцип интереса, гипотетическая интерпретация, контекст, цели и планы, правила общения, цели и интересы, коммуникативный и референциальный подтекст, универсально-предметный код, предметно-схемный код, модели ситуаций, внутренняя речь, нормы и эталоны, знание языка, разборчивость текста, имплицатуры дискурса, прагматический потенциал текста, ментальные модели, языковая и общая компетенция, категоризация, прототипы и геиштальты, память, идеальные смысловые модели, ключевые слова, формируемая реципиентом информационная модель текста.*

Способы описания понимания представлены как: *познавательная норма, структура концептов, корреляция смысловых контекстов, гипотетико-дедуктивный метод, восхождение от материального к идеальному, логика здравого смысла для выводов, процедуры вывода в рамках познавательных связей, эвристические процедуры, консенсусные обоснования, каузальные, темпоральные, логические, пространственные и интенциональные связи, когнитивные модели, образно-схематические, пропозициональные, метафорические, метонимические, символические, фреймы, движение от значения к подтексту, аналитическая процедура, оперирование денотатами и коммуникативная идентификация, прогнозирование, процедуры и фреймы, стратегия «данное — новое», встречное порождение, восстановление надежной рамки, психологическая предикация, стратегия гипотез, процесс, обратный продуцированию, формирования знаний о данных, операциях и алгоритмах, параллельное интерпрети-*

рование и коррекция при понимании и продуцировании, свертывание в семантические комплексы, прогнозирование и фигуры речи.

Противопоставляя понимание доказательству, он далее приводит следующие типы понимания: антропологическое и рациональное понимание, понимание и интерпретация, анализ, интерпретирование и прояснение, разбор и объяснение, типизация, классификация, идентификация, структурирование, каузативизация, контекстуализация, социализация, узнавание и понимание, лингвистическое, логико-интерактивное и мотивационное понимание, ассоциирование, узнавание, категоризация, вывод, смысловые замены, интерпретация и утилизация, уровни перевода, комментария и философско-исторического толкования

3. В субъектных теориях акцентируется, помимо процедур понимания, оценка реципиентом результатов понимания при помощи обратной связи в диалоге или обратной связи в монологе. **Объектом понимания** считается текст как след деятельности другого субъекта, текст как отражение ситуации, текст и диалог, художественный, научно-популярный и естественнонаучный текст, дискурс.

В качестве **основы** понимания выступают: фонд общих знаний и рефлексия, растягивание смысла, самооценка, ценности и логико-когнитивная система реципиента, определение цели сообщения, мыслительная деятельность.

Способ описания может быть эксплицирован в виде: познавательных процедур, процедуры создания информации о тексте, денотатного графа, анализа мотивации отбора речевых средств автором, постановки и решения мыслительной задачи.

Типология понимания представлена как семантизирующее, когнитивное и распредмечивающее понимание, понимание и объяснение, понимание-узнавание, понимание-гипотеза.

Как мы видим из приведенного обзора, диапазон исследований категории понимания достаточно большой по всем параметрам. По объекту все исследования можно считать исследованиями текста в самом широком смысле. По методологии и способам описания их можно отнести к разным отраслям знаний — семиотике, семиолинг-

вистике, формальной и содержательной логике, логической семантике, герменевтике, философии, психологии, лингводидактике, социолингвистике, разным областям прикладной лингвистики. Но, все-таки большая часть исследований текста на естественном языке выполнена в рамках формальной логики и логической семантики, нацеленных на разработку алгоритмов формализованного описания понимания языка и речи. Вместе с тем, мы здесь не обнаружили исследований терминов, хотя в каждой группе можно найти способы описания и типы понимания, которые успешно реализуются в лингвистическом, предпереводческом анализе термина в тексте. Сюда мы, например, отнесем практически все типы понимания из субъектно-объектных теорий (по Васильеву).

Подводя итоги по обзору, заметим, что в конце статьи Васильев делает ряд важных для нас выводов относительно параметров научного текста на естественном языке. Он его называет «гуманитарным». Он пишет: «В абсолютном большинстве рассмотренных теорий объектом описания является не специфицированный текст. Научный текст подвергается анализу в рамках фреймового подхода и в психологических концепциях, описывающих умозаключения при чтении (минимализм, конструктивизм и др.). Однако в этих подходах не определяется в качестве предмета понимание описаний и рассуждений в теоретических гуманитарных текстах. Не определено, что является основой понимания научного текста, взятого в названном ракурсе. Между тем, не всякий научный текст строится по жестким законам формальной логики. Во всяком случае, это не характерно для гуманитарного текста. Поэтому предстоит установить, что же (или какая логика) является этой основой.

Переходим к понятию «интерпретация». Как мы уже отмечали выше, «интерпретация», также как и «понимание» не представлена в словарях как самостоятельный лингвистический термин. В лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС) в словарной статье «интерпретирующая лингвистика» мы узнаем об интерпретирующем подходе в лингвистике в узком смысле (как одном из направлений порождающих грамматик) и в широком смысле — как направлении

в зарубежном теоретическом языкознании, получившем распространение под влиянием семиотики, теории интерпретации и литературоведения, «интерпретирующей семантики». В этой же статье мы находим лишь пояснение о том, что в интерпретирующей лингвистике нет устоявшихся определений таких терминов как «интерпретация» и «понимание» и, что разработка этих определений входит в программу исследований в рамках интерпретирующей лингвистики. Словарная статья заканчивается ссылкой на работу В. З. Демьянкова «Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике» [ЛЭС, 1990]. Таким образом, в рамках «интерпретирующего подхода» в лингвистике, развивающегося под влиянием идей теоретического программирования, под интерпретацией понимается один из режимов «восприятия», при котором происходит обращение к базам данных попутно со сканированием («чтением») текущего воспринимаемого выражения и с выполнением тех действий, которые явно или скрыто, описываются читаемым текстом [Демьянков, 1985].

Для иллюстрации семиологического подхода к явлению интерпретации приведем два определения Б. Рассела:

1. «Интерпретация состоит в нахождении возможно более точного значения для утверждения (этого) вида, когда мы больше уверены в его истинности, чем в его значении» [Рассел, 2001: 252].

2. «В логике наши формулы не рассматриваются как истинные или ложные, но как гипотезы, содержащие переменные величины. Совокупность тех значений переменных, которые делают гипотезу истинной, есть интерпретация» [там же: 258].

Оба определения носят формальный, строго логический характер, что придает им точность и однозначность. Особенно ярко это прослеживается при сравнении их с предыдущими описательными определениями «понимания». В естественном языке как системе нечетких множеств в отличие от математического языка нет однозначного понятия «истинный». Но в тоже время, мы можем извлечь из них ценные для нас признаки понятия «интерпретация», если в первом определении заменим слово «истинности» на слово «понимании», а во втором — слово «истинной» на слово «подтвержденной».

Для того, чтобы уточнить и ограничить понятие «интерпретация» применительно к задачам нашего исследования, снова вернемся к герменевтическому методу познания.

Интерпретация (от лат. *interpretation* — толкование), как основная процедура герменевтического анализа, представляет собой процесс раскрытия смыслов, заключенных в тексте. Причем, процесс этот носит творческий, свободный характер. Он предполагает множественность результатов интерпретации и поэтому сложно поддается формализации. В герменевтике существует два подхода к интерпретации текста. Первый — это реконструкция авторских смыслов. Второй — конструирования собственного смысла, в результате развертывания имманентной (субъективной) логики текста. Здесь нужно особо подчеркнуть, что реализация этих двух, казалось бы, противоречивых видов интерпретации происходит в ситуации перевода не только художественного, но и специального текста. Принцип совмещения объективного и субъективного постоянно прослеживается во всех видах перевода.

В терминах филологической герменевтики Г. И. Богина интерпретация — это высказанная рефлексия. При этом, он подчеркивает, что единственной наукой, поистине владеющей методологией интерпретации как некоторым целым и методиками интерпретации на предметных образцах, является филология (и лингвистика, и критическая практика, и риторика, и герменевтика, и опыт изучения литератур и проч.).

Итак, мы рассмотрели разные подходы к толкованию, определению и описанию процессов понимания и интерпретации, установили их многоаспектный, многоуровневый, междисциплинарный характер и выяснили, что ограничение значения этих слов будет зависеть от конкретных параметров объекта, предмета, цели и методов исследования. В нашем исследовании, а именно в понимании и интерпретации термина, мы будем опираться на общенаучное значение этих слов. На этапе понимания термина, мы будем устанавливать его значение как термина-слова, и определять объем и содержание обозначаемого термином-знаком понятия. В широком, общенаучном значении слово

«интерпретация» понимается как истолкование, объяснение, разъяснение смысла. Следовательно, на этапе интерпретации на нужно будет вскрыть предикацию термина, его прагматику. Отметим, что предложенная последовательность этих процедур достаточно условна, поскольку мы «понимаем, интерпретируя и интерпретируем, понимая».

И в заключении, принимая во внимание все вышеизложенное, кратко раскроем тезис «авторский термин: понимаю, интерпретирую, перевожу». Авторский термин — это такое специальное понятие (выраженное любой языковой структурой предикативного характера), за которой стоит собственно авторское понимание и собственно авторская интерпретация. Но не будем забывать, что мы моделируем понимание и интерпретацию термина не саму по себе, а как этапы предпереводческого анализа. Следовательно, на каждом этапе переводчик ставит себе определенные задачи:

- проведение лингвистического анализа языковой структуры,
- проведение логико-понятийного анализа и установление объема и содержания понятия,
- проведение контекстуального и дискурсивного анализа и вскрытие авторской прагматики термина,
- подбор языковой структуры в языке перевода, максимально соответствующей авторскому замыслу.

§3. С чего начинается перевод термина?

В этом разделе мы сознательно опускаем обзор теоретических основ перевода, объясняя это тем, что практикующие переводчики, преподаватели перевода и студенты-переводчики «наполнены и переполнены» фоновыми знаниями о переводческих моделях, концепциях, принципах и постулатах, стратегиях и тактиках, способах и приемах. А те, у кого нет этих специальных знаний, вряд ли смогут ими воспользоваться по той простой причине, что теория обычно не идет отдельно и впереди практики. Впрочем, при необходимости и те и другие всегда могут обратиться за справкой к многочисленным учебникам, пособиям и статьям. Попробуем смоделировать действия

переводчика в ситуации перевода специального текста таким образом, чтобы ей смог воспользоваться и лингвист, и будущий лингвист-переводчик и профессионал в той области, к которой относится текст, а также любой заинтересованный, имеющий среднее или высшее образование, который хочет стать «сам себе переводчиком».

Сначала, предваряя рассказ о переводе как о ментальном процессе, хотелось бы сделать несколько кратких замечаний. Замечания эти касаются понятия «переводческой ошибки», которая выступает в качестве буфера между теорией и практикой перевода с одной стороны и лингвистикой языка и речи с другой.

Начнем с постулата, который на сегодняшний день является отправной точкой всех исследований в области переводоведения: *перевод как прикладная лингвистическая деятельность опирается на знание языка как средства общения, т. е. владения языком-речью с одной стороны и на знание языка как системы, т. е. лингвистическое знание, с другой.* Задача переводчика осложняется тем, что уровень владения иностранным языком также напрямую обусловлен знанием языковой системы. Другими словами переводчик постоянно осуществляет переход от теории к практике и наоборот. Таким образом, на всех этапах переводческой деятельности мы обращаемся к лингвистике, условно называя ее теорией, а все наши переводческие преобразования и решения мы осуществляем в результате лингвистического анализа.

Попробуем подойти к понятию «**переводческая ошибка**» с самых общих прагматических позиций и представим, что ошибка это ситуация, которую хочется пересмотреть, посмотреть на принимаемое, или принятое переводческое решение с разных сторон, расширить выбор решений. Это то, что *хочется изменить* в тексте перевода, то, что *можно или нужно изменить*, а порой и то, что *нельзя*. В любом случае мы можем отметить, выделить какую-то часть текста, которую мы должны лингвистически проанализировать, понимая, что именно лингвистический анализ даст нам палитру выбора и тем самым обеспечит вариативность. Именно **вариативность** в переводе дает возможность увидеть ошибку и ее исправить.

Так что же нам предлагает современная лингвистика как средство «профилактики» и «лечения» переводческих ошибок?

Имеющиеся сегодня системы оценки качества перевода обычно выделяют ошибки по следующим категориям:

- 1) точность;
- 2) соответствие смыслу;
- 3) соответствие терминологии;
- 4) качество языка;
- 5) стиль;
- 6) соответствие этническим нормам.

Все эти категории напрямую связаны с соответствующими лингвистическими знаниями, теориями, методиками:

1. Точность

Выходит на первое место в переводе специальных текстов. В теории термина точность является отличительным семантическим признаком термина. Следовательно, точность перевода специальной лексики будет определяться знаниями в области лексической семантики грамматической семантики, теории термина, логики и стилистики. Актуальность приобретают такие методы лингвистического анализа, как денотативный, семный, понятийный, категориальный, контекстуальный, структурный, семиотический, трансформационный, полевой, лексикографический, дефиниционный, дистрибутивный, статистический.

2. Соответствие смыслу

Когнитивная категория смысла приведет нас в контрастивную лингвистику, контрастивную лексикологию, лингво-семиотику, лингво-культурологию, психолингвистику, социолингвистику. И в переводческом анализе мы будем ориентироваться на такие подходы, как: менталистский, когнитивный, теория смысла, коммуникативный, прагматический, функциональный, концептуальный, дискурсивный, контент — анализ.

3. Соответствие терминологии

Здесь мы будем опираться на общее и прикладное терминоведение, дефиниционный, логико-понятийный, категориальный, полевой анализ, словообразовательный и морфологический анализ.

4. Качество языка, стиль, соответствие этническим нормам

Все эти категории учитываются и описываются функциональной и сопоставительной лингвистикой, социолингвистикой, риторикой, этнолингвистикой, дискурс-анализом, прагматическим анализом.

Таким образом, методология современных лингвистических исследований расширяется, развивается и успешно служит опорой лингвистам-переводчикам, предлагая большое разнообразие теорий и методик, всегда обеспечивающих вариативность как гарантию качества на всех этапах перевода, начиная с предпереводческого анализа текста и заканчивая редактированием.

А сейчас мы переходим к «практическому» ответу на «практический» вопрос — «С чего начинается перевод авторского термина?». Перевод начинается с так называемого **предпереводческого анализа текста**, когда мы вспоминаем все что знаем о термине-знаке, термине-слове, термине в тексте и дискурсе чтобы проанализировать форму и содержание конкретных терминов в конкретных текстах. Цель предпереводческого анализа — провести стратификацию специальной лексики, установить все значения каждой лексической единицы и подобрать к ним переводные соответствия. Собственно перевод состоится, когда мы «впишем» переводной эквивалент в текст перевода.

Предпереводческий анализ текста включает следующие этапы:

1. Отбор и стратификация всех «потенциальных» терминов в тексте.
2. Лингвистический анализ языковой формы термина.
3. Дефиниционный (логико-понятийный и категориальный) анализ термина.
4. Поиск и подбор словарных переводных соответствий (контрастивный анализ).

Предпереводческий анализ текста будем иллюстрировать на английском материале. В качестве иллюстративного текстового материала мы взяли проект доклада директора Infoterm (International Informational Centre for Terminology) К. Galinski «*The work of today's TC/37 in the light of 'content interoperability' Standardisation as an issue of corpus planning taking eLearning as an example*». Доклад был заявлен и сделан на

18-м Европейском Симпозиуме «Язык для специальных целей» (The 18 European Symposium on Language for Special Purposes) в Перми, в августе 2011 года. Являясь содокладчиком, я должна была понять и перевести себе этот английский текст таким образом, чтобы узнать не столько значение и содержание всех терминов, сколько авторский подход, авторскую идею, авторский замысел. Опыт работы с текстом позволил смоделировать разные уровни и этапы «понимания» авторского термина. Нам нет необходимости обращаться ко всему тексту, который составляет более 20 страниц, поскольку мы ограничиваем анализ лексическим уровнем.

Итак, на первом этапе, методом сплошной выборки Вы отбираете все «потенциальные» термины, то есть такие языковые формы, за которыми стоят специальные в той или иной области понятия — понятия, предполагающие определение через другие специальные понятия той же области. Критерии выбора Вы устанавливаете сами, в зависимости от того, являетесь Вы специалистом в данной области, или нет. Другими словами Вы можете быть твердо уверены в специальном значении слова, или можете сомневаться. В случае неуверенности мы обычно обращаемся к словарю, или к специалисту. Но на этой стадии можно не проверять себя и включить в список потенциальных терминов все «подозреваемые» слова. Пусть этот список будет максимально полным. «Отфильтровать» его Вы всегда успеете.

Следующий шаг — распределение всех лексических единиц по группам:

1. Имена собственные и аббревиатуры.
2. Общонаучные термины.
3. Узкоспециальные термины.
4. Авторские термины

В нашем тексте термины распределились следующим образом.

1-я группа составила 80 лексических единиц:

Christian Galinski, Infoterm, Blanca Stella Giraldo Perez, TC/37, ICT, GA, LO, PwD, AAL, ISO/TC 37, VAN ISACKER, K. Miesenberger, ICCHP, Vienna, Austria, Berlin, New York, Springer, Heidelberg, ISBN, ISO/TC 37SC 3, ISO/IEC-JTC 1/SC 32, ISO/IEC-JTC 1/SC 36, ISO/TC

184, ISO/TC 46, WG 2 MetaData, ELRA, McEnery, Xiao R. & Tono Y., London, Routledge, USA, Japan, GPL, LL/LT, ISO/TC 37/SC 4, European Union, Lazzari, European Commission, Europe, China, Korea, India, ISO/TC 37 Business Plan 2011, DfA, ISO/DCR, ISO/CDB, IEC, Gruber, Thomas R., TMS, UML, ISO/TR, ISO/IEC, MDR, ISO/CS, LMF, ISO/TC 37/SC 3, NWI, OntoOp, ISO/IEC-JTC 1/SC 32/WG 2 MetaData, ISO/IEC 11179 MDR, W3C, ISO/IEC Guide 2, CEN, CENELEC, ETSI, CWA, Dixon, Beier, Tissot, CEPIS, Cedefop, SWEBOK, Brussels, Luxembourg, CLIL, IPR, Annex, Detlef Reineke.

Стратификацию специальной лексики удобно начинать с выделения имен собственных, которые легко идентифицируются по форме, а их перевод регламентирован определенными, известными переводчику правилами. Так, основными формальными способами перевода имен собственных являются транслитерация (побуквенная имитация слова) и транскрипция (пофонемная имитация слова). Надо сказать, что при всей простоте правил перевода имен собственных очень часто возникают трудности, связанные с расхождением систем орфографии и произношения в языках. Всем известны исторически сложившиеся расхождения написания и произношения в английском языке, которые привели к обилию непроносимых или проносимых в разных словах по-разному букв и буквосочетаний. «Ох уж эти непостижимые правила чтения!» Но, все-таки форма тем и отличается от содержания, что количество вариантов ее передачи конечно. Например, первое имя собственное в нашем списке **Christian Galinski** может иметь два варианта переводных соответствия — **Кристиан Галински (-ий)**.

В эту же группу к именам собственным мы добавляем аббревиатуры, поскольку они также легко узнаваемы и чаще всего автономны, то есть, не зависимы от контекста. Аббревиатуры, подобно фразеологизмам являются «готовыми», языковыми формами — то, что в английском очень точно называется «ready-made». Поэтому задача переводчика — найти их развернутую форму и закрепленное за ней переводное соответствие. Ничего «придумывать» здесь не требуется. Но требуется кропотливая работа со справочной литературой по по-

иску их развернутого варианта записи, их значения. Ну, а после того как Вы «расшифровали таинственные буквы» на исходном языке, Вы также можете столкнуться с выбором вариантов. Например, аббревиатура AAL имеет два значения: *Ambient assisted living* и *Association of Applied Linguistics*. А выбирая второе значение *Association of Applied Linguistics* как контекстуально обусловленное, мы должны будем выбрать из двух вариантов перевода — Ассоциация прикладной лингвистики, или Ассоциация по прикладной лингвистике.

2-я группа представлена общенаучной лексикой, которая выполняет функцию инструментального аппарата любой науки. В нее вошло 118 лексических единиц:

ISSUE, DRAFT, EXAMPLES, SCIENCE, RESOURCE, CONTENT, PRACTICES, METHODS, PLATFORMS, SYSTEM, PAPER, TO ARGUE, TO INVOLVE, SCHEMES, ASPECTS, MODELS, SCOPE, CERTIFICATION, OBJECTS, MEANS, SUBJECTS, GENERIC, MANAGEMENT, PROCEEDINGS, TITLE, INFORMATION, DUPLICATION, TO GUARANTEE, DIVERSITY, VOLUMES, TO INVESTIGATE, TO QUANTIFY, ENTRIES, DOMAINS, FIGURES, APPELLATIONS, CONCEPT REPRESENTATIONS, MODALITIES, HAPTIC/TACTILE SYMBOLS, DESIGNATIONS, NOMENCLATURES, REPOSITORIES, DEFICIENCIES, IMPAIRMENTS, WORKFLOW, VERIFICATION, VALIDATION, AVAILABILITY, MARKET, FOCUS, HUMAN INTELLIGENCE, HETEROGENEOUS, TO CONVERGE, DEMANDS, MESSAGES, PROTOCOLS, CONVERSIONS, RECOMMENDATION, TO ENDORSE, OVERVIEW, SUBDIVISION, PERSPECTIVE, CATEGORIES, DESIGN, CONCEPTUALISATION, CURRENCIES, REGISTRY, PRODUCT, NOTATION, DIRECTIVES, MILESTONE, HARMONIZATION, IMPLEMENTATION, TO SELECT, FEDERATION, GAPS, MODULARITY, TO AUGMENT, INTEGRATION, INITIATIVES, ADMINISTRATION, TO UPDATE, SUSTAINABILITY, COORDINATION, MULTITUDE, GRANULARITY, TO RE-PURPOSE, TO FORMULATE, PREVENTION, FACILITATION, CONSUMERS, PROCEDURE, DOCUMENTED ASSESSMENT, INTEGRATION, AUTOMATION, EVALUATION, ASSERTIONS, ATTESTATION,

CALCULATIONS, PROPERTIES, VALUES, COMPETENCES, CREDENTIALS, OCCUPATIONS, PROFILES, SEGMENTS, SELF-ACCREDITATION, OUTLOOK, EXTRACTION, INTERRELATION.

К общенаучным терминам, как мы видим, отнесены слова, которые используются в любом специальном тексте. Они несут методологическую смысловую нагрузку, и, может быть, поэтому среди них так много глаголов.

3-я группа включила 20 узкоспециальных терминов. Узкоспециальная проблематика текста обычно задается в его названии. Так и в нашем случае, границы специальной терминологии определили три слова из заголовка. Слово *Standardisation* адресует нас к терминологической деятельности, слово *corpus* — к корпусной лингвистике, и два слова в одном *eLearning* — к учебным *e'mail* технологиям. Таким образом, в эту группу вошли термины соответствующих терминологических полей:

STANDARDISATION, CORPUS, CONCEPT, ELEARNING, WEB-BASED, CONTENT, TERMINOLOGY, DATA MODELS, PLATFORM, RESOURCES, STANDARD, COMPUTER SCIENCE, DATAMODELS, USERS, DRAFT, METHODOLOGY, HARDWARE, SOFTWARE, EACCESSABILITY, EINCLUSION.

И, наконец, в **4-ю группу** авторских терминов мы включили 11 лексических единиц, значение которых переосмысливается по мере прочтения текста несколько раз:

- как лексическое значение общепотребительных слов и их словообразовательных элементов,
- как метафорическое значение,
- как специальное понятийное значение,
- как контекстуально обусловленное специальное значение,
- как авторская импликация.

В эту группу вошли следующие термины:

CONTENT INTEROPERABILITY, SEMANTIC INTEROPERABILITY, MULTILINGUALITY, MULTIMODALITY, ORGANIZATIONAL INTEROPERABILITY, SYNTACTIC INTEROPERABILITY, CONCEPTUAL INTEROPERABILITY,

PRAGMATIC INTEROPERABILITY, STRUCTURED CONTENT, REPURPOSABILITY, GLOBAL CONTENT INTEROPERABILITY.

На втором этапе Вы проводите лингвистический — морфологический и словообразовательный анализ общенаучных, специальных и авторских терминов. Специальные термины являются как бы концептуальным продолжением, концептуальным контекстом. Подчеркнем, что авторские термины Вы сможете выделить только после того как определите узкоспециальные. Именно словообразовательный и морфологический анализ терминов дает Вам возможность выйти на существенные и отличительные признаки специального понятия, которые проявлены в прямом и метафорическом лексическом значении основ и морфем, составляющих языковую форму термина. Здесь следует вспомнить, что языковая форма теснейшим образом связана с содержанием и, следовательно, целесообразно будет представлять результаты последующих трех этапов предпереводческого анализа вместе как логически связанную цепочку рассуждений. Рассмотрим несколько примеров поэтапного содержательного анализа терминов.

Посмотрим на примере термина STANDARDISATION, как словообразовательный морфологический анализ помогает нам раскрыть специальное понятие.

Морфологическая структура этого термина говорит нам о том, что слово дериват состоит из 3-х морфем: корневой — *Standard*, глагольной — *ise* и номинативной — *ation*.

— Лексическое значение корневой морфемы прозрачно — «стандарт».

— Морфема *-ize* образует от прилагательных (реже от существительных) глагол со значениями: 1) **приобретать такое-то свойство**: *materialize* 2) **придавать такое-то свойство**, обрабатывать с заданной целью *criticize, emphasize*. Здесь очень важно подчеркнуть, что многозначность любой лексической единицы для определения контекстуального значения и подбора переводного эквивалента требует выбора, а значит — логико-понятийного анализа. Но пока, в соответствии с двумя значениями морфемы *-ize* мы формулируем два значения глагола: 1 — приводить в соответствие со стандартом и 2 — разрабатывать стандарт.

— Морфема *-ation* образует существительные от глаголов (преимущественно с латинскими, французскими и греческими корнями) с категориальными значениями процесса или состояния. Соответственно, понятие *Standardisation* будет носить характер либо процесса, либо состояния. И мы, учитывая два значения глагольной основы *Standardize*, можем предложить два значения для существительного *Standardisation*: 1) процесс создания стандартов, 2) процесс разработки стандартов. В данном случае мы воспользовались категориальным логико-понятийным анализом.

После проведения словообразовательного анализа мы можем соотнести сформулированные значения со словарными переводными значениями. У слова *Standardisation* переводных соответствий три: *нормализация, стандартизация, проверка*. Два из них, в силу категориального значения русской морфемы *-ция*, подтверждают категориальное значение всего слова — *процесс*.

Таким образом, словообразовательный морфологический анализ, в сочетании с категориальным логико-понятийным анализом позволяет нам установить значение термина-слова, соотнести его со значением переводного эквивалента и в дальнейшем определить контекстуальное значение термина. В нашем тексте слово *Standardisation* встречается несколько раз и реализует оба значения. А в тексте перевода, мы имеем возможность варьировать языковой формой, обозначающей специальное понятие, используя не только переводные словарные соответствия, но и описательные переводные соответствия: *процесс стандартизации, процесс разработки стандартов, процесс нормализации и т. д.*

Переходим к следующим этапам анализа — логико-понятийному анализу и подбору словарных переводных соответствий.

Логико-понятийный анализ предполагает логический анализ словарных дефиниций терминов с целью установления родовидовых и содержательных признаков специального понятия. Он начинается с установления родового понятия. Категоризация понятия дает возможность раскрыть многозначность языковой формы и тем самым

подготовиться к выбору контекстуально обусловленного значения. Подчеркнем, что многозначность формы сокращается по мере ее терминологизации. Наибольшей многозначностью обладают общенаучные термины, в то время как авторские термины обычно отсутствуют в словарях.

Непременным условием дефиниционного анализа является работа с языком текста оригинала. Дефиниция на исходном языке раскроет объем и содержание понятия. А переводное словарное соответствие предлагает нам только «значок», обозначающий понятие, но не само понятие. Для того чтобы осуществить полноценный перевод, например с английского, переводчик пользуется 4-мя типами словарей — англо-английским, англо-русским, русско-русским и русско-английским. Если мы переводим с иностранного языка, то семантику слова мы должны увидеть в одноязычном толковом словаре иностранного языка. В нашем случае — это английский язык и наша задача «понять» все значения многозначного слова, с тем, чтобы затем соотнести их со значениями, стоящими за переводными словарными соответствиями. Мы вычленим и различаем разные значения слова, сравнивая их по объему понятия, то есть по родовому понятию. Приведем несколько примеров логико-понятийного родовидового анализа словарных дефиниций общенаучных и узкоспециальных терминов (родовые понятия выделены жирным шрифтом):

Science = the systematic **study** of the nature and behavior of the material and physical universe, based on observation, experiment, and measurement, and the formulation of laws to describe these facts in general terms; **the knowledge** so obtained or the practice of obtaining it; **any body of knowledge** organized in a systematic manner; **skill or technique**

Resource = Something that can be used **for support or help**; An available **supply** that can be drawn on when needed; **The ability** to deal with a difficult or troublesome situation effectively; **Means** that can be used to cope with a difficult situation

Practice + s; practice = a usual or customary **action or proceeding**; **repetition or exercise** of an activity in order to achieve mastery and fluency; **the exercise of a profession**; a customary **way of operation or behavior**

Method + s; method = A means or manner of procedure , especially a regular and systematic way of accomplishing something; Orderly arrangement of parts or steps to accomplish an end; The procedures and techniques characteristic of a particular discipline or field of knowledge
System = a group or combination of interrelated, interdependent, or interacting elements forming a collective entity; a methodical or coordinated assemblage of parts, facts, concepts, etc; any scheme of classification or arrangement; a network of communications , transportation, or distribution; a method or complex of methods;
Scheme + s; scheme = A systematic plan of action ; An orderly combination of related parts ; A chart, diagram, or outline of a system or object
Terminology = The vocabulary of technical terms used in a particular field, subject, science, or art; nomenclature ; the science of classification
Concept (an idea of how smth is, or how smth should be done; and idea or mental image which corresponds to some distinct entity or class of entities , or to its essential features or determines the application of a term (especially a predicate) and thus plays a part in the use of reasons or language) — TT
Content (pleased with your situation and not hoping for change or improvement; the ideas, facts, or opinions that are contained in a speech, piece of writing, film, programme etc; the information contained in a website, considered separately from the software that makes the website work) — TT
Platform (a flat raised area or structure ; structure a tall structure built so that people can stand or work above the surrounding area; computers he type of computer system or software that someone uses) — TT
Standard (a level of quality ; accepted as normal or usual; the standard form of a language is the one considered to be correct and is used by most people)

После определения объема и содержания специального понятия или понятий, стоящих за термином-знаком мы будем соотносить эти понятия с понятиями, стоящими за переводными словарными соответствиями в языке перевода. Подбор переводных словарных соответствий — это самостоятельный этап процесса «понимания». Как мы знаем, семантическая структура английских слов никогда не совпадает с семантической структурой русских слов, и нам бывает трудно соот-

нести словарные статьи одного и то же слова в одноязычном и переводном словаре, как по количеству значений, так и по содержанию:

Corpus — <i>technical</i> : a large collection of written or spoken language that is used for studying the language.	корпус (текстов), электронный ресурс, свод (законов), собрание, туловище.
Standard — a level of quality, accepted as normal or usual; the standard form of a language is the one considered to be correct and is used by most people.	(языковой) стандарт, (языковая) норма, эталон, образец, норма.
management — The act, manner, or practice of managing; handling, supervision, or control; the skillful or resourceful use of materials, time, etc	Управление; руководство; регулирование; распоряжение; руководящий состав; умение справляться; умение владеть
Issue = a topic of interest or discussion; an important subject requiring a decision; an outcome or consequence; result	Вопрос; проблема; разногласие; спорный вопрос; предмет спора; научная проблема

Соотнести содержание английских слов с содержанием их переводных эквивалентов нам поможет контрастивный анализ⁹.

Отталкиваясь от цели контрастивной лексикологии — сопоставительного соответствия переводных соответствий двух языков (родного и изучаемого) для выявления их сходств и различий, попробуем адаптировать контрастивный подход к семантике специальной лексики и сопоставить русские и английские специальные понятия с тем, чтобы выявить понятия, пересекающиеся в своих признаках. Для иллюстрации нам нужны слова с широкой семантикой. В нашем тексте — это общенаучные термины. Подавляющее большинство этих терминов многозначны и в толковых англо-английских словарях мы находим все их значения, чтобы соотнести со словарными переводными соответствиями из англо-русских словарей. Все собранные

⁹ Создание нового направления в сопоставительной лингвистике — контрастивной лингвистики и контрастивной лексикологии принадлежит Иосифу Абрамовичу Стернину [Стернин, 2007, Стернин и Чубур, 2006].

из словарей значения и все найденные в переводных словарях переводные соответствия представлены в следующей таблице:

<i>Общенаучные термины</i>	<i>Толкование на английском языке</i>	<i>Словарные переводные соответствия</i>
ISSUE	Issue = a topic of interest or discussion; an important subject requiring a decision; an outcome or consequence; result	Вопрос; проблема; разногласие; спорный вопрос; предмет спора; научная проблема
DRAFT	Draft = a plan, sketch, or drawing of something; a preliminary outline of a book, speech, etc;	Проект; черновик; набросок; эскиз; план
EXAMPLES	Example = an item of information that is typical of a class or group; a representative form or pattern; a task performed or problem solved in order to develop skill or understanding	Примеры; образцы; экзemplяры; уроки; характерные примеры; аналогичные случаи
SCIENCE	Science = the systematic study of the nature and behavior of the material and physical universe, based on observation, experiment, and measurement, and the formulation of laws to describe these facts in general terms; the knowledge so obtained or the practice of obtaining it; any body of knowledge organized in a systematic manner; skill or technique	Наука; естественные науки; знание; умение; отрасль знания; экспериментальные науки
RESOURCE	Resource = Something that can be used for support or help; An available supply that can be drawn on when needed; The ability to deal with a difficult or troublesome situation effectively; Means that can be used to cope with a difficult situation	Ресурс; средство; запас; возможность; способ

<i>Общенаучные термины</i>	<i>Толкование на английском языке</i>	<i>Словарные переводные соответствия</i>
CONTENT	Content = The substantive or meaningful part	Содержание; суть; сущность; наличие
PRACTICES	Practice + s; practice = a usual or customary action or proceeding; repetition or exercise of an activity in order to achieve mastery and fluency; the exercise of a profession; a customary way of operation or behavior	Практика; опыт; деятельность; применения; умения; осуществление на практике
METHODS	Method + s; method = A means or manner of procedure, especially a regular and systematic way of accomplishing something; Orderly arrangement of parts or steps to accomplish an end; The procedures and techniques characteristic of a particular discipline or field of knowledge	Метод; способ; методика; прием; система; классификация
PLATFORMS	Platform + s; platform = The basic technology of a computer system's hardware and software, defining how a computer is operated and determining what other kinds of software can be used	Основные положения; основные технологии аппаратной компьютерной системы и программного обеспечения, определяющие работу компьютера и способы эксплуатации других видов программного обеспечения
SYSTEM	System = a group or combination of interrelated, interdependent, or interacting elements forming a collective entity; a methodical or coordinated assemblage of parts, facts, concepts, etc; any scheme of classification or arrangement; a network of communications, transportation, or distribution; a method or complex of methods;	Система; устройство; сеть; метод; способ; вычислительная система

<i>Общенаучные термины</i>	<i>Толкование на английском языке</i>	<i>Словарные переводные соответствия</i>
PAPER	Paper = a formal written composition often designed for publication and often intended to be read aloud	Бумага; документ; статья; газета; лист; меморандум; ценные бумаги; диссертация; научный доклад; письменная работа; текст; исследование
TO ARGUE	To argue = To put forth reasons for or against; debate; to discuss; To give evidence of; indicate	Утверждать; спорить; доказывать; аргументировать; обсуждать; заявлять; приводить доводы
TO INVOLVE	To involve = To contain as a part; include; To have as a necessary feature or consequence; entail; To engage as a participant; embroil; To influence or affect; To occupy or engage the interest of; To make complex or intricate; complicate; To wrap; envelop	Вовлекать; включать в себя; предполагать; затрагивать; подразумевать; повлечь за собой; возводить в степень
SCHEMES	Scheme + s; scheme = A systematic plan of action; An orderly combination of related parts; A chart, diagram, or outline of a system or object	Схемы; системы; планы; программы; проекты; чертежи; диаграммы; задания
ASPECTS	Aspect + s; aspect = appearance to the eye; visual effect; a distinct feature or element in a problem, situation, etc; the way in which a problem, idea, etc., may be considered;	Аспекты; стороны; моменты; виды; взгляды; точки зрения; перспективы
SCOPE	Scope = enclosing context where values and expressions are associated	Сфера; масштаб; объем; возможности; размах; диапазон; сфера применения, содержание; цель; смысл; компетенция; намерение

<i>Общенаучные термины</i>	<i>Толкование на английском языке</i>	<i>Словарные переводные соответствия</i>
CERTIFICATION	Certification (Noun) = confirmation that some fact or statement is true through the use of documentary evidence; a document attesting to the truth of certain stated facts; Certificate = an official document attesting the truth of the facts stated, as of birth, marital status, death, health, completion of an academic course, ability to practice a profession, etc	Сертификация; свидетельство; утверждение; легализация
OBJECTS	Object + s = A discrete item that can be selected and maneuvered, such as an onscreen graphic. In object-oriented programming, objects include data and the procedures necessary to operate on that data	Объекты; предметы; цели; вещи; дополнения; конечные цели
MEANS	Means = A method, a course of action, or an instrument by which an act can be accomplished or an end achieved	Средства; способы; возможности; методы; состояния
SUBJECTS	Subject + s = One concerning which something is said or done; A course or area of study; A basis for action; a cause	Предметы; темы; вопросы; причины; главные темы
MANAGEMENT	Management = The act, manner, or practice of managing; handling, supervision, or control; the skillful or resourceful use of materials, time, etc	Управление; руководство; регулирование; распоряжение; руководящий состав; умение справляться; умение владеть
TITLE	Title = Something that provides a basis for or justifies a claim	Название; наименование; раздел; заголовок

Для проведения контрастивного анализа нам будет необходимо в каждом значении выделить не только родовидовые, но и существенные отличительные признаки понятия с тем, чтобы соотнести их с содержательными признаками переводных соответствий. Покажем процедуру контрастивного анализа на примере первого в списке общенаучных терминов.

У слова **ISSUE** мы находим 4 значения:

- 1) a topic of interest or discussion;
- 2) an important subject requiring a decision;
- 3) an outcome or consequence;
- 4) result.

Каждое из значений мы разбиваем на признаки (семы):

- Первое значение — на 3: *topic — interest — discussion*.
- Второе — на 4: *important — subject — requiring — decision*.
- Третье — на два: *outcome — consequence*.

Всего английских сем получилось 10: *topic, interest, discussion, important, subject, requiring, decision, outcome, consequence, result*.

Затем мы вычленим признаки в словарных переводных соответствиях и их получилось — 6: *вопрос, проблема, разногласие, предмет, спор, научная*. После этого попробуем соотнести английские и русские признаки и выявить перекрещивающиеся и не перекрещивающиеся.

К перекрещивающимся мы отнесли: *вопрос — topic, subject, проблема — requiring, decision, discussion, научная — discussion, спор — requiring, decision, предмет — subject, разногласие — discussion*.

Не перекрещивающимися (не соотнесенными, не отраженными в переводных соответствиях) оказались 5 английских сем: *outcome, consequence, result, interest, important*. Из чего мы можем заключить, что семантика слова **ISSUE** шире той, которая отражена в переводных эквивалентах. И при установлении контекстуального значения термина **ISSUE**, а затем при поиске переводных эквивалентов для этого термина в тексте переводы, мы сможем учесть эти дополнительные, отличительные 5 признаков.

Таким образом, перевод термина в тексте начинается с предпереводческого анализа текста, который предполагает стратификацию

лексики в тексте, последовательное проведение лингвистического (словообразовательного, морфологического) и логико-понятийного (дефиниционного родовидового, категориального, контрастивного) анализа всех терминов.

§4. Каким образом мы воспринимаем, интерпретируем и переводим авторский термин?

Теперь мы можем проследить, каким образом происходит вычленение и понимание и перевод авторского термина. В роли текстового материала выступит заголовок. Мы будем рассматривать авторский термин на трех этапах процесса понимания: восприятия, интерпретации и перевода. Гипотетически можно предположить, что последовательное рассмотрение семантизации термина на каждом этапе даст также возможность уточнить само понятие «авторский термин». Кратко остановимся на этих категориях *восприятия, интерпретации, перевода* и ограничим их значение нашей лингвистической ситуацией.

В психологии «восприятие» трактуется как процесс порождения перцептивного образа [Морева, 2007]. В психолингвистике «**восприятие**» обычно трактуется также достаточно широко — как образное восприятие, основывающееся на наших ощущениях от того, что мы видим и слышим. Поэтому в когнитивных исследованиях часто встречаются такие сопутствующие термины как перцептивный образ, наглядно-чувственный образ, образный концепт и т. п. Термин восприятие активно используется в когнитивной лингвистике, где его определяют как основу познания и ставят первым элементом в так называемой «когнитивной цепочке: восприятие–сознание–концептуализация–категоризация–репрезентация–язык» [Лаенко 2010: 94]. Все элементы данной цепочки являются базовыми, абстрактными категориями и относят нас к ментальным процессам. Из перечисленных в цепочке этапов познания нас интересует восприятие и категоризация, поскольку они непосредственно связаны с процессом понимания терминов.

Проблему восприятия в профессиональном дискурсе часто связывают с пониманием как переходом от образного восприятия к понятий-

ному [Харченко 2011]. При этом следует отметить, что исследования этапов познания носят обычно общий, описательный характер. Вывод, который делает Е. В. Харченко в своем исследовании «Восприятие и понимание в профессиональном общении» сводится к тому, что основные проблемы восприятия и понимания в профессиональном дискурсе связаны с наличием или отсутствием общности образа мира. А сама проблема восприятия и понимания в профессиональном общении является важной и нуждается в последовательном и всестороннем изучении, в том числе и с привлечением экспериментальных данных. Поэтому в данном исследовании мы предлагаем конкретизировать восприятие до восприятия лингвистической формы термина в научном дискурсе.

Наше восприятие термина лингвистически обусловлено и базируется на **мотивированности** его лингвистической формы. При этом, мотивированность может быть трех видов:

- 1) **лексическая** мотивированность, например термин *словообразование*, значение которого просматривается в лексическом значении его составляющих: *образования слов*;
- 2) **категориальная** мотивированность, когда общее категориальное значение заложено в его морфологической структуре, например значение *процесс* или *результат* в лексико-грамматическом значении деривативной морфемы *-ие*;
- 3) **понятийная** мотивированность, этого же термина просматривается в специальном понятии, которое стоит за термином «словообразование» — *раздел лексикологии*.

Интерпретация термина-знака предполагает определение объема специального понятия и его содержания, то есть раскрытие существенных и отличительных признаков понятия, обозначенного термином. Интерпретация термина требует контекстуального анализа, то есть соотнесения термина с другими терминами в тексте. Таким образом, на этапе **восприятия** термина мы ставим себе задачу «прочтения» его лексической формы и проводим семантический анализ слова в его прямом неспециальном значении. На этапе **интерпретации** термина мы будем проводить категориальный анализ специального понятия, чтобы определить его объем и содержание.

И, наконец, этап **перевода**. В современном переводоведении проблемы переводческого понимания рассматриваются обычно в рамках внутренних речемыслительных механизмов, центральным из которых является механизм понимания исходного текста. Формирование данного механизма в практике перевода отрабатывается на так называемом «предпереводческом» анализе, который включает разные уровни языка и текста. В нашей ситуации мы ограничимся лексическим уровнем и будем рассматривать предпереводческий анализ термина как «примерку» эквивалента, вариантного соответствия или лексической трансформации. Термины «эквивалент», «вариантное соответствие» и «лексическая трансформация» мы заимствуем из классической теории лексических трансформаций Я. И. Рецкера и используем их в том значении, которое им дал автор. Под *эквивалентом* понимается единственное, независимое от контекста словарное соответствие. Выбор *вариантного соответствия* зависит от контекста, поскольку отражает значение термина частично, с разной степенью точности. *Лексические трансформации* предполагают преобразование формы с частичной, или полной заменой внутренней формы слова (образа образом) [Рецкер, 2011].

Перейдем непосредственно к анализу термина на этапах восприятия и интерпретации. В качестве языкового материала исследования были использованы несколько наиболее ярких тем докладов 18-го европейского симпозиума «Языки для специальных целей» — **The 18 European Symposium on Language for Special Purposes (LSP):**

- Prof. Sergiusz Grinev-Griniewicz, chairman of the TK — 55 «Terminology», Moscow Humanities Pedagogical Institute, Russia, University of Bialystok, Poland. **Terminological Aspects of Language Policy**
- Prof. Dr. Elena Bekisheva, Samara Medical University, Russia. **History and Development of Russian Medical Terminology Science**
- Prof. Elena Chiochetti, Institute of Specialised Communicationg and Multilingualism European Academy of Bolsano (EURAC), Italy. **Multilingual Communication in South Tyrolean Businesses**

- Prof. Gerhard Budin, University of Vienna, Austria. **Designing and Implementing Strategies of Global, Multilingual «Disaster Communication»**
- Prof. Johan Myking, Department of Linguistics, Literature and Aesthetic Studies University of Bergen, Norway. **Parameters of Special Language Planning**
- Prof. Dr. Larissa Alekseeva, Perm State University, Russia. **Knowledge Representation and Translation Process**
- Prof. Anna Glazyrina, Ural State Pedagogical University, Russia. **English Contactemes in Russian Computer Sublanguage**
- Prof. Dr. Ludmyla Kouchnina, Universite technique d'Etat de Perm, Russie. **Traduction et Harmonie: concepts de base de la communication professionnelle interculturelle**
- Prof. Dr. Kathen Quattous, Applied Science Private University — Amman, Jordan. **«Planning». A Thinking Ability Serving Industrial Culture of Work in ESP**
- Prof. Harun Serpil, Anadolu University, School of Foreign Languages, Turkey. **Better Communication in the Air**
- Prof. Birthe Toft, Institute of Business Communicationg and Informationg Science University of Southern Denmark, Kolding. **Term Quality and Language Efficiency at the Basic Level of Concepts**
- **«Language policy and LSP planning»**
- Ass. Prof. Viktor Smith. Ass. Prof. Henrik Selsoe Sorensen, Denmark. **«When cognitive sciences meet real life: Decoding the semiotic cocktail of food labels from a fairness perspective»**
- Dr. Christian Galinski, Director of Infoterm. **«The work of today's TC/37 in the light of 'semantic interoperability'. Standardisation as an issue of corpus planning»**

На первом этапе, на этапе восприятия прямого, закреплённого за терминами и словами вне контекста лексического специального и неспециального понятия, все темы были условно разделены на два типа: **описательные**, состоящие только из номинаций и **предикативные**, в которых вербально выражено отношение автора к номинациям.

Так, примерами описательных тем являются первые три темы из представленных выше: **Terminological Aspects of Language Policy; History and Development of Russian Medical Terminology Science; Multilingual Communication in South Tyrolean Businesses**. Как мы можем предположить, в этих темах вполне определенно, однозначно заданы понятия, о которых пойдет речь в докладе.

Остальные темы мы рассматриваем как предикативные. Предикативность темы это специфика научной речи, связанная с компрессией, «сжатием» содержания текста и использованием номинативных структур для «свертки» расширенного текста. Особенно ярко предикативность просматривается в заголовках научных текстов. В качестве лексических средств «сворачивания» содержания и выражения предикативности используются краткие причастия, краткие прилагательные, отглагольные существительные и сами глаголы. На синтаксическом уровне таким средством служат атрибутивные фразы, эллиптические структуры, пунктуационные средства. С точки зрения тема-рематических отношений в заголовке всегда есть субъект (то, что уже известно всем), и предикат (то новое и неизвестное, что сообщается автором о субъекте). За предикатом в научном заголовке всегда будет стоять специальное понятие. Следовательно, предикативность заголовка эксплицитно или имплицитно отражена в терминах. Интересно отметить, что большая часть тем, предложенных на симпозиуме, носили номинативный характер. Предикативных заголовков гораздо меньше. Предикативный характер в основном несут темы пленарных докладов.

Рассмотрев каждую из предикативных тем как тезис, то есть утверждение многоаспектного, многозначного, противоречивого характера, мы отобрали слова-термины (ниже они выделены жирным шрифтом), которые несут эту предикативную нагрузку. Именно предикативность легла в основу отбора авторских терминов:

- **Designing and Implementing Strategies of Global, Multilingual «Disaster Communication».**
- **Knowledge Representation** and Translation Process.
- English **Contactemes** in Russian Computer Sublanguage.

- Traduction et **Harmonie**: concepts de base de la communication professionnelle interculturelle.
- «Planning. **A Thinking Ability** Serving Industrial Culture of Work in ESP».
- **Language policy** and LSP planning.
- «When cognitive sciences meet real life: Decoding the **semiotic cocktail** of food labels from a fairness perspective».
- «Code Switching **Supervisory Discourse**».
- «**Better communication in the air**»
- The work of today's TC/37 in the light of 'semantic interoperability'. Standardization as an issue of corpus planning.

Перейдем непосредственно к восприятию авторских терминов. Начнем с терминов, восприятие которых определяется их мотивированностью.

1. Самым ярким примером морфологической мотивированности авторского термина нам послужит термин *Contactemes* в заголовке «English Contactemes in Russian Computer Sublanguage». Лексическое, лексико-грамматическое значение деривативной морфемы «eme» и словообразовательная модель этого слова позволяют установить категориальное значение термина как «минимальной единицы компьютерного подязыка». При этом корневая морфема *contact* не являясь специальной, не дает возможности определить содержание понятия и его место в соответствующей системе понятий, вне авторского текста. Следовательно, для интерпретации термина нам нужно перейти к контекстуальному уровню анализа.

2. Не менее выразительной представляется лексическое значение слова *cocktail* в заголовке «When cognitive sciences meet real life: Decoding the semiotic cocktail of food labels from a fairness perspective». На этапе первичного восприятия авторского термина *semiotic cocktail* мы опираемся на метафорическое значение «коктейль» и тем самым понимаем весь термин как «семиотический коктейль». Дальнейшая концептуализация термина также требует контекстуального понятийного анализа.

3. Очевидно предположить, что наше восприятие термина *Harmonie* также будет опираться на метафорический и метонимиче-

ский характер лексического значения слова «гармония», но содержание специального понятия мы сможем установить из контекста.

4. Отдельно следует остановиться на терминах, за которыми стоят слова с широким абстрактным значением: *Designing and Implementing Strategies*; *Knowledge Representation*; *Language policy*. Эти слова можно отнести к общенаучным терминам, которые мы понимаем в силу их понятийной мотивированности, закрепленной в научном дискурсе. Вместе с тем, они приобретают специальный концептуальный характер, поскольку соотнесены в заголовке с системами специальных понятий. Так, понятие *Designing and Implementing Strategies* сужается и конкретизируется понятием *Global, Multilingual Communication* и тем самым включено в терминосистему «глобальной, многоязычной коммуникации». Термин *Knowledge Representation* внесен в контекст «Translation Process», что предполагает его связь с теорией перевода. Понятие *Language policy* соотносится с понятием *LSP planning*, а, следовательно, включается в сетку понятий ЯСЦ.

Таким образом, в тексте заголовка на первом этапе «прочтения» мотивированного авторского термина, мы можем провести категориальный анализ и установить объем понятия, стоящего за ним. Для определения его содержания нам необходимо обратиться к контексту. Если мы вспомним, что заголовок по своей содержательно-смысловой функции представляет собой свернутый текст и учтем логику тезисного построения научного текста¹, то можем попытаться «развернуть» предикативность заголовка, обратившись к первым абзацам текста доклада. Проследим текстовую развертку заголовочных предикаций на следующих примерах.

А) Kathen Quattous в первом абзаце своего доклада «Parameters of Special Language Planning» ограничивает объем понятия «Planning», определяя его через понятие 'management': «this lecture I will discuss five parameters of terminology & LSP planning on the basis of the following statement: «*Language can always be exposed to 'management'*»». А в следующем абзаце уточняет понятие «Parameters», перечисляя их:

- Parallel language use
- Horizontal vs. vertical specialisation

- Convention and subversion
- Indeterminacy.

Б) Раскрытие понятия «*Supervisory Discourse*» в заголовке «Code Switching Supervisory Discourse» мы находим в первых строках текста: «As the literature suggests, practicum or teaching practice is a process in which student teachers are required to teach actual students in real classrooms out pre and post-observation conferences with the *supervisors offer suggestions to student teachers*, guide and evaluate their teaching».

В) В заголовке «*Better communication in the air*» лексическое значение слова *better* в сочетании с общенаучным понятием *communication* и метонимическим «в воздухе, то есть в самолете» контекстуально прочитывается в значении «смысловая нагрузка на произношение в данном специальном подязыке». Контекстуальное значение устанавливается после знакомства с текстом аннотации: «This study investigates the possible causes of **miscommunication between pilots and air traffic controllers** by analyzing pronunciation, L1 indifference, use of non-standard vocabulary variables. The purpose of this study is to help aviation LSP instructors apply this knowledge to their teaching and the development of materials».

Г) В заголовке «The work of today's TC/37 in the light of '*semantic interoperability*'». Standardization as an issue of corpus planning taking elearning as an example» слова, выделенные курсивом в буквальном значении имеют очень широкую семантику. Для того чтобы установить объем и содержание всего термина, нам придется обратиться к его составляющим *semantic* и *interoperability*. В тексте доклада понятие «*semantic*» сужается и структурируется до концептуального значения трех уровней — *синтаксического, концептуального и прагматического*. «Over the last 10 years the limitations of *semantic interoperability* under a computer science perspective have become obvious. Further to technical (i.e. hardware- and software-related) and organizational interoperability, semantic *interoperability should comprise syntactic, conceptual and pragmatic interoperability*. Слово «*interoperability*» семантизируется только после концептуального анализа используемого в тексте словосочетания *content interoperability*. В тексте доклада сначала ограни-

чиваются признаки (выделим их в тексте жирным курсивом) понятия «*content*»: «*content interoperability is the capability of content items (i.e. structured content at the level of lexical semantics) to be:*

- *integrated* into or *combined with other* (types of) content items;
- extensively *re-used for other purposes* (including sub-items to be re-purposable);
- *searchable, retrievable, re-combinable* from different points-of-view».

«*Content*» here is seen as *structured content* at the level of lexical semantics comprising linguistic and non-linguistic representations of concepts or «objects» (incl. concepts understood as «immaterial objects»). И только после раскрытия понятия *content* мы можем предположить, что за словом *interoperability* стоят такие признаки-отношения как *integrated, combined with other items, re-used for other purposes, searchable, retrievable, re-combinable*.

Интересным в этом же тексте также представляется авторское уточнение термина *standardization*: «*Standardization is an activity for establishing, with regard to actual or potential problems, provisions for common and repeated use, aimed at the achievement of the optimum degree of order in a given context. In particular, the activity consists of the processes of formulating, issuing and implementing standards*»

Таким образом, на этапе восприятия авторского термина, мы проводим его морфологический, лексико-семантический и категориальный анализ, а на этапе интерпретации — контекстуальный. Морфологический, семантический, категориальный, понятийный и концептуальный анализ авторского термина дают возможность вскрыть его предикативный характер.

Перейдем к завершающему этапу «понимания» авторского термина и рассмотрим алгоритм примерки переводного эквивалента на примере рассмотренного выше термина '*semantic interoperability*'. Первым шагом примерки будет поиск русских морфемных и лексемных соответствий.

Морфемные соответствия:

- *Inter* — взаимно, меж
- *oper* — действие

- *ate* — действовать
- *able* — способный выполнять какое-либо действие
- *ity* — состояние или условие

Лексемные соответствия:

- *content* — содержание, оглавление, структура;
- *operate* — работать, управлять, оказывать влияние, разрабатывать.

Второй шаг — выбор соответствий к каждой морфеме и лексеме. Однако, формальный выбор, без обращения к тексту невозможен. Даже, казалось бы единственное подходящее по смыслу соответствие лексемы *content* — содержание не может служить переводным эквивалентом без учета ограничения этого термина автором как *structural content*. Поскольку вариантного соответствия нет, переходим к трансформациям.

Третий шаг — подбор переводного эквивалента через преобразование лингвистической формы. Чтобы найти в русском языке эквивалентную специальному понятию форму нам нужно представить полный набор признаков понятия, который будет складываться из всех морфемных и лексемных значений:

- **возможность, взаимодействие, управление, разработка, структура, содержание.**

Учитывая коммуникативные и стилистические параметры текста, мы добавляем два слова-признака:

- **исследование, система.**

Таким образом, в качестве предварительного варианта можно предложить следующий перевод авторского термина *semantic interoperability*: **исследование возможного взаимодействия структур и систем контента.**

Моделируя процесс «понимания» авторского термина, мы пришли к следующим выводам:

1. Таки образом, авторский термин отличается в плане содержания своей концептуальной нагрузкой, многозначностью и предикативностью, а в плане выражения — морфологической, лексической, категориальной мотивированностью.

2. Процесс понимания авторского термина осуществляется на трех уровнях: образное мышление, категоризация, концептуализация. Семантизация авторского термина рассматривается на трех этапах: восприятие, интерпретация, перевод.
3. На этапе восприятия мы прочитываем авторский термин, фиксируя прямое лексическое значение морфем и лексем его составляющих. Анализ лексико-грамматической формы термина-знака позволяет вскрыть его лексическую, категориальную и понятийную мотивированность.
4. На этапе интерпретации мы обращаемся к контекстуальному значению, которое ограничивает объем и содержание специального понятия.
5. Перевод авторского термина как поиск лингвистической формы для специального понятия, в другом языке становится обобщающим, завершающим и определяющим шагом в процессе понимания термина, поскольку поиск переводных соответствий и проведение переводческих трансформаций происходит на всех уровнях языка и речи: морфологическом, лексическом, синтагматическом, парадигматическом и прагматическом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистика, вобравшая в себя понятийный аппарат самых разных точных и естественных наук, начинается с фундаментального университетского образования, которое обеспечивает сегодня достаточно высокий уровень владения новыми информационными технологиями. И любая обработка информации на естественном языке требует лингвистического знания, знания законов языка и речи. Всякий раз, когда мы читаем, слушаем, переводим научную речь, убеждаемся в том, что язык как знаковая система и знание как структурированная специальная информация взаимодействуют по законам лингвистической формы и содержания. Посредником же в этом взаимодействии выступает термин, который совмещает в себе лингвистическую форму и специальное знание. Следовательно, лингвисты, лингвисты-переводчики, лингвисты-терминологи, лингвисты-лексикографы обеспечивают это взаимодействие, разрабатывая средства и способы представления специального знания. Таким образом, комплексный лингвистический анализ терминологии и логико-понятийные анализ терминосистемы позволяют моделировать научное знание и описывать его в разных прикладных целях.

В моделировании терминологии (языковой формы термина) традиционно задействуются собственно лингвистические методы анализа — словообразовательный, морфологический, лексико-грамматический, семантический. В моделировании терминосистемы предлагается использовать дефиниционный и категориальный анализ. Так, например, категориальный анализ в лексикографическом дискурсе может проводиться в трех прикладных целях:

- 1) с целью отбора терминов в словарь;
- 2) с целью формирования базовой терминологии;
- 3) с целью установления переводных словарных соответствий.

Термин-знак совмещает в себе и реализует два начала — образное и логическое. Логическая природа термина отображена в структуре лингвистического знака. Обобщение структурных моделей семантической структуры слова дает возможность проследить варианты структурных моделей семантики термина, начиная с дуальной: ТЕРМИН — ПОНЯТИЕ и до пятикомпонентной: ТЕРМИН — ПОНЯТИЕ — РЕФЕРЕНТ — ДЕФИНИЦИЯ — ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ. При этом наращивание структуры обусловлено попыткой совместить логическую функцию и дискурсивную функцию термина-знака. Но какую бы модель мы не взяли, центральным элементом семантической структуры термина-знака остается *понятие*.

Следовательно, семантика термина начинается с раскрытия структуры и функции логической категории понятия. Для этого понятие рассматривается как одна из основных форм мышления. Но, кроме этого, понятие является основной минимальной единицей знания. Это знание о предмете, явлении, о классе предметов и явлений, о месте и отношениях внутри системы понятий, т. е. понятие, выступает и как единица человеческого знания о внешнем мире, и как форма смысловой информации. И тогда мы понимаем, что за термином стоит дефиниция, стоит теория, стоит терминосистема, стоит знание.

Отражением логического начала и, одновременно, отличительным, обязательным признаком научного термина является его предикативность. Научный термин предикативен в том смысле, что в нем заложено отношение к понятию им обозначаемому, к месту, которое оно занимает в структуре знания к другим понятиям системы, к возможной интерпретации объема и содержания понятия. Термин становится авторским, когда в нем имплицировано авторское отношение, авторская предикация, авторская интерпретация специального понятия в тексте и дискурсе. Авторским термином в научном тексте становится центральное специальное понятие, несущее основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте. Это всегда новый ракурс, новый аспект, новый, собственно авторский подход к предмету исследования, новое специальное понятие. Автор выстраивает свою логико-понятийную систему.

Одним из способов концептуальной организации знаний является словарь. И мы рассматриваем специальный словарь как логико-понятийную модель терминосистемы, в которой в той или иной степени отражена системность научного термина. В переводном специальном словаре семантика термина раскрывается словарными переводными соответствиями.

Переводные словари традиционно носят справочный характер, так как обычно не содержат толкований, пояснений, комментариев. Они демонстрируют специальные понятия, закрепленные за термином-знаком через переводные соответствия на языке перевода. Использование такого соответствия в качестве переводного эквивалента требует раскрытия объема и содержания специального понятия. Наличие переводного эквивалента говорит о том, что специальное понятие закреплено за определенным термином-знаком в каждом из языков. Использование описательного перевода, калькирования, транскрибирования, транслитерации свидетельствуют об определенной стадии становления термина-слова.

Переводные словари также как и толковые одноязычные словари разрешают межотраслевую и категориальную многозначность термина специальными пометами областей использования термина и отнесением к определенной части речи. Общие переводные словари показывают место терминологического значения в семантической структуре слова и тем самым фиксируют функциональный статус термина в общелитературной лексике всего языка. Вместе с тем очень важные для потребителя аспекты прагматики термина, связанные с реальным функционированием термина в речи остаются открытыми и, как правило, не находят отражения в переводных словарях справочного характера.

Перевод термина начинается с предпереводческого анализа. Предпереводческий анализ текста включает следующие этапы:

- Отбор и стратификация всех «потенциальных» терминов в тексте.
- Лингвистический анализ языковой формы термина.
- Дефиниционный (логико-понятийный и категориальный) анализ термина.

— Поиск и подбор словарных переводных соответствий (контрастивный анализ).

Перевод авторского термина, который отличается в плане содержания своей концептуальной нагрузкой, многозначностью и предикативностью, а в плане выражения — морфологической, лексической, категориальной мотивированностью, мы рассматриваем как процесс понимания. Процесс понимания авторского термина осуществляется на трех уровнях: *образное мышление, категоризация, концептуализация*.

Семантизация (понимание) авторского термина рассматривается на трех этапах: **восприятие, интерпретация, перевод**.

На этапе **восприятия** мы «прочитываем» авторский термин, фиксируя прямое лексическое значение морфем и лексем его составляющих. Анализ лексико-грамматической формы термина-знака позволяет вскрыть его лексическую, категориальную и понятийную мотивированность. На этапе **интерпретации** мы обращаемся к контекстуальному значению, которое ограничивает объем и содержание специального понятия.

Собственно **перевод** авторского термина как поиск лингвистической формы для специального понятия в другом языке становится обобщающим, завершающим и определяющим шагом в процессе понимания термина. Поиск переводных соответствий и проведение переводческих трансформаций происходит на всех уровнях языка и речи: морфологическом, лексическом, синтагматическом, парадигматическом и прагматическом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева Л. М. Метафорическая терминологизация и текстопорождение // Терминоведение, 1997. № 1-3. С. 109-115.
2. Алексеева Л. М. Термин и метафора. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Языки русской культуры. 1995. 767 с.
4. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль 1978. 678 с.
5. Барляева Е. А. Символы сознания в структурах языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 264 с.
6. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 394 с.
7. Блумфильд Л. Язык. Благовещенск, 1999. 506 с.
8. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с. URL: www.bim-bad.ru.
9. Большая астрономическая энциклопедия. БАЭ. М.: Эксмо, 2008. 608 с.
10. Варшавская А. И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2008. 327 с.
11. Васильев Л. Г. Три парадигмы понимания: Анализ литературы вопроса, 1999. URL: sprach-insel.com.
12. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
13. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М. Изд-во МГУ, 1989. 239 с.
14. Войшвилло Е. К. Понятие. М.: МГУ. 1967. 286 с.
15. Войшвилло Е. К., Дяттерев М.Г. Логика: учеб. для высших учеб. заведений. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 528 с.
16. Герд А. С. Логико-понятийное моделирование терминосистем и машинный фонд русского языка // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж: ВГУ, 1988. С. 114-123, 117.

17. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 353 с.
18. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. М.: Лабиринт, 2010. 320 с.
19. Греймас А. Структурная семантика. Поиск метода. М.: Академический проект, 2004. 368 с.
20. Гуруцкий А. А., Гуруцкий И. А. Нейролингвистика: пособие для студ. вузов. Минск: ТетраСистемс, 2010. 192 с.
21. Демьянков В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 76 с.
22. Дианова Г. А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения). 2-е изд., переработанное и дополненное. М.: Р. Валент, 2010. 159 с.
23. Дианова Г. А. Термин и понятие: проблемы эволюции: дис. ... д-ра наук. М.: МГУ, 1996. 286 с.
24. Жинкин Н. И. (Избранные труды) Язык–речь–творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, по этике. М.: Лабиринт. 1998. 364 с.
25. Зарецкая Е. Н. Логика речи. М.: Дело, 2007. 424 с.
26. Ильющенко Т. А. Глагольная номинация в учебном компьютерном дискурсе: опыт моделирования учебного глоссария: монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. 208 с.
27. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 166 с.
28. Ковязина М. А. Понятийная система современной экологии в отраслевом словаре конца 20-го века (на материале английского и русского языков) // Вестник ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. № 1. С. 42-48.
29. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ им. 1-го Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. 818 с.
30. Контрастивная лексикология и лексикография: монография / под ред. И. А. Стернина и Т. А. Чубур. Воронеж: «Истоки», 2006. 341 с.
31. Корнелиус Д. Звездное небо. Предания и новейшие знания о созвездиях, звездах и планетах. М.: БММ АО. 2000. 176 с.
32. Лаенко Л. В. Восприятие–сознание–язык: онтология и гносеология взаимосвязи // Non multum, sed multa: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. М., 2010. С. 92-104.

33. Лингвистическое моделирование: коллект. монография. Тюмень: Вектор Бук, 2009. 186 с.
34. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
35. Морева Г. И. Общая психология. Познавательные процессы: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 556 с.
36. Нейролингвистика: хрестоматия / сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2009. 304 с.
37. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. М.: Наука, 1987. 146 с.
38. Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы. // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 39-48, 45.
39. Попов П. С. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М.: МГУ, 1974. 222 с.
40. Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. 556 с.
41. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы / пер. с англ. Киев: Ника-Центр, 2001. 560 с.
42. Рецкер Я. И. Что же такое лексическая трансформация? // Мосты. Журнал переводчиков. М., 2011. № 3 (31). С. 10-21.
43. Сборник научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой. *Non multum, sed multa*: немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. М., 2010.
44. Седов К. Ф. Нейро-психо-лингвистика: учеб. пособие. Изд. 2-е. М.: Лабиринт, 2009 250 с.
45. Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2001. 702 с.
46. Снакин В. В. Экология и Охрана природы: словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 384 с.
47. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения / под ред. д-ра филол. наук Ю. Н. Караулова. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал, УРСС, 2002. 360 с.
48. Стернин И. А., Чубур Т. А. Контрастивная лексикология и лексикография.
49. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. Вы уже поставили +1 этой странице. Отменить: учеб. пособие. Изд-во АСТ; Восток-Запад, 2007. 288 с. URL: www.twirpx.com.

50. Табанакова В. Д. «Культурные смыслы и семантика слова в английской, французской, немецкой и русской лексикографии». Тюмень: Вестник ТюмГУ. № 4. 2002. С. 106-118.
51. Табанакова В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 45 с.
52. Табанакова В. Д. Когнитивная обусловленность категориальной модели словарного определения термина. Тюмень: ТюмГУ, 2002. С. 65-69.
53. Табанакова В. Д. Количественный анализ геологических словарей // Изв. АН СССР. Сер. Геология. М., 1987. № 9. С. 133-136.
54. Табанакова В. Д. Моделирование научно-исследовательского текста: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. 152 с.
55. Табанакова В. Д. Типология словарей сегодня // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 4.
56. Табанакова В. Д. Функциональная вариативность специального переводного словаря // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах: матер. VI Международной школы-семинара. Иваново, 12-14 сентября 2005. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005.
57. Табанакова В. Д.; Зыков В. А. Культурные смыслы и семантика слова в английской, французской, немецкой и русской лексикологии // Вестник ТюмГУ. 2002. № 4. С. 106-118.
58. Табанакова В. Д., Ковязина М. А. Функциональная модель переводного специального словаря // Вестник ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. № 4. С. 158-165.
59. Табанакова В. Д., Ковязина М. А. Моделирование русской экологической терминологии в учебных целях: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 184 с.
60. Табанакова В. Д., Молчанова Д. С. Этимологический анализ названий экологических зон США // «Текст и дискурс: проблемы анализа и интерпретации»: сб. науч. ст. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 105-110.
61. Табанакова В. Д., Сивакова Н. А. ЭТО Типология словарей сегодня // Вестник Тюменского государственного университета. 2003. № 4.
62. Философия языка. Редактор-составитель Дж. Р. Серл / пер. с англ. М.: Едиториал, УРСС, 2004. 208 с.

63. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 2001.
64. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 320 с.
65. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
66. Харченко Е. В. Восприятие и понимание в профессиональном общении. // Вестник челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 48-49.
67. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995. 800 с.
68. Яркова Е. Н. История и методология науки: учеб. пособие. Тюмень.: Изд-во ТюмГУ, 2007. 320 с.
69. Derrida J. La carte postale: de Socrate à Freud et au-delà. Paris: Flammarion, 1999. 562 p.
70. Richard Hill We Europeans, Paperback, 432 pages, Published by Europublications, Brussels. 1992. 354 p.
71. Roger Lewis. How to write Essays. Oxford: Heinemann, Educational Books, 1979. 105 p.
72. The 18th European Symposium on Language for Special Purposes (LSP). Special Language and Innovation in Multilingual World. Book of Abstracts. Perm State University. 2011. 115 p.

Словари

73. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М.: Эдиториал Урсс, 2002. Т. II. 288 с.
74. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Изд. 2-е, испр. и доп. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. М.: Азбуковник, 2001. 640 с.
75. Англо-русский, русско-английский коммерческий словарь. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. 106 с.
76. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
77. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: в 2 т. Около 9000 терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2001. 640 с.
78. Большая книга изобретений / пер. с итал. Ю. Гавриловой. М.: ЗАО «Росмэн-пресс», 2007. 240 с.

79. Большой англо-русский словарь: в 2 т. Около 160000 / под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. Изд. 4-е. М.: РЯ, 1987.
80. Большой англо-русский словарь: в 2 т. Около 160000 / под общ. рук. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. Изд. 4-е. М.: РЯ, 1987.
81. Большой Энциклопедический словарь. Биология / гл. ред. М. С. Гиляров. Изд. 3-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 864 с.
82. Даль Владимир Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1994.
83. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995. 175 с.
84. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: изд-во МГУ, 1997. 245 с.
85. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
86. Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка. М.: Изд. дом «Диалог», 1999. 416 с.
87. Никитина С. Е., Васильева Н. В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М.: РАН ИЯ, 1996. 171 с.
88. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. Около 250000 / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: РЯ, 1999. 832 с.
89. Новый французско-русский словарь. 70 000 слов, 200 000 единиц / пер. 3-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1997. 1195 с.
90. Протасов В. Ф., Молчанов А. В. Словарь экологических терминов и понятий. М.: Финансы и статистика, 1997. 160 с.
91. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. 750 с.
92. Словарь общегеографических терминов. A Glossary of Geographical Terms edited by L. D. Stamp. London. 1961. М.: Прогресс, 1975. 407 с.
93. Снакин В. В. Экология и Охрана природы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 384 с.
94. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 4-е. М.: Сов. энциклопедия, 1986. 1600 с.
95. Современный англо-русский политехнический словарь. Около 90000 / под ред. А. Е. Чернухина. Бишкек, 1997. 688 с.
96. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42-67.
97. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. Изд. 2-е, стереотип.: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.

98. Философский энциклопедический словарь / редкол.: Аверинцев С. С., Араб-Оглы Э. А., Ильичев Л. Ф. и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
99. General Environmental Multilingual Thesaurus. Vol. 1-5. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche; Berlin: Umweltbundesamt. URL: <http://195.37.204.97/cds/GEMET/GEMET.exe>.
100. Peter Mark Roget Thesaurus of English words and phrases. Original Edition 1852.: Barison Marketing Ltd. 1992/ 418 p.

Научное издание

Вера Дмитриевна ТАБАНАКОВА

**АВТОРСКИЙ ТЕРМИН:
ЗНАЮ, ИНТЕРПРЕТИРУЮ, ПЕРЕВОЖУ**

Монография

В авторской редакции

Технический редактор	Н. Г. Яковенко
Компьютерная верстка, дизайн обложки	Е. Г. Шмакова
Трафаретная печать	А. В. Ольшанский
Офсетная печать	В. В. Торопов, С. Г. Наумов



Подписано в печать 07.08.2013. Тираж 230 экз.
Объем 13,0 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 610.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 45-56-60, 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru

